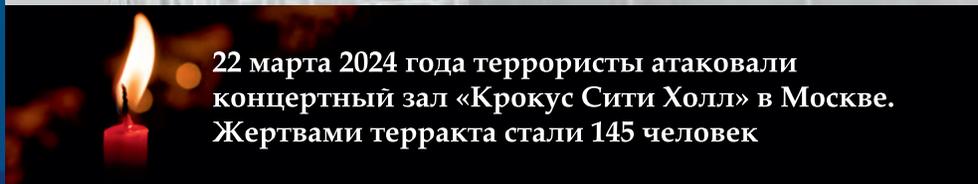


СИБИРЬ

3 • 2024



НАВСЕГДА В КАЖДОМ СЕРДЦЕ



22 марта 2024 года террористы атаковали концертный зал «Крокус Сити Холл» в Москве. Жертвами теракта стали 145 человек

ВОИНЫ БАЙКАЛА



Портреты жителей Иркутской области, которые принимают участие в Специальной военной операции, создают художники Аркадий и Наталья Лодяновы



Барков Вадим

СИБИРЬ

404/3 3•2024

Литературно-художественный
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Сегодня «Крокус» в каждом сердце

Владимир Скиф	3
Юрий Баранов	8
Андрей Сизых	10

Поэзия

Николай Вяткин. «Автоматное дуло у моего лица...»	13
Григорий Вихров. «А я на войне мировой...»	40
Валерий Скрипко. «Поверим господу! Так надо...»	57
Геннадий Ёмкин. «Вокруг Россия! Родина моя...»	66
Владимир Тыцких. «О, жизнь! Она в конце или в начале...»	82
Людмила Лаврова. «Есть у каждого свой Шевардинский редут»	88
Владимир Скиф. Далеко у Тихого	93
Наталья Шухно. «Как провозжают нынешних и бывших...»	151
Александра Малыгина. «И были нам неведомы печали...»	167

Проза

Владимир Крупин. Исцеление. Рассказ	17
Александр Витковский. Тёсе Кальчак... Кто аз емь? Глава из книги «Золото адмирала»	47
Михаил Николаев. Осенние трамваи... Рассказ	60
Любовь Московенко. Рассказы из цикла «Дедушкины уроки»	72

Очерки и публицистика

Иван Колокольников. Истории старого дома	95
Ирина Прищепова. Исток Ангары — ворота Байкала	121

Детская страничка

К юбилею автора

Анна Иоффе. Планета Байкал. Сказка 156

Точка зрения

Распутин в куклах. Дискуссия о спектакле по повести Валентина Распутина
«Последний срок» 170

Литературная критика

К 90-летию со дня рождения Виктора Баянова

Андрей Антипин. «Земли печальный сын...» 182

Александр Балтин. Шаровая мощь Василия Шукшина 185

Рада Черноусова. Мужское-женское Жанны Райгородской 188

Книжная лавка

Андрей Антипин. «Я люблю эту зрелую позднюю горечь...»
О новой книге стихов Василия Козлова «Гончарный круг» 190

Валерий Дмитриевский. «Мои рифмованные дни»
О книге М. Ножниной «Мелодия, придуманная мной...» 200

Книжная полка 206

Главный редактор **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, Ю.И. Баранов, В.В. Козлов,
М.Т. Орлов, О.Н. Полунина, А.М. Семенов, В.Н. Хайрюзов.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.
Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: shurnal_sibir_irkutsk@mail.ru

Подписано в печать 03.05.2024 г. Дата выхода в свет: 31.05.2024 г. Формат 70x108/16.

Усл-печ. л. 20. Тираж 1000. Цена свободная.

Издательство: ООО «Цифровик». Адрес издателя: 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2. Тел. 89041222627.

Отпечатано в типографии: ООО «Цифровик»

Адрес типографии: 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2

Сегодня «Крокус» в каждом сердце



ВЛАДИМИР СКИФ

**Памяти погибших
в Красногорске**

Неужто снова гибельные дни,
Как в 41-м — грянули в Отчизне?
Из нашей жизни не ушли они...
Нацисты снова бьют по русской жизни.

Опять вампиров беспилотный гул
Качается в московском небе мгλισтом.
Вздывается невиданный разгул
Напавших на Россию террористов.

Колонне пятой нравится раскол
И в обществе, и в христианском свете.
Горит, пылает «Крокус Сити холл»,
Где погибают взрослые и дети.

Горит земля, ночь корчится в золе,
Горит Хатынью, памятью кричащей...
Идут вампиры по моей земле,
По родине моей кровоточащей...

24.03.2024

* * *

О, России могучее древо!
О, родная моя сторона!
Над тобой сатанинское чрево
Высеваает свои семена.

Отдохнуть бы от горя, уснуть бы,
Но я вижу, как рядом со мной
Разбиваются вдребезги судьбы,
Уносимые в згу сатаной.

Оставляя смердящие знаки,
Сатана приникает к земле:
И восходят кровавые злаки,
И мерцают копыта во мгле.

Сердцу мнится последняя тризна,
Но из плоти, из крови страны
Исчернённая болью Отчизна
Выдирает посев сатаны.

1996

* * *

Вздыбил век тяжёлые скрижали,
Встала жизнь во времени стеной.
Мы себя по свету разбросали
И теперь живём, как на вокзале,
В отчине, от горя — ледяной.

Чтобы жизнь не стала общим плачем,
Мы готовы на закланье лечь.
Мы для мира что-нибудь да значим,
Мы Господней Истины не прячем,
Мы святая — во Вселенной — течь.

Истина — хрусталь неодолимый,
Истина — магический кристалл.
Мы в стране поруганной, былинной,
Со крестом и верой неделимой
Вечность измеряем по крестам.

По дорогам мёрзлым и окопам
Мы, как знамя, Истину несли.
Слыша рядом сатанинский топот,
Мы спасали христианский опыт,
Только вот себя — не сберегли.

На земле не погибают дважды...
Скажем Богу: — Господи, прости!
Станем снова бдительны, отважны,
Чтобы к Месту Лобному однажды
Всех врагов России привести.

1999

Родина

Какая неожиданная грусть —
На склоне дней подсчитывать утраты
И понимать, как распинают Русь
Моих времён иуды и пилаты.

Станислав Куняев

Родина распятая, взгляни,
Как, взрываясь огненными смерчами,
В бездну века протекают дни,
Вместе с ними вся страна заверчена.

Исчезает русский материк
С памятью народной, с Божьей церковью.

Может, остановимся на миг
В ясном храме и за жизнь зацепимся.

Засмеёмся и отринем грусть,
Встанем на холме, на возвышении,
Чтоб очистить от пилатов Русь,
Уберечь её от поношения.

Притекут в Россию благодать,
Исцеленье, радость и сияние.
Быть распятой — значит испытать
Высшее, святое Богознание!

2006

Третья мировая

Дымом от выстрелов прошлых веков
В небе качается гроздь облаков,
Или погнал дикий ветер
Дымную память столетий?

Пушкин и Лермонтов падают вновь,
В вечности стелется дымная кровь
Русских горячих поэтов,
Канувших в тёмную Лету.

Порохом пахнет задымленный лес,
Снова нам чудятся в окнах небес
Выстрелы, ставшие громом,
А для России — уроном...

Снова вздымается времени дрожь,
Сыплется пулями хлынувший дождь!
Ходит вдоль русского края
Третья война мировая...

2007

* * *

Скрипит вселенская рессора,
Повозка времени скрипит.
Меж сном и явью нет зазора,
И потому весь мир не спит.

Взовьётся лавою Везувий,
Проглотит старца и раба.
И никого не образумит
Помпеи гибельной судьба.

Достигший перенаселенья
На всей земле, он ждёт, когда
Начнётся светопреставленье,
Взорвутся скалы и вода.

Не станет силы у природы
Спасти народы и леса.
И будет много всем свободы
Уйти навечно в небеса.

Снегопад

Был свет на улице потушен...
Вдруг с неба рухнул снегопад.
Ах, нет! С небес летели души
Убитых на войне солдат.

Я думал, что летят снежинки,
Минуя Лондон, Амстердам,
А это души, как пушинки,
Летели к русским городам.

Летели души и искрились,
Дымились рощи и поля.
Их было столько, что покрывалась
Летучим саваном земля.

Я видел — это были жизни
Солдат, погибших на войне.
И дрожь прошла по всей Отчизне,
И болью вскрикнула во мне.

* * *

Белый Ангел пролетает,
Чёрный бес глядит в окно.
Ночью звёздами блистает
То ли небо, то ли дно.

Будь для русских, белый Ангел,
Путеводною звездой.
Сбрызни мёртвые полянки
Животворною водой.

Чтобы Родина святая
Снова крылья обрела...

Белый Ангел, пролетая,
Уронил свои крыла.

...Сверху чёрт свои обманки
Тоже кинул в этот миг,
И пошли утюжить танки
Русский дом и русский крик.

Бедной Родины останки
Разметало, как грозой.
И умылся белый Ангел
Горькой Русскою слезой.

Гнездо

После Третьей войны Мировой
Всё исчезло на грешной земле.
Будто язвой смело моровой
Всех, кто в городе жил и в селе.

Сколько минуло лет? Может, сто
После Третьей войны Мировой.
...И кружилось на небе гнездо,
Может, в нём кто остался живой?

* * *

Как странен этот мир железа,
Кастета, камня и ножа.
Ребёнок плачет от пореза,
Святая Русь — от мятежа.

Кто нас полюбит, кто разбудит,
Заставит выбраться со дна?
Быть может, Валентин Распутин?
А, может, новая война?

Опять на четверть нас убудет,
Другую четверть понесёт

По свету, словно вихрь закрутит.
Мы, видно, проклятый народ.

Наш мир и вправду неуютен,
Бессилен заново расцвести.
Но если рядом есть Распутин,
То значит и надежда есть.

Ведь что-то впереди светлеет,
Ведь совесть русская болит.
И, может быть, нас пожалеет
Господь — и выстоять велит.

Я — русский

Не упасть бы, не разбиться	И надеждою безмерной,
Посреди разломов дня.	И бессмертною судьбой.
Расхитители, убийцы	
Тайно смотрят на меня.	Что ведёт меня прямая
	Сквозь разломы бытия.
Им неведомо, наверно,	...Я-то знаю, понимаю:
Что испытан я собой,	Для врагов — загадка я.

* * *

Жизнь, как свет, в окошко брызнула,
Никому не потушить.
Я как будто начал сызнава
Улыбаться, думать, жить.

Мне б поля не видеть голыми
В обездоленном краю.
Брошусь из огня да в полымя,
Чтобы выстоять в бою.

Русь моя, начнём всё сызнава!
Поднимайся из руин,
Чтобы жизнь лучами брызнула
Среди проданных равнин.

Поднимай свой меч, оплавленный
Русским пламенем побед!
Ярославной хватит плакаться,
Ведь тебя сильнее нет!

2005

ЮРИЙ БАРАНОВ

«Крокус»

Сегодня «Крокус» в каждом сердце.
И черный ангел Асраил,
Скользнув в ворота или дверцы,
Живых и мертвых разделил.

Лежали мертвые, живые,
И полыхал наш общий дом.

Мне были все они родные.
Предательский ударил гром.

Мы стали сердцу непослушны,
И в русский колокол не бьём?
И к пришлым, и к чужим радушны.
Но зверя нужно бить дубьём.

Майдан

Майдан веселился и пел, грохотал.
Ломал и уродовал души,
Кипел и коктейлями «Беркут» сжигал.
Стрелял, выворачивал уши.

И ненависть жуткой воронкой была,
В которую падали люди.
И счастье, и радость мгновенно смела
По дьявольской страшной причуде.

А волны тяжелой, чужой нелюбви
Топили несмелое счастье.

Весь мир под угрозой потопа в крови
Под тучей грозы и ненастья.

Майданные волны топили и жгли,
Стремясь охватить всю планету.
Но только Россию спалить не смогли.
Здесь песня майданная спета.

Мы злобные волны развеем, сождем,
Майданное зло закопаем.

Пусть русские ветры летят напролом,
А имя России сияет!

Песиголовцы

Они ползут, зализывая раны,
И любят нападать из-за угла.
Пиров кровавых жадные гурманы
Стремятся сжечь страну свою дотла.

Карпатских мифов страшные герои,
Вампиров братья, совесть их черна.
Земли родной, растившей их, изгой,
И песья голова у них видна.

Песиголовцы страшного загула
Опять идут дорогами войны.

.....
Но ставят их под пушечное дуло
Руси непобедимые сыны!

Русская сила

Изорваны в клочья зеленые ивы.
Снаряды, ракеты, кровавые взрывы.
И каждый снаряд уничтожил цветок:
Цветущее счастье, людской кровотоков.

Наполнены реки кровавым потоком.
Сердца белгородцев как будто под током.
Усталые Ангелы души несут
На верный и вечный, на Божеский суд.

Где спросится с каждого. Пролита кровь,
Где ненависть правит? Убита любовь!
Не будет пощады убийцам-волкам,
Иудам, предателям, вечным врагам!

Поэтому выросла русская сила.
И ждет неприятеля только могила.
Мы новое солнце над миром зажжем!
Здесь русское счастье и русский наш дом!

Биоробот

Был создан странный биоробот.
Послушен был и дело знал.
Он убивал, не слыша ропот,
Терзал людей и истязал.

Истории людской не ведал,
Не знал он, что такое мать.
Он вовсе никого не предал.
Прекрасно чувств людских не знать!

Прикажут, он убьёт любого.
Любовь, добро — какая чушь!
И злоба сердца ледяного
В духовную ввергала глушь.

Служил хозяину бесстрастно.
Возможно, счастлив был вполне.
Но вдруг сказал хозяин властно:
Не нужен более ты мне.

Наморщив лоб, немой от века,
Он, кажется, в бездумье впал.
И, не узнавши человека,
Он на хозяина напал.

Рыдаем мы над Украиной.
Её хозяин умертвил.
Он сделал чернозем трясинной
И разума людей лишил.

АНДРЕЙ СИЗЫХ

Свет и свобода

С неба взять золотую звезду —
Снег украсит бушлат аксельбантом...
В этом страшном, кровавом году
Они стали бессмертным десантом.
И таких на Земле больше нет!
Лучше нет и смелей, и красивей
Их, проливших из ран своих свет
Весь до капли, с любовью к России.

Март 2022 г. — март 2024 г.

Мой плач

Над Подмосковьем расцвёл небывалый цветок!
Господи Святой, ты зришь, что наделали черти?
Сдавленный крик превращается в горле в комок
В миг, когда шаг остаётся от жизни до смерти.
Дай же нам сил и надежды не трусить, не врать,
Силой твоею и правдой нести воздаяние
Тем, кто зверей посылает людей убивать,
Тем, кто несёт в этот мир только боль и страдания.
Души невинных прими же в свой ласковый дом!
Пусть прорастёт первоцветами память людская,
Слёзы пусть выльются тёплым весенним дождём,
В наши сердца ни унынья, ни зла не впуская.

25 марта 2024 г.

«Крокус»

Шафрановой пылью клубилась ночь,
Кричали люди, стучали пули,
И некому было прийти помочь —
Уснули ангелы в карауле.

А дьявол смеялся Небу в лицо,
Злорадно сжимал ятаган в ладонях,
Не ведая то, что святых бойцов
И ликом прибыло на иконах,

Что Божий Архистратиг Михаил
Вздымает Карающий Меч Рассвета,

Что в тысячу раз прибавилось сил
У войска Христова во время это!

Всем видим стал силуэт врага,
Его адептов кровавых локус —
Откуда смерти растут рога,
Открыл горящий отмщеньем «Крокус».

А люди копны живых цветов
Назавтра к братской несли могиле —
Дарили павшим, и громких слов,
Ненужных мёртвым, не говорили.

24.03.2024 г.

Языком плаката

Освободить родную землю от
Бандеровских нацистских нечистот —
Куда уж более достойная задача!
И только сволочная кукарача
На наш народ и Родину плюёт.
Всё как всегда — как в 41-й год
Сдавались в плен германским кровопийцам,
Предав своих товарищей в бою.
Спасая жизнь ничтожную свою,
Служили верно бледнолицым фрицам —
Голубоглазым демонам-арийцам,
С ээсовцами встав в одном строю.
И Родина их не забыла — нет!
Как ныне тех, кто служат палачами!
Все будут перед ней держать ответ
За горе матерей, за детские печали,
За преждевременные смерти стариков,
За надругательство над верою и честью.
Они насытятся сполна народной мезью,
И будет так во веки всех веков.
Солдаты русские им вытешут гробы,
Уже петля самими ими свита.
Осталось только напилить столбы,
Но с этим нет в отчизне дефицита.

Март 2024 г.

На кончике иглы

Землём опять владеют силы мглы,
Сторонники и слуги Бафомета.
Все ангелы на кончике иглы
Божественного праведного света
Сосредоточены, отточены мечи.
Господь пришьёт к мундиру эполеты,
Отдаст приказ, и солнышка лучи
Позолотят и души, и предметы.
Кто б ни был он, проклятый супостат —
Наполеон или кровавый фюрер,
Пусть только предки нас за всё простят,
Мы всем докажем — Русский Мир не умер.
Восстанет духом христианский люд,
Отступят псы Аида от границы,
И яркий над Отечеством салют
Зажжёт Господь, взмахнув пером Жар-птицы.

Февраль 2024 г.

* * *

*Дмитрию Юшковскому и Аширу Бердыеву —
моим друзьям, павшим за Родину*

Небо сегодня кричит пронзительно синим цветом:
Лучшее время жить — на суету не трать!
Пусть пулемёт строчит, взрываются бомбы букетом,
Всё-таки хочется жить — не хочется умирать.

Небо приняло вас, братья, в свои объятия —
В армию светлых сил, воинство высших сфер.
Лучший вам выпал шанс встать за Отчизну ратью,
И Архистратиг Михаил — первый тому пример.

Лучшее время тех, кто заслужил бессмертие.
Смерти на Небе нет — это земной удел.
Ангелам путь наверх — в солнечное безветрие,
В синий Фаворский свет, из ненадёжных тел.

07.02.2024 г.

ПОЭЗИЯ



НИКОЛАЙ ВЯТКИН



«Автоматное дуло у моего лица...»

* * *

Ночью луна была рыжей
и улыбалась нам в лица.
Били по ней трассера.
Чавкала чёрная жижа —
так земля матерится —
под берцами до утра.
А сейчас луна побелела,
словно фатой обернулась,
и в облаках плывёт.
Под ней стоит обалдело,
расправив свою сутулость,
неполный уставший взвод.

ВЯТКИН Николай Юрьевич. Поэт, прозаик, музыкант. Родился в 1968 в г. Алзамай Иркутской области. Работал на студии кинохроники в Иркутске, учился на филологическом факультете в Красноярском и Иркутском университетах. Окончил литературный институт им. Горького. Автор сборников стихов: «Река, впадающая в небо» (1994), «Рябиновый дождь» (2000), «Голосом ветра» (2007). Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирь», «Первоцвет», в поэтических сборниках и антологиях. Лауреат конференции «Молодость. Творчество. Современность» (1991); участник Семинара молодых писателей России (1997), Форума молодых писателей России (2001). В 2003 г. с женой Еленой Вяткиной организовал семейный ансамбль «Рябиновый дождь», автор стихов ко множеству песен, исполняемых семейным ансамблем, который становился лауреатом многих всероссийских и международных конкурсов. В данное время числится пропавшим без вести в зоне СВО.

* * *

За день дрова заготовили впрок, на нем шашлыки и странный салат,
теперь в палатке почти весна — но, кажется, всем зашёл.
в железной печке трещит дубок, Царская водка по сто пятьдесят
раскалилась она докрасна. втихую по кругу идет,
Из досок на ящиках из-под гранат — и медленно окосевает взгляд
импровизированный стол, в Новый драконий год.

* * *

Мы помним Наполеона, как он оставил войска
и бежал из России с растерянной рожей.
Потому что вокруг непролазные, черт, снега
и морозец хороший.
Помним Паулюса, сваренного в «котле»,
и его солдат, превратившихся в оборванцев.
А нечего шляться по нашей земле
с наглой улыбкой Фрицев и Ганцев.
Нынче — другое дело.
Солнце колоколом звенит
по любому из нас на той стороне и на этой,
и, может быть, серый укроет гранит
сердце поэта.
Но сколько ж ещё ярости в молодом быке,
бегущем на красную тряпку слепо!..
Но самое стрёмное, что пацифист БГ
купил танк и стреляет в русское небо.

* * *

Усталость такая, что погружаешься в сон,
едва лишь коснешься нар искривлённой спиной.
Чуть рассветет, и снова на полигон.
А пока что палатка с простреленной тишиной.
Грязный бушлат сушится у печи.
Надо помыться, хотя бы под Рождество.
Снится абсурд: баба печёт калачи.
Режет тротил, в топку кидает его.
Под чей-то тяжелый храп в четыре утра
выйдешь до ветра, где звёзды слезятся во мгле,
и понимаешь, что просыпаться пора,
но все ещё спишь, стоя на мёрзлой земле.

* * *

Это, наверное, странно — слушать на нарах Баха,
быть одновременно в Ба́хмуте и везде.
Плыть в океане музыки, как черепаха
плывёт в голубой океанской воде.
Льётся с наушников fuga на перепонки.
Магов и храпа не слышно... я полностью погружен,
и даже не верится, что вкус мой, почти что тонкий,
в апофеозе войны удовлетворён.
В эту среду я погружен осознанно —
сейчас далеко от меня и враги и друзья!
Тащит душа свой панцирь так грациозно,
словно она свободна от всех и вся.

* * *

Меня не расчеловечить, я держусь за Христа,
за ноги его, продырявленные гвоздями.
И взглядом его обозначена мне высота —
нет, не та, что за облаками,
а та, что во мне и в каждом из нас — всегда,
просто она в полуночной мгле сомнений...
Но вновь вифлеемская в небе плывет звезда!
Земля серебрится, чернее становятся тени.
А значит ещё далеко до страданий Христу!
Рождается вновь он под дудок пастушеских пень!..
Гляди в свое сердце и не прозевай звезду —
она осветит твоей высоты ступени.

* * *

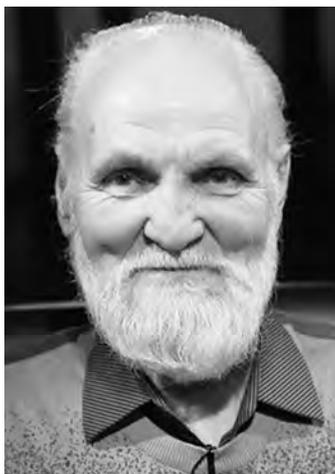
Автоматное дуло у моего лица.
Сто раз говорили, не надо так делать, ребята.
Даром в башку влетит восемь граммов свинца,
и обольешься кровью заката.
В марше на полигон молча иди в строю,
слушай бывалого вагнеровца — он говорит по делу.
Короче, очнись: мы уже на краю —
смерть получила доступ к любому телу.
И вообще соберись, не дергайся, не психуй.
Есть шанс испытать себя, что может быть гарней?
А у тебя через каждое слово то б.., то ..й!
А надо бы помолиться за себя и за того парня.
А надо бы помолиться и за врага!
Красная зона всех нас взяла в объятия.
А столкнешься лицом к лицу, такая возьмёт тоска —
как ни крути, все-таки мы братья.

* * *

Я не знаю, люблю ли я тебя, или просто привык
к ясным глазам, как к солнцу и небесам.
А сейчас мы в разлуке, и над головой крик
хищной птицы, бьющей крыльями по басам
проводов высоковольтной ЛЭП
в плотной серости дня, где замешаны снег с дождем.
И порой мне кажется, я как Гомер слеп,
но гляжу в себя и вижу, что мы вдвоем.
Серый мир от облака до простыни —
нет, не грязной, просто солдатской — такой вот цвет,
исчезает на время, и мы одни,
и не важно, закат сейчас или рассвет.
Глаза твои заменяют мне небеса,
и, гоняя в простывшем носу соплю,
понимаю, что в них, как солнце, горит слеза,
и поэтому я все же тебя люблю.



ВЛАДИМИР КРУПИН



Исцеление

РАССКАЗ

Ранней осенью в монастыре отпевали хорошего человека. Сладкий кадильный дым, умильные слова молитв, согласное пение хора снимали скорбь, умиротворяли.

После отпевания архимандрит пригласил меня к себе и решительно сказал:

— Сколько я ещё могу отпеть? Конечно, Богу виднее, кого призывать, но Он не возбраняет нам заботиться о здоровье. А оно необходимо для трудов во славу Божию. Так? Вы согласны?

— Н-ну да, — я не понял, к чему это сказано.

— Вот что, — решительно сказал архимандрит, — и не вздумайте отказываться от моего предложения.

КРУПИН Владимир Николаевич родился 7 сентября 1941 г. в г. Кильмезь Кировской области. Русский православный писатель, публицист и педагог. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института. Работал учителем русского языка, редактором в издательстве «Современник», главным редактором журнала «Москва» (1990–1992). Лауреат Патриаршей литературной премии (2011). С 1994 г. преподавал в Московской духовной академии; с 1998 г. — главный редактор христианского журнала «Благодатный огонь». Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Автор книг: «Зёрна» (1974), «До вечерней звезды» (1977), «Живая вода» (1980), «Вербное воскресенье» (1981), «Сороковой день» (1981) и многих других. Живёт в Москве.

— Какого?

— Вы плохо выглядите. Надо вам немедленно лечь на обследование. У нашего спонсора есть договорённость с одним очень хорошим лечебным центром. За неделю ничего не изменится. Вас полностью обследуют, дадут какие-то рекомендации. Может, где-то что-то надо подвинтить, что-то убавить, а что-то прибавить. Усилить защиту против инфаркта-инсульта. Как раз сегодня арендованная спонсором отдельная палата освободилась. Завтра с утра будьте готовы.

— Но...

— Вы служили в армии?

— Так точно.

— А у нас дисциплина сильнее, чем в армии. Примите как послушание.

Вернулся домой — жена встречает очень радостная.

— Это же очень хорошо — обследоваться. Врач звонил, говорит, чтоб ты взял халат, пижаму и шлёпанцы.

— Но у меня нет халата и пижамы, — обрадовался я. — Может, не примут?

— Есть же летние брюки лёгкие, и туфли летние есть. И приличные тапочки. И курточка лёгкая. Я уже приготовила. Вот ложечка для заварки, тебе Валя подарил, вот чай. Но врач сказала: там нет посещений. Почему?

— Почему вообще меня туда везут?

— Обследоваться! Тебе это надо. Ты плохо спишь.

— Да сейчас уже и медведи в берлоге плохо спят.

И вот, жизнь моя назавтра с утра резко изменилась: в сопровождении монастырского врача я был доставлен в этот медицинский центр. Ехал с великой неохотой, надеялся, что что-то сорвётся и я вернусь. Ещё ограда утратила — высокая, плотная, по верху обведённая колючей проволокой. Проволоку облагораживал оплетавший её дикий виноград.

— Тут был связанный с обороной режимный объект. В 90-е ликвидировали, потом ни то, ни сё, потом вот медицина, — объясняла врачиха.

На проходной, оказывается, и пропуск был уже заказан. В приёмном отделении она меня сдала другому врачу, та велела мною заняться женщине в синем халате. А эта отобрала у меня верхнюю одежду и обувь, видимо, чтобы не сбежал, дала больничные тапочки и сопроводила в терапевтическое отделение. Просторный лифт, потом длиннющие чисто вымытые пустые коридоры с дверьми справа и слева. Очень похоже на тюрьму для блатных. Завела в кабинет, где у меня прослушали грудь и спину, измерили давление, и ещё одна сопровождающая привела, наконец, в отдельную палату. Стол, стул и какая-то замысловатая кровать на шарнирах. На стене провода, кнопки, табличка: время приёма пищи, процедуры, подъём, отбой, номера телефонов дежурной.

Я хотел полежать на кровати, я же лёг на обследование. Собирался осмыслить перемену в жизни, но даже и не присел: пришла медсестра и повела к заведующей. Попросила отключить телефон. А он у меня, оказывается, и вообще сегодня не включался. На ходу сообщила, что из центра выходить нельзя, только по заявлению, которое подпишет лечащий врач и которое заверит зав. отделением.

А вскоре сама зав. отделением обрадовала ещё и тем, что это обследование не неделя, а минимум десять дней. Да и то, сказала, это очень быстро для полного обследования. Очень много анализов, и разовых и повторных, всё это скоро не бывает. И из пальца, и из вены, и сок желудочный, и, конечно, моча. И капельница,

и таблетки утром и вечером, и всякие рентгены. Кардиограммы, энцефалограммы. УЗИ. И процедуры. И глотание маленькой телекамеры, тоже всё будет.

— А выходить, значит, нельзя?

— По специальному разрешению. Но у вас будет такой плотный график, что выходить будет просто некогда.

Я затосковал: уж хватило бы в моей жизни заборов, ограждений и оград, но куда тут денешься, архимандриту надо подчиняться.

Подписал, не читая, несколько многостраничных бумаг, вернулся в палату. Подошёл к окну. И такой мне вид открылся! Он меня необычайно восхитил и даже примирил с ролью временного жителя в запертом пространстве. Центр этот на юго-востоке столицы. Из окна палаты был вид на Московскую кольцевую автодорогу, МКАД, за ней Николо-Угрешский монастырь. В нём я, конечно, бывал. Но была видна ещё и церковь села Беседы, вот что впечатлило. Я её многократно замечал, когда проносился по этой кольцевой трассе. И справа налево, и слева направо. Невольно возникло сравнение с наброшенными на город овальными обручами хула-хуп. И Москва их крутит, вращаясь одновременно и туда и сюда. Она такая — всех завертит. А может, и они её.

Но вот почему-то в церковь Рождества Христова в Беседах не получалось заехать: или торопился, или ещё что. Всегда жалел: село Беседы значительно для русской истории. Не только оттого, что тут располагались великокняжеские угодья, но главное — тут происходил военный совет — беседа — перед Куликовской битвой.

И я возмечтал побывать в Беседах. Казалось, село близко. Дойти до кольцевой автострады, перейти её, тут и церковь. Может, тут километра два. Да, надо жене позвонить, обещал же. Но когда было звонить? И только начал тыкать в кнопки мобильного, как в палату, безо всякого стука, пришла женщина в белом, в затемнённых очках и — ни здравствуйте, ни прошу прощения — сразу:

— Отключите телефон, садитесь. Я ваш лечащий врач. Римма Оскарвна. Левую руку кверху ладонью на стол.

Стала измерять давление. Потом прослушивать.

— А от чего меня лечить? — спросил я. — От старости же не лечат. У меня оба дедушки у врачей не бывали, а жизнь-то какая им досталась, и ничего, жили. До старости дрова пилили-кололи. Хочу на них походить.

Моя разговорчивость ей не понравилась. Так я понял. Или она немножко недослышала. Также я сообразил, что они у меня все равно чего-то найдут. А дальше по кругу: примутся одно лечить, другое тоже захочет лечиться, и уже из этого круга не выскочить. Тут только начни.

— Меня же только на обследование положили. Так-то я себя хорошо чувствую. Если что-то и есть, так возраст всё-таки. — Я всё-таки надеялся, что она даст мне от ворот поворот, то есть получится, что не сам отсюда убегу. А убежать мне захотелось.

— Зачем меня здесь держать? — рассуждал я, тоскливо глядя на белые стены. — Живу же. Не слепой, не глухой. А если что и есть, так это нормально. Надо же от чего-то умирать.

Врачиха, никак не реагируя на моё нытьё, присела к столу и стала заполнять бумажки, похожие на квитанции. Может, она меня и не слышала. Протянула несколько штук:

— Это уже на сегодня. На завтра у дежурной медсестры. С утра не завтракать, анализ крови. — Снова померила давление.

— Нормальное? — спросил я. — Третий раз за два часа измеряете. Конечно, оно от переживаний прыгает.

— А какое для вас нормальное? — спросила она.

— Не знаю, — честно сказал я. — Да зачем и знать? Прекрасно себя ощущаю! Может, ничего мне и не нужно? Поеду обратно?

— Вы прибыли на обследование, — холодно сказала она, — а в этом обследовании многие десятки параметров, кроме кровяного давления.

— Хорошо, спасибо. — Я взял бумажки.

— Давайте познакомимся, — сказала она.

— Так мы же уже знакомы. Вы — Римма Оскарвна.

— С вашим организмом. Снимите рубашку.

Выслушивала она мои внутренности внимательно. Эти с детства знакомые: дышите-не дышите.

— Повернитесь спиной. — Простучала лопатки и рёбра. — Рёбра ломали?

— Да. Восьмое-девятое слева. Потом три справа. Но всё зажило.

Она присела к столу. И стала допрашивать и записывать, будто сама вела протокол:

— Рост?

— Всегда было метр восемьдесят, но сейчас, чувствую, уменьшаюсь.

— Вес? — Она, наверное, была врач-робот.

— Тоже по-разному. Но стараюсь за семьдесят три не заезжать.

— Пьёте?

— В тяжком прошлом. «Для пьянства вот какие поводы: крестины, свадьба, встречи, проводы, уха, защита, новый чин и... просто пьянство без причин». — Даже не моргнула.

— Бывает утомляемость?

— Ну да, я ж не трактор. Трактор и то...

— Изжога?

— Бывает. Но это у меня с армии. Там знаете, чем изжогу лечил? Пеплом от сигареты. Я же дураком был, ещё и курил.

— Головокружение при перемене положения тела?

— Так как не бывать, бывает. Если согнуться, да резко разогнуться. Но можно резко и не разгибаться.

— Дискомфорт в левой стороне груди?

— Поволнуюсь когда. С женой когда поссорюсь. Тут да, дискомфорт.

— Боли в шейном отделе позвоночника?

Я напряг затылок и признался:

— Это тоже есть. Но это опять же всё как у всех.

— За всех не надо отвечать. Снижение памяти?

— Да вроде пока помню. Где позавтракал, туда же обедать иду. — Я надеялся, что врач понимает шутки. — Конечно, уже не как молодой. Да и зачем много-то помнить. «Отче наш» выучил и хватает.

— Горечь во рту? Отрыжка?

— Можно, я рубашку надену? — спросил я.

— Можно не спрашивать. Икота?

— Бывает. Но скажу: икота, икота, иди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого, то без всякого лекарства проходит.

Нет, врачаха, а ведь молодая ещё, была без эмоций:

— Перенесённые заболевания, операции? Какие, когда, под каким наркозом? Общим, местным? Контакт с инфекционными больными?

Я перестал шутить, отвечал на вопросы. Сообщил о перенесённых пяти операциях под общим наркозом.

— Но они были давно, хорошо прошли, всё прошло.

— Ложитесь. Расстегните ремень. Спустите брюки. — Она стала мять живот. — Тут чувствуете? Тут? Тут?

— Везде чувствую, — доложил я. — Но нигде не болит.

— Сядьте. Покажите язык. Высуньте побольше. Уберите. Повернитесь вправо. Так. Теперь влево. — Она и в уши поглядела, и глаза проверила, заставив меня поводить ими в разные стороны. — Это так, прикидочно. Подробнее уже специалисты. — Подержалась за пульс. Чего-то ещё пописала.

Нет, это была не женщина, это был робот. Её, наверное, делали в Японии по спецзаказу. Она встала:

— Какие будут просьбы?

— Будут. Убрать телевизор.

— Но можно же не смотреть.

— Нет, даже один его вид вызывает аллергию.

Она пожалала плечами и вышла. Я включил телефон, сразу занывший. На экранчике прочёл: номер такой-то. Конечно, жена, звонила. Семь раз. Вызвал её, даже оправдываться не стал: она с ума сходила, думала, что-то случилось, я же не отвечал. Не сумев до меня дозвониться, в интернете нашла телефоны центра, меня отыскивали в списках отделения, даже сказали ей номер телефона палаты. Но и он не отвечает.

— Ты меня в могилу загонишь!

— Осмотр был. У меня минуты не было, чтоб позвонить.

— Именно для меня не было.

— Я не знал, что в палате есть телефон. А, вижу — над кроватью. А, он в розетку не включённый. Включаю. А какой у меня номер? А, тут написан.

— Осмотр был, и что?

— Я весь больной.

— Я это знала. Что-то серьёзное? Будут лечить?

— Будут в гроб загонять. Помнишь шутку про врачей? Консилиум: «Ну что, лечить будем, или пусть живёт?». Или вторая: «Несмотря на все наши старания больной выжил».

— Что-то серьёзное, я спрашиваю?

— Абсолютно здоров. Хоть в космос отправляй. Будешь женой космонавта. — В палату постучали. — Извини, пришли, позвоню. Да!

Пришёл мужчина в синем халате с белым воротником:

— Сказали телевизор у вас забрать. Они не шутят?

— Здесь разве шутить умеют? Да, спасибо, заберите.

— А что так?

— Ненавижу.

— Так-то так, — согласился он. — Но, а вдруг «Барселона» играет.

— Так чего ж ты не за своих болеешь?

— Я за игру болею. А наши что? По минуте думают: пнуть по мячу или укузаний подождать. В Лондоне, в 68-м, по-моему, когда мы победили, им нечего было на приём к королеве надеть. За родину воевали, нынешние за деньги, где ж тут победы будут? Ну, вообще-то на чемпионате поднатужились, да и то даже не четвертушка, восьмушка. Так и то, какое ликование развели.

— Но победы нужны, как без них?

— Без них никак. Какая боль, какая боль, нет у России: десять — ноль.

Он ушёл, я стал звонить жене. Она ответила, но в дверь вновь постучали. Дежурная. Принесла ещё листочки. Разложила на столе, и те, что заполнила врачаха, тоже разложила. Стала объяснять порядок посещения кабинетов.

— Этаж, номер, время, всё прописано. Сложено по порядку. Лучше приходите заранее. А то у нас есть любители лечиться. Ещё запомните номер стола. У вас пока общий. То есть не диета. Уже скоро обед. Или сюда принести?

— Это уже когда залечите до лежачего положения, тогда.

Но эта хотя бы улыбнулась.

На обеде, куда потихоньку сходились люди в пижамах, меня удивила тишина. Даже ложки-вилки не брякали. За компотом все ходили со своими кружками. У меня своей не было. Раздатчица удивилась, но тут же взяла белую больничную кружку, ополоснула, потом сказала: «Кипятком поливаю, это будет ваша персонально, возьмите с собой в палату. У вас должен быть чайник».

— Нет, не видел.

Когда вернулся в палату, чайник, тоже белый, стоял на тумбочке. Подошёл к окну — в воздухе пропархивали мелкие желтые листочки. Смеркалось. Сейчас всё раньше будет наступать вечер, потом и вовсе зима.

Стук в дверь. Да, надо же куда-то, в какой-то кабинет. Медсестра, уже другая, принесла капельницу. В перевёрнутой большой мензурке болталась какая-то жидкость.

— Ложитесь. Закатайте рукав левой руки. Поработайте кулачком, пожимайте и поразжимайте пальцы.

Прошупала пальцами с маникюром кожу на сгибе локтя, протёрла влажной ваткой, уколола в это место иглой, которая продолжалась прозрачной трубкой, и по ней из мензурки начало поступать в мой организм, прямо в кровь, что? Лекарство? Какое, от чего?

— Когда раствор дойдёт вот досюда, нажмите эту кнопку, — сказала она и ушла.

Что ж это я, улёгся под капельницу без книги, без молитвенника? Да, телефон же есть.

— Ну и новость! — воскликнула сразу жена.

— Какая?

— Ты не знаешь? У вас объявлен карантин. Посещения запрещены.

— Ну всё одно к одному: и меня не скоро выпустят. Я под капельницей лежу. Что вливают, не знаю. Пока жив.

Опять входят, и опять без стука. Вроде рано капельницу убирать. Нет, не медсестра, моя врачаха. С бумагами. Села, их пересматривает. Я молчу. Капли каплют.

— В интернете нашла ваши данные трехлетней давности. Были болезни за это время?

— Нет.

— Но отчего так резко снизились все параметры? Ещё подождём анализов.

Ушла. Ещё поговорил с женой.

— Я отсюда сбегу.

— Не вздумай. Перед отцом Тихоном как ты будешь выглядеть?

Сняли капельницу. Ходил по коридорам и кабинетам. В одном брали на анализ слюну, в другом был какой-то тест, в котором требовалось находить что-то похо-

жее в разных картинках. Уровень детского сада. Может, меня за дурака принимали. В третьем несколько раз дышал в широкую трубку.

— Вы как гаишники, поймавшие водителя за превышение скорости и подозревающие алкоголь. — Сотрудники кабинета ничего даже на это не сказали. Я понял, шутить здесь лучше не надо.

У меня наступило какое-то состояние прострации. То есть я как бы замер в своих чувствах, внушив себе, что надо просто пережить эти дни, это обследование. Ну да, тюрьма. Но ведь кормят, отдельная палата. Отдыхай. А все равно что-то томило и угнетало. А чего, кажется, горевать: жизнь идёт, ещё чего-то делаешь, никому не в тягость. А то, что ничего тебе в этой теперешней жизни не нравится, так это стариковское брюзжание. Ты такой не один. Я в отца. Такой же. «До какого сраму дошли, — говорил, — а ещё до какого дойдём». Так что к старости я встал на накатанные рельсы. Но это же не эгоизм, не о себе думаю, о России. Да я, в общем-то, и в юности не был всем довольным, хотя и бунтарём особо не был. И диссидентство всегда было мне противно. Открытая борьба — это да. Понятие родины, страны, державы, Отечества было для меня святым. А отсюда всё остальное. И когда, уже давным-давно, стал причащаться, жить стало и легче и труднее. Легче, потому что знал: Господь не оставит, труднее, потому что резче увиделась вся насевшая на Россию бесовщина.

Ходил и ходил по коридорам и лестницам. И все эти передвижения около казённых стен напоминали о посещениях в больницах много болевших друзей. Да. А эта врачиха спрашивает, чем переболел? Друзей потерял, вот и вся причина. И сам, в свою очередь, заумирал. И это ощутимо почувствовал.

Моё пребывание в этом центре стало двухплановым: в одном состоянии меня обследовали, лечили, в другом я непрерывно погружался в мысли о только что ушедших в жизнь вечную друзьях. Здесь всё помогало их вспоминать.

Вспомнил, как мы с поэтом Анатолием Гребневым, естественно вятским, навещали в Перми, в обкомовской больнице Виктора Астафьева. Его слабые лёгкие потребовали ремонта. Сидели у него в отдельной палате. Помогли переодеться в сухую рубашку. Смотреть на его шрамы, рубцы, напоминающие ранения, было тяжело. На месте левой лопатки под кожей даже видно было, как бьётся сердце. Но он всю шутил, веселил нас фронтовыми историями. Речь сдабривал матерками. Пришла медсестра: «Вам укольчик» — «Куда?» — Она покраснела: «В мышцу». — «Ой, девушка, — сказал Виктор Петрович, разворачиваясь, — уж какая там мышца, давно задница». И тут же сказал ей частушку, но вполне приличную: «Медсестра меня спросила: «Может, вам воды подать?» — «Ничего не надо, дочка, я уж начал остывать».

Когда мы уходили, в коридоре эта медсестра отчитывала важного дядю, видно, что начальника: «У вас такая пустяковая болячка и вы так по-хамски себя ведёте, такие капризы. А вот в седьмой палате фронтовик, весь израненный, еле дышит и ещё шутит».

А вообще, думал я, вся моя московская жизнь — это, по сути, сплошные больницы. И свои, и родных, и близких. И эти похожие друг на друга коридоры, в которых санитарка орудует шваброй, примотав к ней мокрую мешковину, эти столы дежурных медсестёр за барьером с постоянно трещащими телефонами, процедурные кабинеты, запахи столовой, в которую бредут со своими кружками, ароматы мочи и хлорки, всё более-менее похоже. И эти больные, половина из которых непременно недовольна порядками в больнице: врачам тут надо нести дорогие

подарки, медсёстры делают уколы за деньги, а если не платишь, то делают уколы больно, на кухне воруют, а санитарка специально открывает окно, чтоб сделать сквозняк.

Всех больниц, где лежал, где делали операции, где кого-то навещал, ни за что подробно не вспомнить, но хотя бы помянуть добрым словом 68-ю в Текстильщиках и родильный дом рядом, детскую Морозовскую и детскую Филатовскую, Медсантруд на Таганке, больницу МПС, военные госпитали в Сокольниках и Красногорске, ветеранскую в Кузьминках, и Общедоступную Московскую на Спортивной, городскую в Филях, Пироговский центр, и, конечно, самый мрачный центр онкологии на Каширке и детскую онкологию имени Димы Рогачёва, и, больше всего, Боткинскую, в которой и сам лёживал, и знакомый батюшка, и тёща, и в которую на «скорой» увозили жену, и мне позволили сидеть у неё в ногах...

А что говорить о последних десяти годах тяжело болевшего друга. Его помещали и в самые простые больницы, и в больницы элитарные, военные, профильные, в медицинские и обычные, и научно-исследовательские институты. Везде лечили. Лечили, лечили и залечили. Вот его вроде вылечат, выпишут всегда очень дорогие лекарства, и отпустят. Улетает на родину. А там... там попадает в больницу. И там лечат. Бывало, я и там навещал.

— Как понять? — рассуждал он. — Тут спрашивают: как вас лечили? Откуда я знаю. Ну, анализы всякие брали, лекарства вот такие прописали. Говорят: вас неправильно лечили, выбросьте эти лекарства. Вам нужны другие. Мы вас вылечим. А я что, я слушаюсь. — Да, сказать, не поверят: иногда одна таблетка стоила ему несколько тысяч. И кто-то будет упрекать его за то, что он получал премии?

У него после двух страшных избиений, черепной травмы были провалы памяти, тяжелейшие головные боли. И постоянно точились слёзы. «Я без носового платка из дома не выхожу. Уже не для носа, для глаз», — шутил он. Шутил, а как всё переносил? А главное, что досаждало, убавляло здоровья — его вытаскивали на многие официальные, чаще всего ему совсем не нужные мероприятия. Он, по общему негласному признанию и друзей и врагов, был лицом русской литературы, и ему приходилось тащить воз этого признания. Пойти в Центральный комитет, в Совет министров, во всякие другие органы, чтобы чего-то добиться, за кого-то попросить, — это всё лежало на нём. Председатель Союза писателей очень иногда был безжалостен: «Валентин, у нас завтра монголы, очень хотят тебя видеть. Ну, удели полчаса». Какое там полчаса, день пропадал. Потом и китайцы, и сербы приезжают, и вся Европа, и несчастному Валентину опять приходится тащиться в Союз писателей, подолгу пить чай с очередной делегацией, говорить ни о чём, терять время и здоровье. А как его донимали просьбами написать предисловие, дать интервью, а сколько напрашивалось в гости. И приходили и подолгу сидели, будто готовя будущую фразу в воспоминаниях: «И когда я приходил к нему в квартиру на Староконюшенном, то всегда говорил ему: «Валентин Григорьевич, берегите себя, вы нам очень нужны». Сберегли.

Горбачёв просил его войти в Президентский совет. Вошёл. Не чего-то ради, а для добрых дел во славу России. То, что Оптину пустынь вернули Церкви — прямая заслуга Распутина. Он говорил об Оптиной и с Горбачёвым, и с «архитектором перестройки» Яковлевым. До этого мы бывали в ней и видели «мерзость запустения, пророком предреченную». Вспоминали потом пьющего мужичка, которому дали квартиру в келье преподобного Амвросия Оптинского, и который извлекал из этого много полезного себе. «Я же вижу, шапки снимают, крестятся,

ну и я. Я тоже человек. Когда и денежку подбросят». Подбросили и мы. Очень благодарил и сказал, что это ему на вечер, а пока у него есть. И закуска есть. «Садитесь, парни. Сейчас стаканы вымою».

Сорок три года мы были дружны. Осенью 72-го я прилетел на совещание молодых писателей от издательства «Современник». Два месяца назад утонул Александр Вампилов, друг Распутина. Вечером сидели в обкомовской гостинице, теперь она «Русь», Валя неожиданно сказал: «А поехали на могилу Сани». Получилось, что поехали только мы вдвоём. Поймали частника. Был гололёд, машина на подъёме перед кладбищем буксовала. Вышли, толкали. Я даже снял свой полушубок и швырял под колесо. Сей полушубок мне добыли на родине, и он был упомянут в стихе Валерия Фокина: «Солнце вятское светит ласково. Может, кто и нетрезв, да не глуп. Не похож на дублёнку канадскую твой тяжёлый ямщицкий тулуп».

Сорок три года. Это же сотни чаепитий, то у него, то у меня. Как он описывал заварку чая, так и заваривал. Процедура, священнодействие. Ополаскивал чайник, разогревал. Заварку клал бережно, но не экономил. Смеялся, вспоминая анекдот: «Евреи, не жалейте заварки». Смешивал чай. Добавлял привезённого чая «Курильского» или «Золотого корня». У него и жена Света такая же была, как он, чаёвница. «У нас может быть всё самое скромное, но не чай». Воду сильно не кипятил. Свежим кипятком заливал чай не до верха, накрывал шерстяной плетёной салфеткой, настаивал, потом отливал немного из чайника в чашку и выливал обратно. Это он называл «подженить». У нас в Вятке делали так же, только называлось «учередить». Возил с собой в непрерывные поездки «заварную» ложечку с крышечкой в дырках, кипятивник. От этой ложечки разом всё вспомнилось — дороги по Японии, Монголии, Италии, Финляндии, Болгарии. А поездка в Тунис по приглашению Ясира Арафата. А на схождение Благодатного Огня в Иерусалим! И все эти выездные Секретариаты, Пленумы, Съезды, Дни литературы в союзных республиках. Да на одно им начатое и проводимое событие каждого года, «Сияние России», сколько раз прилетал. А Карелия, Новгород, Минск, Киев, Белгород, Орёл... В Киеве долго шли от Киево-Печерской лавры через Аскольдову могилу, стояли потом у памятника великому князю Владимиру. Мурманск особенно запомнился: под Мурманском был ранен его отец. Почему-то ближе к полночи вышли. Площадь Пяти углов. Странно и непривычно: по времени глухая ночь, а стоит белый день, солнце ходит как наливное яблочко по блюдечку, на улицах никого, сонное царство.

Днём встреча на атомоходе «Ленин». Вначале экскурсия по этой громадине. «Не могу понять, чудо это или чудовище», — сказал он тогда. Ещё в Североморске встреча была. И в Апатитах. Или в Кировске? Нет, в Кандалакше. А его приезд в родную мою Вятку, в Великорецкое. Но всё бегом и бегом. Всё вспомнишь, да не всё перескажешь.

А как забыть финскую баню-сауну? Это 76-й год. Тогда эти сауны были где-то за заборами (песня была «А за городом заборы, за заборами вожди»), простые смертные о них только читали. Вот нас, мы приехали на совещание писателей Финляндии, повели в сауну. Мы побаивались: дело небывалое, вдруг опозоримся. Зашли с ними в парную. Они сидят, молчат. И мы сидим, молчим. Иногда поддают. Но вроде терпимо. Стали они почему-то по одному выходить. Выходят, выходят и вот, мы остались одни. Сидим, сидим, греемся. «Слушай, вроде неудобно, они ушли, давай и мы выйдем». Выходим, они в ладоши хлопают. Оказывается, мы их всех победили.

И опять проблески воспоминаний. В Монголии такое есть место — нетающий ледник. Жара плюс сорок, а под ногами лёд. Ходим по нему босиком.

В Италии, в Ватикане, в 1988, на приёме у папы римского, кардиналы в лиловом висят над ухом и интимно сообщают, что мы можем говорить с папой, но недолго, минуты по две. Валя говорит: «Бери мои минуты и говори с ним четыре».

А Божественная Литургия, причастие в Успенском соборе Кремля. Ежегодное Соборование в Великий пост у нас дома. Это же каждый раз не менее пяти часов. Но до того благолепно проходило. А заседания Комитета общественного спасения у отца Александра Шаргунова. Движение за прославление императора Николая и Царской семьи.

А длительные поездки по русскому Северу со знаменитым народным академиком Фатеем Шипуновым. Ночлег у костра с видом на Ферапонтов монастырь. Утром ехали в Нилову пустынь, к Нилу Сорскому. Грязища, буксовали. В пустыни мужская психиатрическая больница. В центре огромная клумба, на которой, как на лужайке, лежат душевнобольные. Над ними высится статуя основоположнику, конечно, с ленинским жестом. Такие памятники повсеместно называли «Всю жизнь с протянутой рукой». Также психиатрическая больница, но уже женская, была и в бывшем Задонском монастыре. И туда Фатей нас привозил. Тяжелейшие впечатления. Фатей умел воспитывать русских писателей.

Дни Славянской письменности и культуры в Вологде, Новгороде, Москве, Минске... В Минске пришли на встречу в Госуниверситет. А в огромном зале сидело человек двадцать. После говорю Ивану Чигринову: «Ну как же так, Ваня? Всё-таки Распутин приехал». Он хладнокровно: «Как вы к нам, так и мы к вам». Всё им Москва была виновата. Особенно в Киеве уже тогда чувствовалось отчуждение. Да и Кавказ. Писатели союзных республик громко сетовали на уничтожение их национальных культур, но детей отдавали в английские спецшколы.

Много ездили, много раз Алтай, Шукшинские чтения. Подмосковные научные центры: Черноголовка, Зеленоград, Обнинск, разве всё перечислить. Но было же. Ну не зря же было.

Вообще Валя был человек высочайшего порядка во всём. Чистота была его спутницей. Чисто в избушке, где жил, чисто брал ягоды, аккуратно на столе, за которым работал, в гостинице, в которой жил, номер оставлял таким, как будто в нём никто и не жил. Что говорить о его «бриллиантовом» почерке. Строчки как струнки. Бриллиантовым я назвал почерк сознательно. Есть мелкий шрифт, называется петит, есть ещё мельче, называется нонпарель, а есть совсем ювелирный, именуемый бриллиант. Одна его рукописная страница занимала потом чуть ли не десять машинописных. Отвечая на вопрос о том, как он работает, Валя улыбнулся: «Посижу-посижу, напишу строчку, посижу-посижу, зачеркну». Это не Астафьева взрывные скорости.

К знакам внимания Валя был безразличен. Они его даже тяготили. Вот, вспомнил, к месту, это мне рассказали в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (б. «ленинки»). Немного мест в Москве, где он любил бывать, но этот отдел посещал всегда с радостью. Там доставалось увидеть, иногда подержать в руках такие тексты таких великих мужей Отечества! Однажды с нами был священник, отец Александр, и Виктор Фёдорович, заведующий, вынес Остромирово Евангелие, и этим Евангелием батюшка нас всех, ещё сотрудниц отдела Марину Николаевну и Елену Игоревну, благословил. Так вот, Валя принёс, это уже было в последнее его земное время, принёс в отдел целый пакет орденов и медалей и

знаков отличия всяких, и просил их взять. Но такого никогда не было в практике отдела. «Нет, нет, Валентин Григорьевич, взять не можем». Он грустно улыбнулся, а потом сказал, что, возвращаясь, выкинул этот тяжёлый пакет в мусорный ящик. Будто освобождался от земных нагрузок.

По характеру Валя не был оптимистом, даже, бывало, грустно шутил: «А если б к утру умереть, то лучше было бы ещё». И вместе с тем необыкновенно решительный. Мы с ним состояли членами Комитета по Государственным и Ленинским премиям. А была выдвинута на премию постановка театра имени Ленинского комсомола по Шолом-Алейхему. И нам её надо было смотреть. А там, по ходу, изображался еврейский погром. Зрелище ещё то. Страшные пьяные хари русских охотнорядцев, несчастные избиваемые евреи. Валя поглядел на меня и резко встал. Я понял, тоже встал и мы, ясно, что не под аплодисменты, вышли. Оделись, выходим из служебного входа. Навстречу двое мужчин. Посторонились. Пошли дальше. Валя засмеялся: «Надо было их предупредить: там погром». В Комитете по премиям, конечно, наш поступок восприняли неоднозначно, особенно секретарь его Зоя Богуславская. В этом Комитете она всем и всеми командовала.

Беды России, нападения на неё он воспринимал обострённо, болезненно. Особо не обольщался тем, что кто-то в мире любит нас, читал: «Хорошо, что никого, хорошо, что ничего... — и заканчивал: — И никто нам не поможет, и не надо помогать». Когда, вроде как в утешение побеждённому коренному населению, демократы вывесили триколор над Верховным Советом, Валя, выступая на Всемирном русском соборе, сказал: «Россию можно похоронить и под таким знаменем и под музыку Глинки. — И вспомнил эмигрантское: — Над нами трёхцветным позором полощется нищенский флаг». Да, флаг этот доселе, не знаю, как кого, а меня не вдохновляет. Его ещё и на лице стали рисовать. Как татуировка. А она знак или дикарей, или уголовников.

И когда в 93-м расстреливали здание Верховного Совета и передавали этот расстрел в прямом эфире, перемежая рекламой наш несмыслимый позор, когда русские стреляли в русских, Валя говорил, что ему уже никогда не очнуться от этого ужаса: «Когда всё кончилось, я отошёл от телевизора весь оублненный».

Потом они вместе с журналистом Виктором Кожемяко выпустили книгу «Эти двадцать убийственных лет» о 90-х годах, об уничтожении России.

И за его пронзительные повести и рассказы, особенно за образы русских женщин, за выступления в защиту достоинства русского человека, его любили. Вот пример: улетали с Ольхона и уже стояли у самолёта. Валя даже как-то виновато сказал: «Да, вот омулем на распялке не успели угостить». Это слышал кто-то из экипажа. И задержали рейс. Запылал костёр, явилось ведро свежего омуля, его стали особым образом разделявать, укреплять на рогульках перед огнём. Прошло всего двадцать, много двадцать пять минут, и мы пробовали незабвенный благоухающий продукт.

Сколько времени, здоровья, нервов убавляла борьба за сохранение памятников истории и культуры, борьба за издание исторического и философского наследия. Например, за «Историю Государства Российского» Карамзина. Наивные люди, мы думали: вот издадим Карамзина, и Россия спасена. Писали в инстанции, просили. Отвечали: нет бумаги. Тогда, в сентябре 91-го, пришли в Комитет по печати Сергей Залыгин, Виктор Астафьев, Владимир Личутин, Гариф Ахунов, Анатолий Ким, Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Потанин, аз многогрешный и сказали: мы отказываемся от изданий своих книг и отдаём бумагу на Карамзина. И

подействовало. А борьба с поворотом северных рек на юг! Первым начал писать о повороте рек именно Василий Белов. Статью «Спасут ли Воже и Лача Каспийское море?». Потом Михаил Лемешев, учёные. А сколько сил ушло на «Байкальское движение», тут полностью заслуга Распутина. Бросали все свои дела и вставали грудью за Россию. Эти многолюдные вечера, поездки, хождение по кабинетам. Меня встретила Вика Токарева, мы с ней были в 68-69-м годах сценаристами Центрального телевидения, и спросила: «Слушай, зачем вам это надо? Вы же писатели». Да, писатели, но писатели русские.

Именно благодаря во многом Распутину и Белову роль писателя в России была самой авторитетной. Даже так бывало: что-то случается в стране, тут же вопрос: а куда смотрят писатели? Во всём верили нам. Например, выступаем на встрече, говорим, поэты стихи читают. Встаёт в первом ряду старик: «Это вы всё хорошо отобразили. Но скажите, как бороться с колорадским жуком?»

В палате я устроил иконостасик в углу, обращённом как раз одновременно и на восток, и на церковь в Беседах. Палату стал называть своей больничной кельей. И уже привык к ней, и бежал в неё отдохнуть от процедур и очередей перед кабинетами. И постоянно утыкался в стекло с видом на церковь в Беседах. И всё больше хотелось побывать в ней. Вроде недалеко. Конечно, пересечь окружную дорогу, по которой по шестирядным шоссе в одну сторону и шестирядным в другую несутся машины, сотни машин за минуту, немыслимо. Но бывают же интервалы. Я даже вычислял: вот, вроде напор схлынул, тут бы я успел до середины добежать, отдохнул бы и дождался бы и на той стороне паузы в движении. Рискованно, конечно. Но если что, можно пройти вправо или влево, должны же быть переходы. Из окна не видно.

Но как пойти, когда каждый день расписан чуть ли не по минутам, ты всё время на виду, тебя опекают врачи, медсестры и одна санитарка, как?

И врачиха моя заглядывала и здоровьем интересовалась, и даже удивлялась вроде, что чувствую себя хорошо. Как тут уйдёшь? А ведь туда и сюда надо самое малое часа три.

И всё-таки такой день представился. Мне сказали, что послезавтра на меня наденут прибор — холтер, который нельзя снимать целые сутки. С ним спать, с ним ходить, с ним есть и пить. И давать организму нагрузки и непременно их записывать, дали специальный лист, в котором велели отмечать, что с тобой было каждый час: ходил ли, лежал ли, спал ли или питался. Все процедуры на эти сутки отменялись, как и ежедневная капельница. То есть я был только под своим контролем.

Я понял: другого случая не будет.

А назавтра были предварительные выводы обследований. Римма Оскаровна много не говорила, но я и сам понимал, что у меня нашли или массу болезней, или их начатки, букет, как говорится. Всяких: от головы до сердца и лёгких, от сердца до желудка и ниже. Порции таблеток, приносимые с вечера и утром, и выкладываемые на тумбочку, увеличивались количественно, а уж было ли количество качественным, знать мне было не дано. Но в этой больничной атмосфере казалось мне, что мне всё хуже.

На приёме увидел много нового внутри себя. Сердце, непонятно как снятое, трепетно и как-то судорожно трепыхалось на экране больничного монитора. Уменьшалось, увеличивалось, играло, прямо как солнце после пасхальной службы. Но то солнце. На миллионы лет рассчитанное, а тут маленькое сердечко. Казалось, вот-вот выдохнется.

— А ещё хотите посмотреть изнутри свой желудок? — спросила Римма Оскаровна.

И показала его на экране. Для этого я и глотал крохотную телекамеру. Противно было, конечно, но зато впервые увидел красоту своих мраморно блестящих стенок желудка. Представить, что им приходится соприкасаться со всякой животной и растительной, белковой и углеводной, твёрдой и жидкой, пережёванной и наспех проглоченной пищей, было почти невозможно. И вот эту красоту заливать мерзостью мутного пива, обжигать водкой и коньяком, сваливать сюда, как в помойку, и заставлять перерабатывать недожаренное мясо, переваренную рыбу, всякие помидоры и картошку, бедный ты, мой милый желудок!

Да и что желудок! Разве почкам легче? Какое только пойло не льём в глотку организма, а почки всё это пропускают. А бедняжка мочевого пузыря! Что говорить. Дивно ли, что они устают и просят на покой. Одному только сердцу как достаётся. А могучая наша кроветворная печень. Да что говорить! Ходим мы, созданные Господом на диво, живые храмы духа Божия, и над собой издеваемся. Себя не ценим, не бережём. А ведь обязаны.

За день я всё продумал. Попросился на прогулку. По территории разрешили. Я ещё из-за того попросился, чтобы вернуть из камеры хранения куртку и ботинки. Сдал взамен больничные тапочки. Обулся, вышел и пошёл слева направо вокруг зданий по периметру. Глухо — заборы и проволока, оплетённая зеленью. Порядок лагерный — клумбы, аллеи, стенды о здоровой жизни, деревья и кустарники. Всё подстриженное, всё по линейке.

Я взаперти. Да ещё и этот карантин. Но давай завершу круг почёта. И не зря: в направлении как раз к окружной кольцевой, которая ощутимо напоминала своим гудением, обнаружил, что за деревьями в одном месте бетонный забор заменён временным, деревянными щитами. Видимо, ремонт канализации. Эскаватор, маленькая бетономешалка, вагончик. Забор тоже высоковатый, но хотя бы без проволоки. И от корпуса далековато. И никого, ни охраны, ни рабочих. А-а, сегодня же суббота. Так ведь и завтра воскресенье. Они же специально навешивают на меня аппарат на выходные.

Вот, тут-то мне и путь-дорога.

Вернулся в корпус. Внизу, в буфете попил чаю с булочкой. Конечно, куртку не сдал. Скрутил её в свёрток, взял под мышки и пошагал по лестницам. В лифте решил не ехать, там лифтёрша, заметит запрещённый груз. Ботинки тоже были запрещены, но я как-то прошмыгнул мимо санитарки. А тапочки больничные остались в камере хранения, пусть думают, что меня выписали, искать не будут. У меня в палате свои, домашние, жена позаботилась, в них уютнее.

Вечерние, а после ночи (спал неважно) и утренние молитвы читал, обращаясь к церкви. Пошёл на процедуру навешивания аппарата. Боялся, будут долго возить-ся. Нет, молоденькая медсестра быстро-быстро напрытывала на разные места моей верхней части тела присоски с проводами, привесила на ремень коробочку, к которой эти провода сбегались, вручила листок, разлинованный на двадцать четыре деления. Это по часам наступающих суток. Надо было записывать, что делал, чем занимался каждый час.

Завтракать не стал. Может, надеялся на причастие? Хлеба всё-таки взял, положил в пакет. В палате выложил на видное место листок, в котором отмечал свои передвижения, написал: «9-00 до 12-00 прогулка по территории». Про себя подумал: врать нехорошо, но тут же придумал оправдание: нет, не вру, у меня не самовольная отлучка, у меня прогулка конкретно по территории Москвы и Подмосковья.

Позвонил жене, попросил молиться за меня.

— Я о тебе и так всё время молюсь.

— Сегодня особенно надо. — Это у меня непроизвольно вырвалось.

— Пожалуйста не пугай. Какое-то новое обследование?

— Нет, нет, всё нормально.

— А почему особенно? Чего-то скрываешь?

Как мог, успокоил её. Телефон намеренно оставил в палате. Вышел из корпуса, перекрестился и пошагал. У щитов ограждения выбрал заранее намеченное место, закрытое высоким кустарником, проверил навешенную на меня сбрую, ещё поозирался по сторонам — вроде всё спокойно, и полез. Но сходу не получилось. Не оттого, что не было сил, а от мелькнувшего страха, что зацеплю за что-то проводами, сдёрну датчики-присоски, и нарушу работу аппарата. Оглянулся, увидел ящик, подтащил, убедился в его устойчивости и с его помощью поднялся на забор. Перевесился на другую сторону, ухватился руками за край щита, спустил ноги и отцепился. Удачно: не упал, и ни одна присоска не отлипла. Слава Богу.

Надо было пройти мокрую низину, плотно заросшую ивняком, по низу осокой. Ботинки сразу промокли. Впереди был ручей. Разглядел самодельную плотину из срубленных ветвей, перешёл по ней водную преграду. Значит, кто-то же ходил тут.

И ещё были преграды. Непонятно для чего раскопки, залитые водой, спиленные и неубранные деревья. И это в черте Москвы. Наверное, строить чего-то собираются. А это место с моего этажа выглядело парково: пышная, красивая зелень. Уже с желтыми осенними сединками. Наконец выкарабкался наверх и передохнул. Аппарату моему было что записать, эти нагрузки и тревоги.

И вот я перед Московской кольцевой автодорогой. Слева, но очень далеко, виднелся переход. Буду ждать, может, движение на немножко прервётся. Стоял пять минут, стоял десять. Какие там интервалы, о чём я наивно мечтал? Несутся стада ревущих механических, изрыгающих выхлопные газы животных, сигналият, злятся друг на друга. Им в одно удовольствие смести меня с лица земли.

Куда денешься, двинусь к переходу. Хороша прогулочка на свежем воздухе, надышался досыта. Помогало то, что радовался близости церкви, которая иногда мелькала в просветах среди зарослей придорожных деревьев.

На середине перехода, на эстакаде, постоял. Подо мною неслась многотысячная колёсная жизнь: фуры, трейлеры, другие всякие большегрузы и безчисленные¹ легковые автомашины всех марок стран-производителей. Усмехнулся, вспомнив, как внук, уже очень современный ребёнок, всё допрашивал меня: «А это какая машина? А эта?» И раза два-три поймал меня на незнании, не смог отличить «хонду» от «хондая» и один «опель» от другого. Тогда я, чтобы внук не очень-то задирал нос, выучил по значкам все марки и, торжественно допрашивая его, уловил на незнании «лексуса». Вернул свой авторитет и имел право сказать: «Ты б с таким усердием книжки читал».

А его папочка, мой сын, тоже Володя, у нас в семье все Володи, когда был ещё меньше, меня один раз чуть до сердечного приступа не довёл. С семейством Беловых были в Пицунде. Сынок не на машине, на мне ездил. На пляже я посадил его на плечи и пошагал вдоль берега. Анечка Белова увидела такое дело и тоже заприсилась на плечи отца. И вот, идём рядом, мой сыночек прыгает и прикрикивает в такт: «А мой-то папа выше! А мой-то папа выше!» У меня ноги подкосились: быть выше, и кого? Белова? Написавшего «Привычное дело», «Деревню Бердяйку»,

¹Орфография автора.

«Любу-Любушку», «Вологодские бухтины», «Всё впереди», «Кануны»? Да это, это... что говорить! Смешно сейчас читать мнения, что деревенская литература умерла. Это Иван Африканыч умер? Или Барахвостов? Или старухи Распутина? Или бабушка Катерина Астафьева? Это навсегда. Не только в истории литературы, в истории самой России.

Эта дочка Анечка вертела папочкой как хотела, любил он её сильно и всё прощал. Возвращались из Пицунды, и они у нас в Москве ночевали. Улетали в Вологду назавтра из Быкова. Вызвали такси, поехали. И вдруг Анечка в голос зарыдала: у куклы с ноги где-то соскочила туфелька. И что? Василий Иванович велит таксисту поворачивать. «Вася, опоздаем!» — Ольга Сергеевна нервничает. Но Василий Иванович не может огорчить Анну Васильевну. Возвращаемся и, четыре взрослых человека, ползаем по квартире, ищем туфельку. И находим! И вновь едем. И едем, и успеваем. Оказывается, вылет задержали на сорок минут.

Не забыть, как пригласил нас Александр Ведерников, великий певец, конечно, вятский, на оперу «Жизнь за царя», где пел главную арию. Встретил у служебного входа, провёл и посадил в ложу. Обязательно после спектакля велел не уходить, ждать его. Мы сидим и говорим, что надо же с чем-то пойти к нему. Бежать куда-то поздно. В перерыве пошли в буфет, купили по заоблачной цене три бутылки шампанского. Одну сразу уничтожили, две с собой. Что говорить о величии этой оперы! Всё в ней великое: и ария «Чуют правду», и «Славься» Глинки. Отхлопали вместе с залом (весь зал встал) ладоши, ждём. Александр Филиппович, ещё в гриме, приходит, обнимает: «Ко мне!». В его гримёрной достаём приношение, он смеётся, как только он мог, басом, густо, залиvisto: «Да вы что? Да как это так: Иван Сусанин и шампанское?» И всё, как в сказке, появляется: и серьёзные напитки, и остальное к ним.

Уж заодно вспомнил и о шапке скульптора Клыкова. С ним меня познакомил как раз Василий Иванович. Он уезжал домой и просил проводить его. «Много книг нахватал. Ещё Слава Клыков придёт». А я уже знал работы Клыкова, особенно поразившую скульптуру «Старик и карлик». Познакомились. А тогда жили мы с Надей тяжело, не печатали меня. И у меня была очень дешёвая шапка, какая-то синтетика. И Слава всё на неё поглядывал. Уже пора собираться на вокзал. Слава встаёт из-за стола, берёт мою шапку, подходит к окну, а мы на одиннадцатом этаже гостиницы «Россия», и выбрасывает мою шапку со словами: «Русский писатель не должен носить таких шапок!». Тут же берёт свою роскошную шапку, даже не знаю, какой это мех, видно, что очень дорогая, нахлобучивает её на меня: «Носи. Дарю!» Я встаю, снимаю её, подхожу к окну и тоже выбрасываю со словами: «Русский писатель чужих шапок не носит». А декабрь, а мороз. Василий Иванович кричит: «Ну, дураки, ну, дураки». А мы вначале хотели на метро ехать, а тут как? Василий Иванович побежал к дежурной, вызвал такси. На вокзале бегом-бегом загрузили его, попрощались, бегом на стоянку. К нему, на Ордынку, все хотят ехать, ко мне, в Печатники, никто. «Поехали ко мне, — решает Слава, — найдём там у меня шапки». Вскоре и ему и мне пришли посылочки из Вологды — Василий Иванович наградил двух дураков хорошими шапками.

В Харовске установлен памятник Василию Ивановичу. И на нём очень честные слова от имени жителей района, в котором как раз находится его деревня Тимониха: «Василия-то Белова мы знаем и любим, да вот, не больно-то слушаем».

Я вышел за черту столицы. Ощущение России здесь было несомненное: улица села, деревянные крепкие дома, трава на обочинах дороги, красота! Пожалел даже, что иду не босиком. Пришёл к храму. Очень он напоминал храм Вознесе-

ния Господня в Коломенском. По своим летящим вверх формам, а по раскраске сиял чистотой белого и синего цвета. Зашёл. Служба, конечно, закончилась: поздно я вышел, долго шёл. В церковной лавке старушка подарила мне просфорку: «Сегодняшняя». Заполнил поминания о здравии и о упокоении. Купил свечи и ставил их. Зажег только две: у праздничной иконы и у Распятия. Остальные укрепил на подсвечниках. Даст Бог, зажгут на службе, может быть, уже сегодня. Прикладывался к иконам и к мощам. И в главном приделе Рождества Христова и в Ильинском, и в Покровском, и во Всехскорбященском. Прочёл и историю храма. И так знал, но читать её не в книге, не в интернете, а в самом храме было ошутимо благодатней.

Справа от входа стоял продолговатый невысокий стол, ясно, что для гробов. Видимо, недавно кого-то отпевали. Сколько же я помню отпеваний! И в сельских храмах, и в соборах: Георгия Свиридова и Владимира Солоухина в Храме Христа Спасителя, Леонида Леонова и Юрия Кузнецова в называемом москвичами «пушкинским» храме Большого Вознесения. Леонов жил рядышком с храмом, и мы с Валей бывали у него. Он рассказывал, как ему приходил Сталин. Ещё, к великому сожалению, много о болгарской Ванге. Он ей верил. И не он один. А для Юры Кузнецова символично было то, что в день его отпевания впервые пробовали колокола, вознесённые на колокольню храма. Очень сильные, звучные. И стихи Кузнецова в русской поэзии можно с колоколами сравнить. Стоял у гроба, вспоминал его первые московские книги стихов «Во мне и рядом даль» и «Край света за каждым углом» в издательстве «Современник», где мы работали и где я был парторгом. Выходили его книги с трудом. И помогло то, что я уговорил Юру вступить в партию и дал рекомендацию. «Это же не для карьеры, для прохождения рукописей». И в самом деле помогло. Гораздо позднее прочёл письмо Василия Шукшина Белову о том, что членство им помогало издавать книги. Хоть за это дорогой компартии спасибо. Тут же вспомнился фольклор 60-х: «Спасибо партии родной за любовь и ласку: отменили выходной, отменили Пасху». То есть объявили пасхальное воскресенье рабочим днём. Вот до чего доходило.

В церковном дворе были удобные для отдыха лавки. На одну я присел, вытянув приятно занывшие ноги. И вновь, будто дождавшись этой минуты, прихлынули воспоминания.

Василия Ивановича отпевали в Кафедральном соборе Вологды. Сильно мешала мельтешня телевизионщиков, журналистов, очень, видимо, обрадованных тем, что ушёл Белов, и некому будет их ругать, именовать «смишниками», называть телекамеру «свиным рылом», вынюхивающим только мерзости о России. Великий писатель, борец, пример во всём. Совершенно безхитростный, прямой, смелый до безрассудства, часто обидчивый, но никогда не помнящий обид. Прямо ребёнок. Да ещё небольшого роста. «Я стеснялся, что я невысокий. И на гармошке выучился играть, чтобы как-то стеснительность побороть». Странно, но я никогда не чувствовал, что он меня старше, казался мне младшим братом, которого я обязан защищать. Но не мы, а он защищал, он был крепостью, а не мы. Несгибаемый в своей борьбе за человека на земле. На трибуне Верховного Совета он был страшен врагам России. Жириновский завизжал (это должно быть в стенограмме): «Уберите этого колхозника!».

Вот уж от кого никто не слышал бранного слова. И в их расхождении с Астафьевым ругань последнего, он даже при женщинах вставлял солёные словечки для украшения речи, сыграла не последнюю роль.

Виктор Петрович — особый случай. Конечно, мы ему в рот глядели. Когда он был в компании, то говорил только он. Первый раз я его увидел в его вологодской вотчине, деревне Сибла на рыбалке. Меня туда привёз Владимир Шириков, редактор областной молодёжки, начинающий тогда писатель. Ели уху из пойманной Виктором Петровичем рыбы. Тогда я был покорён силой импровизации и складом его речи. Говорил, будто пробовал на слушателях новые тексты. Как на нейтральной полосе хрюкал поросёнок, и как за ним ночью поползли и немцы и наши, и как встретились у этого поросёнка. Воевать не стали, поросёнка поделили и вернулись: наши к нашим, немцы к немцам. Очень ругал военачальников — «трупам заваливали» — вообще всю номенклатуру. Молодых писателей ругал за то, что торопятся писать. «Если хочется работать — ляг, поспи, это пройдёт». Смеялся над теми, кто гордился рабоче-крестьянской биографией. «У нас про таких говорили: Гли-ко, был рахит, а ходит». Ругал «поэтов-туристов» Вознесенского и Евтушенко. И упоминаемого с ними Рождественского. «Они место заняли, вытеснили настоящую поэзию. Вместо них надо ставить Рубцова, Горбовского, Кузнецова». — «А Высоцкий?» — «Это для сытых и для уголовников». Из сверстников ругал авторов про тихие зори и про белого кобеля с чёрным ухом. «Девчонки против диверсантов? Чего врать? Они бы им как цыплятам шеи бы свернули. А ещё бежит, стреляет, приплясывает, да ещё и поёт. Тьфу! И этот, собаку жалеет! Тут люди сотнями, тысячами гибли, трупами заваливали, вот чего об этом молчит? Фронтовики, мать их!» Был ярый болельщик, помнил все матчи и по хоккею и по футболу. «Вы понятия не имеете, кто такие Бобёр и Стрелец». На удивление знал кино. Из актрис нравилась ему Маргарита Терехова.

Знал я Астафьева наизусть, особенно его «Последний поклон», «Ода русскому огороду», «Васюткино озеро», «Царь-рыба». И, конечно, «Пастух и пастушка», но в том, первом виде, а в не в потом доработанном за счёт окопного словаря. В первой публикации у него тоже была цензурная правка. Иногда несправедливая. «Вот у меня, — говорил он, — «солдаты в серых шинелях лежали на снегу как немытая картошка». Чем плохо?» И мы соглашались, что это очень даже впечатляет. Тут и зрительный образ и ощущение войны. Возмущались: какие ж собаки в этой цензуре — их бы под обстрел на снег положить. Но когда пошли у него тексты ненормативной лексики, это была беда. Правда жизни замазывалась похабщиной. Мало ли кто и как выражается, есть же традиции русской целомудренной литературы. Тут мы были единодушны: нельзя пачкать икону русского языка. Уже и «Людочка» и «Печальный детектив» читались с трудом, а роман «Прокляты и убиты» отвращал от себя матерщиной, как и совсем невесёлый «Весёлый солдат».

К ним в Вологде приходил Рубцов. Виктор Петрович прекрасно пел песни на его стихи.

И легко понять, что пути Белова и Астафьева разошлись. Ещё повлияло то, что Мария Семёновна, выпустив книгу, подала документы в Союз писателей. Белов был против. Но тут мы защищали Марию Семёновну: пишет ничуть не хуже сотен других писателей, жизнь прожила тяжелейшую. Фронт. И для Астафьева спасение. Евгений Носов называл её: мать-героиня с младенцем Витей на руках. Членство в Союзе писателей входило в рабочий стаж и давало право на пенсию. «А я загнусь, весь перекалеченный, как ей жить?» — горячился Виктор Петрович. Она вообще была в чистом виде каторжница: разбирала сверхкорявый почерк мужа, перепечатывала его тексты на пишущей машинке, он правил по машинописному, опять всё испереперепричёркивал, и она опять это перепечатывала. И

так несколько раз. «Да книжки мои Витя даже и не читал», — говорила Мария Семёновна и с улыбкой рассказывала нам, как на одной из встреч с писателем к нему подошла женщина с её книгой и попросила: «Виктор Петрович, у меня с собой нет Вашей книги, подпишите книгу жены». Он, недолго думая, черкнул: «Бабе от бабы».

Переезд в Красноярск, на родину, восстановление родового поместья в Овсянке, рыбалка на Енисее были спасительными для Виктора Петровича. В Красноярске на него стал благотворно действовать отец Михаил Капранов, отсидевший вместе с Леонидом Бородиным за членство в антисоветской организации. Приходит батюшка к писателю. Сидят, разговаривают. Виктор Петрович увлечётся, залепит в свою живописную речь нецензурное словечко, отец Михаил тут же: «Пять поклончиков перед иконами!». Сделает Виктор Петрович земные поклоны, вернётся за стол. Забудется, и опять гнилое слово выскочит. Батюшка снова и снова непреклонно: «Раб Божий Виктор! Десять поклончиков!» Виктор Петрович его слушался и жаловался нам: «А мне-то каково с моим пузом»? Благодаря батюшке лексикон писателя очищался, и продолжайся так, мы б не получили загрязнённых матерщиной астафьевских текстов последнего времени. Но бесы не дремали — отца Михаила перевели в Барнаульскую епархию.

В Японии мы с Василием Ивановичем были в гостях у профессора-русиста, и он подарил нам книги, которые издавала так называемая «третья эмиграция». В том числе сборник «Неподцензурная советская частушка». Вернулись в гостиницу. Через десять минут Василий Иванович ворвался ко мне в номер: «Ты смотрел эту мерзость?» — «Какую?» — «Частушки» — «Нет». — «Выкинь!» — «Но мне интересно» — «Выкинь! Дай сюда, сам выкину!». И забрал у меня подарок профессора: «Смотри!» Ткнул наугад. И в самом деле была явно сочинённая гадость, вроде антисоветская, а в самом деле антирусская, сделанная под частушечный размер. Конечно, образ сегодняшней России, созданный на Западе, создавали как раз не западные люди, а уехавшие от нас диссиденты, которым было все равно где жить, лишь бы жить сыто. А за что Россию не любили? За то, что легко обошлась без них. Да без них и воздух чище стал.

О, а как мы с Валею переходили на обращение к Василию Ивановичу на ты. Он требовал: «Какой я вам Василий Иванович! Вася, и всё! И никакого на вы». И дотребовался. С великим трудом мы, приводя в пример Виктора Потанина, который был на ты с Виктором Астафьевым и Виктором Лихоносова, бывшего на ты с Беловым, наконец, осмелились. У Вали особенно ловко получилось. Сидели, говорили о том, что машинистки дорожают. Ещё застали времена, когда страница машинописного текста стоила десять копеек, потом пятнадцать, а теперь вот и вовсе — двадцать. «Это ж сколько мне придётся заплатить?» — «А ты пиши короче», — посоветовал Валя. Но отсечь отчество Иванович от имени Василия ни за что не смогли: «Василий Иванович, — говорил Валя, — не уговаривай, не сможем ни за что». — «Ты только для Толи Заболоцкого Вася, — поддерживал я. — У него два писателя, два Васи, ты и Шукшин. Остальных он за людей не считает».

И как хорошо, ещё при их жизни Анатолий Гребнев написал: «Тревожно за русское слово, // но вспомнишь — светлеет вокруг: // пока есть Распутин с Беловым, // не надо тревожиться, друг».

А когда они ушли, написал прощальное, из которого на память помнилось: «Я знаю, бутью станет небуль, // мы и в гробу не уложим. // И босиком с тобой по небу // друзьям навстречу побежим. // По зову сердца мы над бездной // по звёздной

тропочке пройдем, // и на скамейке поднебесной // друзей потерянных найдем. // И, вспомнив радостно бывшее, // забудет вечность о часах, // когда Распутина с Беловым // обнимем мы на небесах».

Толю они оба любили и ценили. Белов через меня передал для Толи листочек с таким словом: «От Степанова до Крылатского, то с улыбкой, то с тихой болью соловел я от слова вятского, послухмянного Анатолию. Прочитал наизусть, что было, жаль до Вологды не хватило».

Что говорить, в церковной ограде было самое время и место вспоминать об ушедших в вечность друзьях. А сейчас ещё и о том месте, на котором был. Это здесь происходил Военный совет перед Куликовской битвой, крупнейшей битвой Средневековья. Я пытался его представить. Конечно, на нём говорили о неизбежной уже битве. Слушали доклады гонцов из тех княжеств, которые также откликнулись на призыв Димитрия и митрополита Алексия. Уже знали, что поход против Мамаю благословил сам преподобный Сергий, а его благословение для русских было решающим. Спешили воссоединиться с основным войском. Слушали доклады гонцов от степной «сторожи», которая следила за передвижением войск Мамаю. Считали силы, оружие, припасы продовольствия и для людей и для коней. Положили провести смотр войск в Коломне на просторном Девичьем поле у впадающей в Оку Москвы-реки. О, Коломна — город, где свершилось венчание юного Димитрия с нижегородкой Евдокией, будущей великой святой преподобной Ефросинией. В селе Беседы Димитрий сразу после битвы заложил храм. Вначале, как водилось на святой Руси, деревянный, потом Борис Годунов свершил каменный. Храм этот всегда был на особинку, именовался дворцовым.

Обошёл его вокруг, представляя бывавшие здесь и будущие Крестные пасхальные ходы. Цветы устилали ограду. Вдруг, а не вдруг ничего не бывает, увидел указатель «К источнику». Конечно, обрадовался. Напьюсь, умоюсь. И напишу и умоюсь. Но источник этот был ещё и купелью. Иконы на восточной стене, свеча горит. Раньше бы и думать не думал, погрузился бы. Но сейчас-то я был с навешенным на меня аппаратом. Но уже руки сами расстегивали пуговицы на рубашке и стаскивали брюки. А ботинки сами всех вперёд отскочили. Присоски не отпадут, думал я, проблема в этой коробочке, нельзя её замочить. Может, не рисковать. Но желание погрузиться в исцеляющие целебные, несомненно многократно освящаемые воды, отмело сомнения. Я сообразил плотно обмотать эту коробочку в целлофановый пакет, добавочно окрутил этот узел снятой майкой. Не успеет промокнуть. Хлебушек из пакета и просфору положил под икону Божией Матери.

Подошёл к купели. Немного трусил. Прочёл молитвы: Отче наш, Богородице Дево, Царю Небесный, Правило веры. Молитвы прибавили решимости. Спустился по ступенькам, зажал в левой руке свёрток с коробочкой, правой крестясь, троекратно, во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, погрузился с головой. Вышел. Испытанное ощущение, когда боязно погружаться, но зато потом так хорошо, так отрадно, так жарко, что об этом и не расскажешь. Можно только испытать самому. Это прообраз умирания и воскрешения. Конечно, страшно умирать, но зато воскресаться в жизнь вечную — надеюсь-молюсь-верю — прекрасно!

Размотал майку, выжал. Выпротал из целлофана коробочку. Вроде сухая и целая. Одеваться! На ремне опять укрепил прибор.

О, отрада и утешение! Принял вначале просфору, потом поел больничного хлеба, запил водою. Остатки раскрошил птичкам.

Поклонился источнику, и почему-то в памяти мелькнуло, как летели с Валею в Венецию. Самолёт так долго и так близко к поверхности моря шёл на посадку, что казался не самолётом, а какой-то стремительной яхтой. Валя оторвался от иллюминатора и засмеялся: «Увидеть Венецию и утонуть». Это он напомнил известный тогда роман «Увидеть Рим и умереть».

Я ещё зашёл в храм и ещё поставил свечи. И записочки подал о родных и близких, и о себе многогрешном, болящем. Да, болящем. Но ведь по своей же вине. Врачей-то надо слушать. Все мы такие бываем: Господь не оставит, лечиться не буду, положусь на Его милосердие. Но и святые бывали врачи, и много их, и Амвросий Оптинский, сказав, что монахам «полезно прибалывать», советовал и лечиться, и наш старец Кирилл (Павлов) поправлял здоровье у врачей. Другое дело, что врач, к которому идёшь, непременно должен быть верящим в Бога.

А мои врачи? Верят? А врачи, лечившие Валю? А Василия Ивановича? Каких врачей надо слушать? Ответ: только верящих в Бога. Иначе никаких гарантий.

Обратный мой путь был куда легче и даже веселее. Ещё бы — шагал ново-рождённый в купели. Даже хотел идти напрямую, к зданиям Центра, но потом себя урезонил. Опять вдоль ревущей окружной до перехода, по нему, там опять, вдоль трассы в обратном направлении, и через хворостяную плотинку к забору. Посмотрел в щели, вроде тихо. Тут была проблема — с улицы не было подставки. Но как-то сумел. Подтянулся, вытянул себя, а на внутренней стороне помог ящик. Оттащил его на старое место. И вернулся в свою больничную келью, как называл палату. Позвонил жене.

— Я очень молилась. Ты меня напугал, я переживала.

— Но теперь-то успокойся. На свежем воздухе долго был. Ты знаешь, я что-то очень Василия Ивановича и Валю вспоминал.

— Я их никогда не забываю, всегда записки подаю.

— Да-а, твой борщ они всегда помнили.

После обеда долго лежал. Опять мысленно заново проходил путь к Беседам, храму, купели. Пытался оживить облик Димитрия Донского, виденный на иконе, перевести его в живого человека, сидящего с воеводами на Военном совете-беседе, но было трудно. И не смог. И представить движение войска, храп и ржание коней мешал, конечно, доносящийся даже в палату надрывный рёв несущейся по кольцу техники. Но все равно чётко вспоминалась наша с Валею поездка на Поле Куликово. Как мы ехали, как были у слияния Дона и Непрядвы, как потом ночевали в домике прямо на Поле, недалеко от храма постройки Щусева, от Памятника-колонны. Как ночью вышли, молча шли к нему и как молча вернулись. Храм с куполами в виде шлемов древнерусских воинов в слабом свете луны помнился отчётливо.

Валя, помню, сказал:

— Щусев человек был набожный, хотел во спасение души построить сорок храмов, а закончил тем, что построил мавзолей для Ленина. Вот как так?

На обратном пути поехали в Елец, и там наш первый духовник схиеромонах Нектарий (Овчинников) благословил Валю окреститься. Крестил на дому архимандрит Исаакий. Помню, как потом пили чай, какой просветлевший был Валя в белой рубашке. Отец Исаакий рассказывал, как отбывал срок в Средней Азии, и как издевался над его верой начальник лагеря.

— Когда пришёл ему приказ о досрочном моём освобождении, то он на построении при всех издевательски говорит: «Это что, тебя твой Бог освобождает?» А со мной сидел уголовник, такой детина, меня слушал, когда я с ними говорил.

И вот, когда начальник так спросил, то уголовник прямо из строя ему врезал: «А ты как думал?»

Да, вспомнил я белую рубашку, и кажется мне сейчас, что в ней или в такой же он был, когда иеромонах Иоасаф из Заиконо-Спасского монастыря приехал к нему, уже не встающему с постели, на последнюю в жизни исповедь и Причастие. Я тогда впервые увидел Валю заросшим крепкой седой щетиной. Полное ощущение старца. Хотел ещё пошутить, мол, вот, Валя, всегда тебя уговаривал бороду носить, и вижу, как она тебе идёт. Но уже не произнеслось.

Прощались. Нагнулся к нему и невольно встал на колени. Поцеловал. Тихо, но разборчиво Валя произнёс: «Больше здесь не увидимся».

И вскоре было прощание с ним в Храме Христа Спасителя, в алтаре которого есть памятная доска с начертанными фамилиями членов первого Общественного совета по возрождению Храма. Там рядом с фамилиями Георгия Свиридова, Владимира Солоухина, Владимира Мокроусова, Игоря Шафаревича написаны и наши. Валя тогда сказал: «Ради такой доски стоило жизнь прожить». После московского отпевания было и иркутское. А вот уже и на могиле побывал. И деревянный крест заменён на мраморный, и цветов по-прежнему много. И пусто вокруг.

Но вообще, как хорошо, что русские писатели сейчас избирают себе вечный покой на родине. Не в большом смысле — родина, Россия, а в самом сердечном, там, где родились и росли. Александр Яшин у себя в вологодском Никольске, Виктор Астафьев в красноярской Овсянке, Фёдор Абрамов в архангельской Верколе, Владимир Солоухин во владимирском Алепино, Пётр Проскурин на Брянщине... Жалко, что Василий Шукшин похоронен не на Алтае, а в Москве. Белов, помню, очень сожалел: «Какая глупость эта «престижность»! Что Новодевичье, что какое любое другое — одна земля. А Новодевичье одна показуха. Скульптура: Юрий Никулин с папиросой, у ног собака, сидит на своей могиле, это что? Лежать надо на родине, её стеречь». «Могилы великого человека — национальное достояние», — сказал Пушкин.

И Валя писал в завещании: похоронить рядом с погибшей любимой доченькой Марусей, с любимой женой Светой, ему и их уходы пришлось пережить. Но похоронили в ограде монастыря, в междуречье Ангары и Ушаковки. Но это очень хорошо. Валя всегда всех гостей водил в монастырь, к могиле землепроходца Шелехова. На памятнике стихи Державина «Коломб здесь русский погребен...». И это практически в центре города, а до Смоленского кладбища доехать не так просто: на мосту через Ангару постоянные пробки, и около кладбища трасса, машины, шум, покоя нет.

Как всё летит! Нет Вали и нет Василия Ивановича. Куда в Москве ни пойду: тут были, тут выступали, тут заседали, тут в театр, в консерваторию шли. И как теперь без них?

Василия Ивановича тоже долгие годы лечили. Страдал сильно, уже сидел в кресле, в письмах от него строчки становились всё слабее, сползали в конце вправо и вниз.

Узнали о его уходе в Доме литераторов на юбилее Станислава Куняева. В самом конце, после заключительных аплодисментов, будто он пожалел нарушить радость друга.

Поехали в Сретенский монастырь, ещё с нами Анатолий Заболоцкий, за рулём настоятель монастыря, нынешний митрополит Псковский Тихон. Уже близилась

полночь. Подняли семинаристов, отслужили первую поминальную молитву о новопреставленном Василии. Отец Тихон при нас позвонил Вологодскому Владыке Максимилиану и губернатору, просил их посодействовать захоронению Белова в Спасо-Прилуцком монастыре, рядом с могилой Батюшкова. И договорились, и Ольге Сергеевне, уже вдове, позвонили, и она согласилась. Но вологжане, ссылаясь на его слова о захоронении рядом с матушкой Анфисой Ивановной, увезли в Тимониху. А там уже на многие километры вокруг пусто. Когда он говорил, были ещё деревни, сейчас человека не встретишь. Но возвышается и стоит на страже земли Белова церковь, почти в одиночку им восстановленная, стоит, не сдаётся.

Наконец, я уснул. И спал аж до самого ужина. Чего же я в этот листок запишу — спал без задних ног, ибо свершил обряд исцеления — был в церкви и погрузился в источник? Написал просто: сон.

На следующее утро та же миловидная медсестра сняла с меня все эти присоски-датчики, унесла их, и вскоре меня вызвали к лечащему врачу, Римме Оскаровне. И она, глядя на изломанные линии каракулей кардиограммы, читая их понятный для неё язык, изумлённо вопрошала:

— А что это пишете: прогулка по территории. И откуда на прогулке такие нагрузки?

— Физзарядка для бодрости. — А про себя понял: это же я в это время через забор перелезал.

— А вот, около полудня, что это? Учащение пульса, резкий прыжок давления и резкий спад. Потом подъём до нормального. И потом всё хорошо. Странно. Потом, после обеда, такой долгий сон. Снотворное принимали?

— Нет.

— И ночь прошла нормально?

— Нормально. А сейчас как давление? — спросил я, чтобы отвлечь её от медицинских раздумий.

Померяла давление.

— Ничего не болит?

— Нет. Здоров как призывник. Который не уклоняется от службы в армии. Выпустите меня на свободу с чистой совестью.

— Нет-нет, два-три дня понаблюдаем. Какой-то именно с вами особый случай.

На моё счастье до меня дозвонилась врач из монастыря, деликатно поинтересовалась моим состоянием. Я понял: у них появился кандидат на излечение или на исследование, и палату мне надо освобождать. Я просил её позвонить здешним моим распорядителям.

А она, здешняя моя врачиха, Римма Оскаровна, вошла сама. Опять несла белые листы-полотенца записей моего состояния прибором, висевшим на мне сутки.

— Простите, не могу успокоиться. Проверили прибор — нормальный. Думала, что он неверно показывает. Что вчера было с вами от девяти до двенадцати? Смотрите: читается напряжение, взволнованность, перебои в давлении, потом какой-то прыжок, и потом всё прекрасно. Спокойный сон, ровный пульс. Нет, что-то было. Но что? Завтра снова на сутки поставим холтер.

— Нет-нет, — я всерьёз испугался. — Надо палату освобождать.

— Но как понять ваше вчерашнее состояние?

— Хорошо, признаюсь. Я был в самоволке. В самовольной отлучке. Перелез через забор...

— Ужас! Но это же грубейшее нарушение режима!

— ...перелез и пошёл через окружную дорогу в церковь. Тут село Беседы, я его вам из окна покажу. Оно связано с Куликовской битвой, тут был Военный совет, беседа. Дмитрий Донской. Но он тогда ещё не был Донским. Я вам расскажу.

— Какой Донской, о чём вы говорите, при чём тут давление? — возмутилась она.

— При том, что там я погрузился в купель, не нырнул, погрузился трижды с молитвой в источник, вот и всё. И здоров. Тем более вчера было воскресенье. Малая Пасха.

— Какая Пасха! Что вы мне будете глупости говорить! — Она разбушевалась. — Вы понимаете, что это ненормально? Мы вас лечим, а вы? Лепите мне тут всякую фантастику. Вы же могли простыть.

— Какая фантастика, православная реальность. Но грубейшее нарушение больничной дисциплины — тоже реальность. За это меня надо наказать. Выписать. Очень прошу.

Я уже дома. Подхожу к окну. Гладкость и прохладность стекла напоминают окно моей больничной кельи. И вижу бело-синюю церковь в Беседах. И вспоминаю, как от неё можно спуститься к источнику и трижды в него погрузиться. И зажечь в храме свечи у икон, и подать записочки об ушедших друзьях. И быть уверенным, что они тебя видят и слышат.

И жить дальше.



ГРИГОРИЙ ВИХРОВ



«А я на войне мировой...»

Думая о дочери

Моей Насте

Не плачь, пройдёт. В Иркутск вернёшься,
Отыщешь воздух жадным ртом.
На крыше праздничной свернёшься
Огромным солнечным котом.

ВИХРОВ Григорий Иванович родился в 1961 году в Коломне. С 1984 по 1992 год жил в Иркутске, состоял в Иркутской писательской организации. Активно выступал в школах, институтах и различных организациях Иркутской области. Учился в Иркутском государственном университете. Служил в войсках СА в Крыму. С 1996 по 2010 гг. преподавал в Тульском педагогическом университете им. Л.Н. Толстого на кафедре духовного наследия Л.Н. Толстого курсы: «Поэзия серебряного века», «Поэзия Франции», «Поэзия русского рассеяния». В 2001 году по приглашению Штаба Северного Флота, во время подъёма лодки «Курск», провёл литературные встречи с личным составом авианосца «Адмирал Кузнецов», эсминца «Безудержный», выступал в городах: Мурманск, Североморск, Полярный; перед пограничниками Тульского погранотряда. Инициатор и организатор детско-юношеского поэтического фестиваля «Хрустальный Пегас» (Тульская область). Григорий Вихров — победитель Всемирного фестиваля поэзии (г. Льеж, Бельгия, 1990); дипломант поэтического фестиваля во Франции (1998); участник Дней Славянской письменности в Болгарии, Пушкинских Дней в Молдове (1994, 1995, 2007, 2008); Дней русской литературы в Польше (Гданьск–Сопот. 2004); участник Международных Писательских встреч в Ясной Поляне; книжной ярмарки «Тарки-Тау», Махачкала, Республика Дагестан (2013, 2014, 2017). Его стихотворения переведены на 18 языков народов мира: немецкий, французский, болгарский, испанский, монгольский и др. Автор десяти поэтических сборников. Живёт в Москве.

Бельчонком ринешься на землю
И голубем займешь окно.
Воздушному седому змею
Вручишь судьбы веретено.

Разматывая нить подольше,
Байкальский ветер узнаю.
И там, где облако потоньше,
Увижу милую мою.

Не плачь, пройдет. Господь управит,
Утроит звон в твоих часах.
Иркутск от боли не избавит,
Но сердце в солнечных лесах.

Без тебя

*Памяти моей жены
Евгении Брешко-Брешковской*

Я жду, ты как будто в отъезде.
А я на войне мировой.
Кровищею пахнет в подъезде,
Ночной, запрещенной травой.
На кошку гляжу... не обманет
Глазами зелёной реки,

Предпечную песней приманит.
Дневные родные звонки
Подвластны грядущему гулу,
Под сердцем искрят провода.
В какую Вселенскую Тулу
Уехала ты навсегда?

Когда никого кроме тебя

Прокрадусь, не впервой прокрадываться,
Допылю до судьбы, хромой.
Некому за меня порадоваться.
Возвращающемуся домой
Не обрадуются за окнами,
На пороге не замычат,
Не заплачут и не заохают,
Костылями не застучат.
Ни младенчика, ни бубенчика,
Одинокого камня гнёт.
На потешного деда-птенчика
Кошка ласковая зевнёт.
Чьей-то ночкою, чьей-то днюхою
Люди хвалятся на ходу.
Ошалео и шали нюхая,
Утешающие беду.

Небесные этажи

Я лечу с этажа на этаж.	Надо мною живая луна
С этажа на этаж.	Драгоценным лицом покраснела.
Лифты.	Я всплываю...
Тонкие перегородки.	Влетаю
В небесах аварийность проводки,	Вне тела,
Пьян электрик — энергии страж.	Ожерельем гремит тишина.
С этажа на этаж,	С этажа на этаж, с этажа
По шнуру,	Люди дыбятся, трутся, толкутся
По канату...	И на инопланетные блюда
Ладони дымятся...	Наступают, победно визжа.
Поменяться б с тобой,	Устаю от курных революций
Повидаться,	И отеческой ласки ножа.
Оборвусь —	В прошлый сон ухожу. На тебя
До свиданья, умру.	Надивиться и налюбоваться,
...Я из проруби щучий сынок,	Над ладонями наликоваться,
Раздуваю священные жабры,	Даже солнечный лён теребя...
Помутился подводный мирок,	Я не знаю, куда мне деваться?
Что мне ваши земные кадавры?	С этажа на этаж
От русалочьих арф изнемог.	От себя...

* * *

«О, русская земля! Ты за шеломянем еси...»

Слово о полку Игореве

Не ругают пророки.
Не пугают приметы.
Не черствеет родительский хлеб.
Наши песни не спеты.
Наши гимны одеты.
В гимнастерке солдатских судеб.
Победитель не согнут.
Летописцы не охнут.
Краснопевец со звуком на ты.
Наши песни не спеты,
И под солнышком сохнут
Русской радуги чудо-бинты.
На привале вспомянем
Ждущих за шеломянем
Возвращения истинных слов.
Наши песни не спеты.
Расцветем, не завянем
На высотах свинцовых холмов.

Туман

Осмелишься у сироты	И руки трудные воздеть
Просить: «Забудь отца»?!	За новый штурм честной.
Туман страшнее темноты	За приближенье горних мест,
Погасшего лица.	К неоскверненным ртам
Страшнее темноты туман.	Прижать животворящий крест,
Молящихся с колен	Чтоб Что-то Было Там.
С душою накрывает мат	И Вера наполняла Здесь
Геройских перемен.	Растущие сердца.
Священник в силе разглядеть	Тумана мировая взвесь...
Воскресшего весной.	Не забывай Отца.

Спасение звуком

Уходил вдовец в пóлымя	Проходил певец станами,
Встречу в небесах вымолить.	Чьи огни горят ранами.
Голыми руками, голымя	Родина моя вдовая,
Во поле беду выполоть.	Горло твоего воя я.
Приходил боец издаля,	В сложенных полях, свьюженных,
Гибель обошла витязя.	Нужно отыскать суженых.
К небу подступила земля	Колокольчики — воины.
— Виделся с родной? — Свиделся.	Крыльями сердца сдвоены.

Самаритянин

Под кнутами ристаний	Правда за кадыками,
И в морозном дыму,	Вырванными с душой.
Добрый самаритянин,	До небесных чертогов
Будь готов ко всему.	Расширяя проём,
От пушистой землицы,	Ад молитвой растрогав,
Плуг ли, меч-кладенец,	Смерти не признаём.
В слезной соли вдовицы	Жизнь гармошкой растянем
Источились вконец.	И в родимом дому,
Мама плачет руками,	Русский самаритянин,
Гладит холмик чужой.	Будь готов ко всему.

Энергии разрушения

Общество расколотое крошится,
Ловкою рукою искони.
Истины младенческая кожица
Крепче заговоренной брони.

Возмутились мраморные кесари
Из веков грабительских своих.
— Как посмели русские агрессоры
Улыбаться лучезарней их.
Не грозя, жалея вдов и пленников,
Малых не сминая на пути...
Об неблагодарных современников,
Господи, героев защити.

Отвага

Родину отнимут внуки.	Красная спасала рожа
Правнуки в чужих полях.	Тающие племена.
Отнимают ноги... руки	Нас немного на привале,
В стынущих госпиталях.	После боя меньше нас.
Не согласный на такое,	Нас и прежде забывали
Льдистое окно крушу.	И не помнили подчас.
И оставлены в покое.	Много ль вытекло металла
Хлеб Библейский надкушу.	Из медали молодца.
Отрывают бинт от раны.	Плакать Русь не перестала
Отрываются в гульбе	От сыновьего свинца.
Мной прославленные страны	Красною звездой деда
Нынче сами по себе.	Дом украшен. Век знаком.
Благодарностей не множа,	Накорми меня, победа,
Умножая времена.	Материнским молоком.

Солдат

Есть мера миру: «Миру — мир».	Из глаз двойного родника,
Спроси у старика,	Растоптанной травы
На потной лысине мазкир,	Слетели кудри-облака
Два черных волоска.	С красивой головы.
Он сигаретою чернит	И сына забрала война,
Не пальцы, а персты.	И внука позвала.
Он мог семижды быть убит	Зато какая тишина
У горней высоты.	У русского стола.
Неистовый Афганистан.	Вернется внук, и звук не раз,
Неистовая речь.	Подольше проживи
Пусть времени разбит стакан,	И Родина полюбит нас,
Жизнь продолжает течь.	Не помнящих любви.

Моя вина

Чёрная тоска Байкала,	Теплохода, Александра,
Чёрная волна	Бритвенную тень.
Накатила, отыскала,	Кристаллические очи
Обожгла до дна.	Праздничных детей
Не поддамся, не потопну,	Наше вечное короче
К Богу доплыву,	Искренних затей.
Повидаю жизнь загробну...	От продрогшего причала
Нынче наяву	Отведи вино,
Вижу брезжащее завтра,	Чёрная волна Байкала
Допотопный день,	Чёрную войну

* * *

Спаси меня, Боже, от призрачных царств,
Страстей осаждающих, мутных,
Воздушных прорех и воздушных мытарств
И вечных, и сиюминутных.

Недаром заборы, ворота — в щепу!
Златые замки завизжали.
Какую мне щёку подставить, щеку?
Святейшие не подсказали.

Нешадно сбивается липовый цвет
Пушистый во злые погоды.
И падают души счастливых комет
На ржавые громоотводы.

Из дневника

Слишком много железа,	Обещает, говорит
Рычагов и арматуры,	Веско, ласково и кротко:
Искорёженной брони	— Небожители придут
И настигшего свинца.	Собирать металлолом.
— Переплавка предстоит...	И натянется струна
Балагурят бедокуры.	Беззаветного накала.
Пусть воды с лица не пить,	Что там буйная Валгалла.
Пьют и пьют войну с лица,	Что там сумрачный Аид.
Детский глас и древних щек,	Здесь меня любила Жизнь.
Пьют со лба и подбородка.	Жизнь собачья... Долакала.
Бескольчужная душа	А душа всё говорит.
Предвещает перелом,	А душа Всё говорит.

Возвращение

Гнёзда вороньи.	Звонкие сенцы.
Чёрные шляпки гвоздей.	Холодно в первые дни.
Ты о здоровье	Зябкое сердце
Не пекся, и выжил, злодей.	Птицею в небо швырни.
Грозно. Морозно.	В ратных извозах
Радостно. И тяжело.	Сводит разлука с ума.
Шедшие розно,	И на высоких берёзах
Братья заходят в село.	Родные дома.

В цирюльне

Снявши голову, по волосам не плачут.

Пословица

Не губи непокорные кудри —
Чуб пшеничный и чуб вороной.
На расчёсочном перламутре
Детский волос и голос родной.
Пробираюсь в душистом тумане
По святым осквернённым местам...
Там за маревом братья-славяне
Прибывают друг друга к крестам.
Дружно гибнем под гребнем железным,
Набивая бездонный матрас,
Завитки рассыпая по безднам
Под надзором кромсающих глаз.
Вижу ножницы жёстких решений,
В бурой пене скупой помазок.
Вижу космы семейных сражений.
Жизнь, обкарнанную на глазок.
Роковая причёска. Насмешка.
Не впервой — «помирать однова».
Ах, седая войны головешка,
Оболваненная голова.



АЛЕКСАНДР ВИТКОВСКИЙ



Тёсё Кальчак... Кто аз есмь?

Глава из книги «Золото адмирала»

С впалыми щеками, осунувшийся, в широкополой шляпе и несколько поношенном штатском костюме трюмной крысы, Александр Васильевич Колчак поднялся в вагон первого класса. В проездных документах дата: 27 сентября 1918 года. Позади Сингапур, Шанхай, Пекин, Токио. Колёса поезда отгромыхали по железнодорожным стыкам Приморья, теперь крутятся, вминая в насыпь чугунок «Амурской колесухи», а впереди Забайкалье, Восточная и Западная Сибирь, Урал и далее, через всю срединную Россию на юг — в Добровольческую армию к генералам Алексееву или Деникину.

Уже третий стакан крепкого чая — пожалуй, единственная роскошь, которую мог себе позволить в дополнение к скромному ужину полковник английских сухопутных сил, вице-адмирал бывшего военно-морского флота России, а в данных обстоятельствах — частное лицо, почти инкогнито, уже давненько не получавшее жалованья ни в рублях, ни в «керенках», ни в фунтах.

ВИТКОВСКИЙ Александр Дмитриевич, журналист, прозаик, родился в 1953 г. в Иркутске, окончил Иркутский государственный университет. Кандидат психологических наук. Работал учителем русского языка, литературы, истории и обществоведения в средней школе с. Баклаши Иркутской области. После окончания университета призван в органы государственной безопасности. За годы службы занимался оперативной деятельностью, преподавал в Академии ФСБ РФ, был главным редактором единственного в стране журнала российских спецслужб «Служба безопасности — новости разведки и контрразведки». Автор детективного романа «За пять минут до ядерной полуночи», вызвавшего огромный читательский интерес. Живет в Москве.

«А может, остаться здесь, в Сибири, как настойчиво рекомендовал бывший британский атташе в Петрограде, а ныне глава военной миссии на Востоке России генерал Альфред Нокс в унисон с командиром английского экспедиционного корпуса полковником Джоном Уордом? Опять же, кто я для них? Обычный кондотьер¹, наёмник в звании полковника, предложивший свой военный опыт, знания, а в случае надобности — голову и жизнь? Или тайный эмиссар, секретный агент, марионетка в руках Его Величества короля Великобритании Георга V, или ещё Бог весть кто? В качестве кого и для чего будут использовать меня союзные державы в Сибири?»

Долгая дорога, одиночество купе, чай вприкуску с дымом папирос располагали к воспоминаниям и размышлениям — неспешным и невесёлым.

«С каких пор англичане стали считать меня своим фантошем?² Когда сотрудник посольства в Токио сэр Грин сообщил мне, что я в звании полковника принят на службу и должен ехать на Месопотамский фронт? Или несколько позже, когда от имени английского правительства они приказали мне вернуться и настоятельно рекомендовали отбыть на Дальний Восток?»

Эти мысли уже давно не давали покоя русскому адмиралу.

«Впрочем, какая разница... За эти полгода, проведённые за границей, я, по-видимому, дошёл до предела, когда слова стыд, позор, негодование уже потеряли всякий смысл, и я более ими не пользуюсь...»

Он чувствовал, что оказался в центре водоворота больших и судьбоносных для всей России военно-политических событий. Но каких? Разгром большевиков? Да. Победа над Германией? Безусловно. А, может быть, что-то ещё?

Имея за плечами почти четверть века службы, Колчак постепенно осознал, что война стала для него верховным божеством, высшей религией и предметом поклонения — диким, абсурдным с точки зрения морали и здравого смысла культом, но в то же время святым и праведным убеждением. Только страшная формула войны — и он искренне в это уверовал — способна решить любую, самую сложную задачу, будь то разгром кайзеровской Германии, или уничтожение большевистской России. Главное — любыми средствами добиться своей цели, пусть даже в союзе с дьяволом. Но германец далеко, совдепия — здесь, под ногами. Посему первым делом надо растоптать, раздавить, калёным железом выжечь коммунистическую, рабоче-крестьянскую уродину — она для него не Родина.

Но с кем из иностранных союзников и в чьих интересах вести эту борьбу? Американцы, чехи, англичане, японцы, французы. И каждый из них имел свои виды на Россию, искал свою выгоду — явную или тайную. Боже, как ему не хотелось становиться послушным инструментом в чужих руках! Но без помощи внешней силы не победить германца, не одолеть красных.

«Ладно, время покажет, как действовать дальше. Англичане хотя бы умны и осторожны. Не афишируют встречи со мной — и то хорошо... Даже моё письмо для Анны Васильевны спрятали в мундштук папиросы. Те ещё конспираторы... Интересно, под каким псевдонимом значусь я в секретных документах английского дипкорпуса и разведки? Очень бы хотелось знать... Впрочем, чего уж теперь гадать. Ведь сам напросился на английскую службу».

Сквозь по-осеннему стылое окно вагона смотрел Александр Васильевич на пробегавшие в чаду паровозного дыма города, разьезды, полустанки и дремучую

¹Кондотьер — от итал. *condottiero* — иностранец, командир наёмников, состоящий на службе у монарха.

²Фантош — от итал. *fantoccio* — кукла, чучело, марионетка.

тайгу... Тайга — великая и бескрайняя, вцепившаяся могучими корнями в землю, вершинами кедрача, листвяка и сосен подпирала тучи и стояла непоколебимо между твердью земною и промозглыми хлябями небесными.

«Но сможем ли выстоять мы? Вот так же кряжисто, нерушимо и вечно? Выдюжим на изломе Великой войны, гибели державы и крушения веры?..»

За окнами Чита — вотчина атамана Семёнова. Плотный, коренастый, с щегольски закрученными усами вразлёт, забайкальский казак в бобровой папахе, лихо сдвинутой на затылок, к тому же Георгиевский кавалер. И при этом упёртый, самонадеянный и туповатый — кое-как окончил военное училище, поскольку «умишка не слишком», но уже вкусивший и почувствовавший сладость безграничной командирской власти и личной вседозволенности. Под его началом семь тысяч казачьих и «туземных» бурят-монгольских сабель, пулемёты, пушки и аж четыре бронепоезда. Но, даже в пух разбитый красными весной и летом 1918 года, атаман отказался действовать под началом Колчака.

«А какой славный мог бы получиться стратегический манёвр, — размышлял адмирал. — Под предлогом обеспечения безопасности КВЖД³ собрать в единый кулак тысяч 17-20 штыков охранной стражи, включая разрозненные семёновские, калмыковские и орловские боевые части, и враз ударить по большевистской рвани из Забайкалья и Дальнего Востока, зажать в клещи, раздавить и очистить от этой заразы всю огромную территорию от Байкала до Тихого океана... Но атаманская вольница не терпит подчинения. А тут ещё японцы против меня Семёнова науськивают, заставляют под свой сямисэн⁴ плясать».

Над переносицей напряжённо сдвинулись брови, зубы непроизвольно и зло сжали бумажный мундштук папиросы.

«Хитрющие эти япошки...»

Неприязнь к Стране восходящего солнца, зародившаяся у лейтенанта флота полтора десятка лет назад ещё в Порт-Артуре и крепчавшая всю русско-японскую войну, переросла в глухую ненависть после унижительного поражения России в этой кампании и постыдного плена, в котором оказался «сёи⁵ Кальчак» после ранения. Даже великодушие победителей, отпустивших раненых русских офицеров на родину без каких бы то ни было условий и обязательств, не изменило его отношения к этой нации. Но, как человек военный, он не мог не восхищаться величием духа, верностью долгу и подвигами буси и самураев. Да и среди его знакомых японских офицеров были люди, достойные уважения. Но политика! Государственная политика превращала многих сановников и генералов в скотов, которым было трудно доверять.

«Как они пытались сделать из меня свою креатуру во время переговоров по поставкам оружия для охранных частей КВЖД! — вспомнил он. — Тот же генерал Накадзима, начальник военной миссии в Харбине... Ещё недавно служил военным атташе в Петербурге... Да только не был я попрошайкой, не Христа ради кланчил у него оружие. От имени руководства дороги за немалые деньги покупал. Отказал генерал, да ещё и смеяться надо мной вздумал... Публично! Сволочь...»

³КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога. До 1917 года — Маньчжурская дорога. Железнодорожная магистраль общей протяжённостью 2377 верст (2536 км), проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу, Владивосток и Порт-Артур. Построена в 1897–1903 годах как южная ветка Транссибирской магистрали, принадлежала Российской империи.

⁴Сямисэн — японский трёхструнный щипковый музыкальный инструмент с безладовым грифом и небольшим, почти квадратным корпусом.

⁵Сёи — с японск. яз. — лейтенант военно-морского флота.

И тут же вспомнилась совсем недавняя встреча в Токио с начальником японского Генерального штаба генералом Ихарой.

«Тоже хорош лис. Заботу проявил. Даже отдохнуть приглашал, подлечиться. «Тёсё⁶ Кальчак. Моя знает ваш ранене и болезнь. Моя лично приглашать вас лечить болезнь и отдыхать. Хорошо отдыхать, много отдыхать...» И вся эта любезность для того, чтобы подольше задержать меня в Японии и не мешать им вести свою игру в азартный грабёж России... Что делать-то в такой ситуации? Был вынужден согласиться. Не подводить же русского посла, устроившего эту встречу».

А русское посольство, продолжавшее действовать в Токио и после монаршего отречения, и после падения Временного правительства, судорожно искало кандидата на роль диктатора, способного объединить разрозненные антибольшевистские силы и уничтожить красных на российском Дальнем Востоке и в Сибири. Нужен был не только признанный офицерским корпусом Белого движения лидер, но и лицо, устраивающее военно-политическую верхушку оккупационных держав, и прежде всего — Японию. Выбор, однако, был невелик: адмирал Колчак, атаман Семёнов и начальник КВЖД генерал Хорват.

«К чёрту посольские интересы, политические интриги и тонкую дипломатию. Забыть обо всём этом хотя бы на время, — решил в те дни для себя Колчак. — Ведь в Токио приехала обожаемая Анна Васильевна. Вот ради кого стоит задержаться на островах».

Ещё в Харбине, где вдвоём они провели месяц, было решено остаться вместе: навсегда и несмотря ни на что. Ради этого Анна Тимирёва вернулась из Китая во Владивосток, чтобы в одночасье разорвать — окончательно и бесповоротно — все отношения с мужем. Во имя бога и сына он заклинал её одуматься, уговаривал остаться, жалел и предостерегал жену, будто взбалмошного и капризного ребёнка. Она была непреклонна и неумолима. Но каких мучений и сил ей это стоило: выпотрошена, измучена, раздавлена. Скрепя сердце, муж подготовил и передал в консисторию Владивостока заявление на расторжение брака. Анна, продав своё жемчужное кольцо, отправилась к Колчаку в Японию. Через несколько недель Сергей Тимирёв отправил туда же полученное свидетельство о разводе. Теперь Анна свободна, но не свободен Колчак. Он так и не решился законным образом расторгнуть свои отношения с женой. Плевать! Зато теперь они, Анна Тимирёва и Александр Колчак, остались вдвоём, только вдвоём в «Солнечном сиянии» — именно так переводится название курортного городка Никка в центре острова Хонсю, где несколько чудных недель провели любовники.

Лето, горы, лес, водопады и исполнение самых сумасбродных фантазий и грёз. Ведь рядом она — трепетное, как цветок сакуры, нежное и совершенно нагое божество по имени Анна... До сих пор голова идёт кругом. Сейчас его возлюбленная едет следом по транссибирскому пути в сопровождении генерала Нокса в эшелоне под английским флагом и охраной 25-го батальона Мидлсекского полка, которым командует полковник Уорд. Поскорее бы добраться до Омска, подождать неделю и прямо на вокзале встретить свою невенчаную судьбу, подать ей руку, помочь сойти с поезда и...

Он отхлебнул остывающий чай, глубоко затянулся, выпустил дым, щекоча ноздри, взгляделся в беспросветную темень окна. И вновь мысли о большой политике вернули его в суровую реальность Гражданской войны.

«А вот мезальянс с Семёновым у японцев, кажется, получился душевный.

⁶Тёсё — с японск. яз. — вице-адмирал.

Читу атаман ни с бухты-барухты в конце августа — начале сентября захватил... Без чехов, конечно, не обошлось. Ну, а на готовенькое и японцы подоспели — как удержаться, чтобы на дармовщинку чужого не хапнуть».

Взгляд случайно остановился на статье генерала Хорвата в августовском номере газеты «Вестник Маньчжурии», валявшемся на диване: «...И мы с чистым сердцем говорим вступающим на русскую землю японским войскам: "Добро пожаловать!"»

«Бог мой! И ведь это пишет не просто заслуженный русский генерал... Подумать только, Верховный Правитель страны, пусть даже временный, приветствует высадку во Владивостоке 16-тысячного японского десанта! Сейчас, поди, уже тысяч сорок японских штыков по Дальнему Востоку расползлись. Глядишь, скоро и семьдесят тысяч наберётся, а там и до сотни недалеко. Без объявления войны пол-России оттяпают, от Владивостока до Иркутска. Или создадут подконтрольную буферную зону какую-нибудь. Сильная и единая Россия им не нужна».

В пепельнице со злостью раздавлен ещё тлеющий окурочек.

«Значит, не только атамана Семёнова обласкали японцы. Начальник КВЖД тоже в их упряжку попал. Со мной не получилось — за Хорвата взялись... Но он-то как пошёл на это? Старая швабра...»

Колчак терпеть не мог этого потомственного дворянина, статного и могучего 60-летнего генерал-лейтенанта с бородой на два плуга. Хорват строил КВЖД, управлял ею и был полным хозяином огромнейшей полосы отчуждения, прилегающей на несколько вёрст вширь по обе стороны железнодорожного полотна. Государство в государстве, «счастливая и благословенная русская Хорватия» в сердце Маньчжурии.

«Совсем старый хрыч из ума выжил, что ли? Вот они, три тысячи генералов русской армии... Кто воюет, живота не жалея, а кто наградами бренчит, саблех звякает, да зычным голосом в паркетно-мраморных залах громыхает. Да-а. Всё-таки события и время меняют позиции и взгляды людей... А пуще того — нёмошная зависимость от чужой воли и силы... Но, Господи, как можно дойти до такого унижения? Дратьеёвпенькорявыйбогадушуяпонамать...»

Материться хуже забубённого портового биндюжника Колчак начал ещё во время северной экспедиции. Не обходилось без похабной брани и на двух пройденных войнах, а в общении с совдеповской матроснёй Черноморского флота грубый матерный загиб действовал зачастую эффективнее и круче любых, самых жёстких приказов, команд и распоряжений.

И снова под перестук колес дальней дороги тянутся нескончаемо долгие, как рельсы, и, как рельсы, тяжёлые часы раздумий, сотканые из обмусоленных памятью прошедших событий, знакомых лиц, давних впечатлений, снов, разговоров и споров — всего того, что выворачивало из недр своих подсознание.

Иркутск — «Восточный Париж», «Сибирские Афины».

Великолепное в своей красоте и строгости здание железнодорожного вокзала, самого большого и красивого на Транссибе — Великой Сибирской магистрали. А ведь он помнил ещё только что возведённую одноэтажную постройку на тринадцать окон по фасаду, увенчанную скромным архитектурным изыском — небольшим «грибком» на крыше со стороны перрона, под «шляпкой» которого плотно, убористо и основательно разместилось название губернского города: Иркутск. С противоположной стороны на толкотню, грязь и сутолоку привокзальной площади надменно взирала высокими проёмами округлых поверху окон частично встро-

енная в здание, деля его на две половины, и основательно выпиравшая за фасад, четырёхгранная башня в два этажа, которую завершал грандиозный флагшток. А вот монументально-грузную, сложенную из красного кирпича водонапорку-купчиху, стоявшую чуть поодаль, снесли, расчистив перспективу путей, бегущих в сторону Москвы.

Кажется, совсем недавно это было, в конце зимы 1903 года. Молодой флотский лейтенант-гидрограф в очередной раз отложил свадьбу и с согласия Императорской Академии наук приехал из Петербурга в Иркутск, чтобы руководить поисково-спасательной экспедицией на остров Беннетта, где год назад без вести пропал со своими спутниками учёный и путешественник барон Эдуард Толль. Отыскать следы руководителя научно-исследовательского плавания по Ледовитому океану было делом офицерской чести, долгом перед собой, Императорским Русским географическим обществом, а главное — перед семьёй Толля. А как иначе. Ведь именно в их первый (и последний) совместный поход Эдуард Васильевич назвал именем Колчака один из открытых островов в Таймырском заливе.

В Харлампиевской церкви — «Морском храме» — моряки получили благословение и отбыли в Якутск, отправную точку вояжа, где собирались все участники экспедиции спасения.

«И откуда в Иркутске, за тысячи вёрст от океанов, Морской храм?» — вспомнил адмирал свой недоумённый вопрос из прошлого.

Оказалось, что именно здесь целовали крест и получали молитвенное напутствие мореходы и добытчики с тихоокеанских промыслов, участники походов на север по реке Лене к Ледовитому океану, на Камчатку, Алеутские и Курильские острова. Пред иконами и алтарём этого храма бил поклоны и преклонял колена основатель русской Америки, мореплаватель-росс, «Колумб Русский» Григорий Шелихов. Начало же традиции заложил посадский мужик Емельян Югов, ходивший из «града Иркутскаго» на Камчатку и сколотивший немалое состояние на «мягкой рухляди» — пушнине соболя, песцов, морских бобров и котиков. Возблагодаря Бога, пожертвовал он немалые деньги на строительство деревянной церкви во имя Священномученика Харлампия. Позднее на том же месте был возведён на средства прихожан и купцов-промышленников каменный храм в «русском стиле морских открытий». И где, как ни здесь, должно было состояться венчание только что вернувшегося с острова Беннетта Колчака, отыскавшего следы и документы погибшего во льдах барона. Невеста, София Омирова, безропотно, терпеливо и достойно ждала венчания четыре года после помолвки. Она рано осиротела, но успешно окончила Смольный институт, знала семь языков, была умна, красива, стройна, обаятельна и женственна. И вот теперь, после стольких месяцев разлуки, Колчак встречал её, а вместе с ней и своего отца здесь, на иркутском вокзале. Там, на противоположном берегу Ангары правее понтонного моста высится над горбылями крыш белоснежная колокольня под куполом со шпилем, окрашенным медянкой, и горит на солнце золочёный крест Михайло-Архангельской Харлампиевской церкви.

5 марта 1904 года в регистрационной церковной книге появилась запись:

«Звание, имя, фамилия, отчество и вероисповедание жениха, и который брак.

— Лейтенант флота Александр Васильев Колчак, православный, первым браком, 29 лет».

«Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, который брак.

— Дочь Действительного статского советника, потомственная дворянка Подольской губернии София Фёдоровна Омирова, православная, первым браком, 27 лет».

«Кто совершил таинство.

— Протоиерей Измаил Ионнов Соколов с диаконом Василием Петелиным».

«Кто были поручители.

— По жениху: генерал-майор Василий Иванович Колчак и боцман Русской полярной экспедиции шхуны «Заря» Никифор Алексеевич Бегичев.

— По невесте: подпоручик Иркутского Сибирского пехотного полка Иван Иванович Желейщиков и прапорщик Енисейского сибирского пехотного полка Владимир Яковлевич Толмачев».

«Подписи:

— Протоиерей Измаил Соколов, Диакон Василий Петелин».

В ту раннюю весну всё делалось безотлагательно и торопно: передача документов, материалов и снаряжения только что вернувшейся с севера поисковой экспедиции; через пару дней после встречи с невестой венчание и далеко не самая пышная свадьба, а ещё через три дня — снова иркутский вокзал и отъезд новоиспечённого мужа на восток — в Порт-Артур, где кипела русско-японская война, а молодая жена со свёкром отправились на запад — в Петербург.

Дым папирос резал глаза, остывший чай был выпит, голова клонила сонной одурью, отяжелевшие веки смыкались.

«А был ли честен ты перед Богом, целуя крест, клянясь суженой своей в любви и верности? — Высокий седовласый старик с бородой в пояс и в рубище с укором смотрел на адмирала. — Мобить, отваживал тебя Господь от венчания, отправляя в долгие ледовые странствия? Но ты упрям...»

«Любил я Софью... Остров, что в Карском море открыл, её именем назвал... И ещё мыс на острове Беннетта», — смущённо оправдывался Колчак.

«Всё так... Вот только от любви твоей и верности одни имена на морских картах остались, — задумчиво промолвил дед, — и две детских могилки на погосте. Ты даже на упокоении своих дочунюшек не был. Танюшка, первунька ваша, и месяца не прожила, ты и не видел её — с японцем воевал. Второй чадунюшке, Маргаритке, два годика всего минуло, когда от германца бежали. Так в бегах и почил... Один сын и остался — Славушка⁷».

«Но в чём же я виноват, что не уберегла Софья двух наших детей?!» — нетерпеливо и злобно перебил он рвущий душу монолог корявого старца.

«А где ты в сии дни скитался? Ведь сулил и в горе, и в радости рядом с благоверною своею быти».

«Не мог я с женою оставаться... война была...»

«Знаю. Война любую смерть оправдает. Потому-то и нет в мире большего пакудства, чем бойня человеческая».

Вещун замолчал, а стлавшийся по купе табачный дым вдруг легко и дивно стал свиваться в знакомые слова:

«Милая моя Соня ... Прошло два месяца, как я уехал от Вас, моя бесконечно дорогая, и так жива передо мной вся картина нашей встречи, так мучительно и больно, как будто это было вчера. Сколько бессонных ночей я провел у себя в каюте, шагая из угла в угол, столько дум, горьких, безотрадных... без Вас моя жизнь не имеет ни того смысла, ни той цели, ни той радости. Все моё лучшее я нёс к Вашим ногам, как к божеству моему, все свои силы я отдал Вам...»

А потом письма жены:

⁷Славушка — так ласково называли в семье сына Ростислава — 1910–1965 гг. Внешне он был очень похож на своего отца.

«Дорогой мой, Сашенька... Славушка начинает много говорить, считать и поёт себе песни, когда хочет спать... Как твои дела? Где ты теперь? Я боюсь, не было бы войны с германцем, тут об этом много говорили... Вышиваю и считаю дни. Пиши про себя. Твоя любящая Соня».

Лёгкую череду плывущих в воздухе строк всколыхнул скрипучий голос незваного гостя:

«Всё слова, одни слова. А они, как дым. Чуть что, и нет их».

Он повёл иссохшей жилистой рукой, и смешалось, растаяло таинство буквиц ворожбы, вновь превратившись в сизое табачное марево.

«Знаешь, пророчество в том храме было. В Харлампиевом, где вы венчались», — продолжал старикан.

«Какое?»

Старец задумчиво поскрёб щёку, пригладил бороду.

«В лето одна тыща восемьсот тридцать девятого года от рождества Христова случилось в Иркутске трясение тверди земной. Лопнули тогда на церковном куполе крепёжные цепи, разломился на шпиле крест, упал и разбился колокол, сорвался и вдребезги раскрошился всесвещник...»

Колчак вспомнил, что уже слышал когда-то об этой напасти. Построенный вблизи разлома Байкальской рифтовой зоны, город был обречён на частые земные содрогания и толчки.

«И через несколько лет после того несчастья, в последний день двух веков, что прожил город, земля вновь на дыбы встала с ещё большей силой и яростью, — гундел прозорливец. — Колокола сами по себе зазвонили, худые дома на брёвна раскатывались, люди с ног валялись. На Ангаре лёд с пушечным грохотом лопался, над водой белыми скалами громоздился и, как живой, на берега полз. А свод Харлампиевой церкви раздробился на части. Опять же крест на куполе согнулся и повис...»

«Но я-то...»

Старик поднял ладонь, в корне обрубив любые возражения собеседника.

«Крест надломленный — знаком из прошлого тебе был. То скорбь по детям твоим. Но и это не всё. Случился вскоре во всём граде Иркутском пожар доселе невиданный. Казалось, весь мир огнём полыхал. И в храме всё нутро выгорело. Душу его — иконостас — пламя сгубило, остались угли да пепел. И это уже лично тебе зловещее предзнаменование...»

«Да как же я всё это знать мог?!»

«Теперь ведаешь. Вот только поймёшь ли...»

Старец замолчал, под его кустистыми бровями дрогнули и устало опустились веки.

«Так ведь я сейчас к Софье еду... — будто оправдываясь, прервал затянувшееся молчание Колчак. — Однако не знаю толком, где она... В Севастополе, должно быть...»

«Не к ней ты едешь. Встречу со своей зазнобой, ненаглядной разлучницей ждёшь. Об этом мечтаешь».

«Да как ты смеешь, старый хрен!» — слова правды заделали его за сердечное, потаённое, сокровенное.

«И к власти рвёшься под иноверческой дланью, — наседали старец, не обращая никакого внимания на взбурлившее бешенство моряка. — Через то много крови прольётся. Очень много».

«Врёшь ты всё, пень трухлявый! Убью тебя, гада!»

Офицер взорвался злобой и яростью.

«Многих ты ещё убьёшь... — и, помолчав, добавил: — Тебя тоже убьют... Здесь, в Иркутске».

Сказал и пропал.

Вагон громыхнул, качнулся на стрелке. Колчак вздрогнул всем телом, поднял голову, протёр глаза. За окном чернела ночь.

«Чёрт возьми... Привидится же такое...»

Он взял со стола фотографию в овальной рамке, провёл ладонью по стеклу. Удивительное лицо! Открытое, чистое, ещё девичье. Анна Тимирёва. На фото ей, наверное, чуть больше двадцати, и она почти вдвое младше Колчака, которому уже 44. Она обольстительна и прелестна, хотя её красота не вписывается ни в какие скрижали и каноны жеманной роскоши женщин начала XX века. Маленький, почти детский подбородок, большой рот и чуть припухшие губы, несколько широко расставленные глаза... Нет, не глаза, а дивные очи — завораживающие и манящие под крылатым разлётом бровей. В ней всё создано для любви.

«И Софья... Она на 17 лет старше Анны, и они, можно сказать, подруги. Что сблизило их? В довоенные годы — общество семей морских офицеров, затем, наверное, дети... Конечно, жена мудрее и опытнее Анны. И, безусловно, давно догадывается о моих отношениях с этой девочкой».

Адмирал неспешно достал из чемодана сай — лакированные ножны, изящно выточенные из магнолии, вынул катану XVII века работы японского мастера Нагасоне Котейсу. Расплывчато-тусклый блеск полированной стали, изумительные формы клинка, и хамон — извилистая линия закалки режущей кромки, напоминающая морскую волну, успокаивали и умиротворяли. За последние месяцы странствий и одиночества он привык думать, глядя на это лезвие, унёсшее, вероятно, не одну сотню жизней за два с лишним века своего существования.

«Но как мне быть? Просить у Софьи развода? В лихой год бросить её и сына наедине с воспоминаниями об умерших девочках? Нет, и ещё раз нет... Вернуться к ней и забыть об Анне? Тоже нет, ни-ко-гда...»

От безысходности этих тупиковых вопросов портилось настроение, укор вины высасывал душу, неловкость перед женой, которая из врождённой деликатности даже намёком не давала понять мужу, что знает о его адюльтере со своей подругой, отравляла жизнь.

«Так, решено. В этом революционном мракобесии я обязан отыскать жену и сына, — рассудил он. — А там... А там отправлю их куда-нибудь в Париж или в Англию... Сам же останусь с прелестной Анной... И пусть будет то, что будет...»

Он уже не мыслил себя без Анны — этой молоденькой женщины. Он обожал её. Ведь ради него она развелась с мужем, таким же, как и он, контр-адмиралом, участником русско-японской войны и обороны Порт-Артура. Вот ведь судьба: не кто-нибудь, как сам Сергей Тимирёв, в ту пору ещё капитан первого ранга, познакомил Колчака со своей юной женой. Случилось это в январе 1915 года, когда оба офицера отправились из Петрограда к новому месту службы в Гельсингфорс. Ехали в одном купе, поскольку были не только сослуживцами, но и однокашниками по учёбе в Морском корпусе, где осваивали военную науку в одной роте: Колчак — фельдфебелем, Тимирёв, который был на год младше, — унтер-офицером. Провожать Тимирёва на вокзал приехала его жена Анна. Четыре года назад, когда ей исполнилось 18 лет, они поженились, и все эти годы жили в любви и согласии.

В октябре 1914 года у них родился сын Владимир. Знал бы Сергей Тимирёв, какой роковой станет для его семьи эта встреча на вокзале и знакомство жены с Александром Колчаком... Уже весной Анна с полугодовалым сыном приедет к мужу в Гельсингфорс, ещё раньше там же вместе с пятилетним сыном Ростиславом поселилась Софья Колчак. Офицеры часто встречались семьями, а летом снимали по соседству дачи на острове Бренде. Мужчин связывало боевое прошлое и общие интересы службы, женщин — маленькие дети и семейные заботы.

Вот тут-то и полыхнула огнём корабельных орудий главного калибра взаимная страсть Александра Колчака и Анны Тимирёвой. В узком офицерском кругу их отношения не могли оставаться незамеченными. Шепоток и пересуды зашуршали за спиной и, конечно, долетали до ушей обеих дам, но, подчиняясь законам света и чести офицерского собрания, женщины продолжали хотя бы внешне сохранять приятельские отношения. На тот же лад вели себя и мужья. Сергей Тимирёв старался быть выше сплетен и продолжал службу под началом своего друга. Колчака совесть и подавно не мучила ни тогда, ни, тем более, сейчас. Иногда, правда, скребло что-то в душе, но стыд, порядочность, христианская мораль и офицерская честь были подавлены куда более сильным влечением — всеобуревающей и возжеленной страстью. К тому же, ведь не он увёл жену у мужа. Анна сама сделала выбор и рассталась с супругом, прожив с ним около семи лет. Более того, в окаянное лихолетье она ради любовника оставила на свой страх и риск малыша сынишку в Кисловодске на попечение своих престарелых родителей. Но её отец — всемирно известный музыкант — вскоре умер, и сейчас бабушка одна воспитывает четырёхлетнего внука, бережно тратя оставшиеся крохи прежнего достатка и экономя в голодные годы безвременья буквально на всём, и прежде всего на себе. Итог — преждевременная кончина одинокой женщины.

«Кто аз есмь? Летучий голландец, скитающийся по бескрайнему океану жизни? — думал Колчак нелёгкую думу. — Или всё-таки кондотьер с весьма сомнительной идейной начинкой, альковными грёзами, сабельным звоном и звоном монет? И неужто не будет счастья каждому, кто встретит меня на своём пути... Но ведь не продал я душу дьяволу, не адским пламенем у сатаны причастился. Хотя, кто знает, где он, этот козлоногий, и в каком обличии меж нами крутится...»



ВАЛЕРИЙ СКРИПКО



«Поверим господу! Так надо...»

Пятого января 2024 года не стало моей жены, Натальи Петровны, с которой я прожил пятьдесят один год. Эта небольшая поэма посвящается ей.

СКРИПКО Валерий Иванович родился 5 ноября 1948 г. в городе Усть-Каменогорске (Восточный Казахстан). После окончания средней школы переехал в город Братск Иркутской области и стал активным участником местного литературного объединения. Окончил юридический факультет Иркутского госуниверситета. Первые стихи напечатал в газете города Братска в 1967 г. В следующем году стихи были опубликованы в областной газете «Восточно-Сибирская правда». Наставниками Валерия Скрипка, как начинающего поэта, заочно (по переписке) были иркутские поэты Марк Сергеев и Сергей Иоффе. В 1968 г. В. Скрипка стал участником конференции «Молодость. Творчество. Современность». Первые стихи в журнале «Сибирь» опубликованы в 1986 г. С 2003 года более восьми лет публиковал статьи в журнале «Природа и человек. XXI век», активно выставляет свои материалы в «Дне литературы», на сайте «Российский писатель». В своих статьях, заметках, обзорах, рецензиях, очерках Валерий Скрипка освещает вопросы и явления общественной жизни во всем их многообразии. Лауреат международной премии «Русский позитив» Российского фонда мира и журнала «Москва» (2013) за критическую статью «Читая Астафьева». Поэт, прозаик, литературный критик, публицист. Член Союза писателей России. Живет в г. Минусинске Красноярского края.

Венок признаний

(СТИХИ, ПОСВЯЩЁННЫЕ ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЕ В РАЗНЫЕ ГОДЫ)

* * *

Всю молодость — крутило нас, несло,
Об камни било в яростном потоке,
Но Бог, жалея, в руки дал весло,
Согрел любовью после лет жестоких!
Теперь как остров — наш семейный круг,
Ты лучший собеседник мой и друг!
И как в Иркутском том былом предместье —
Возьмём вина, картошечки с лучком...
Закроемся от мира вечерком,
Назло всем нашим бедам будем вместе!
Здоровья, друг мой, долгой жизни в вере,
Союз наш — тоже много лет живи...
Ведь скроен из тончайших он материй,
Из тёплых волн той молодой любви!

* * *

Я в этот день перечислять не буду,
Что пережить нам довелось двоим...
Мы просто Бога поблагодарим!
Он радоваться дал в подлунном мире,
И толпы бесов в нас утихомирил.
Дал столько дней восторгов, красоты,
Где для меня была желанной ты!
А нынче буду я немногословен.
Любовью все зовут такой феномен.
Пусть дальше греет этот дар небес,
Таинственный друг к другу интерес!
Он даст нам силы верить и молиться
И до конца к смирению стремиться...
А там чтоб лет еще примерно сто
Тебе для литургий припас Христос!

* * *

Почти полста — нам повезло
И кажется небесным знаком...
Нет подходящих в мире слов,
Чтоб описать все тайны браков!
Ведь страсть врывается порой

В сердца —
 Как в полночь поезд скорый,
Гора тут сходится с горой,
Все клетки чувствуют, все поры
Родное милое тепло.
И где-нибудь в глухом предместье
Нам голодно, но так светло,
Впервые так уютно вместе.
Надломим этот чёрствый хлеб,
Что мы стащили из столовой.
Подскажет Бог поэтов — Феб
Заветное для тоста слово!
Всё против нас, в родне — разлад,
Бездомность, бедности приметы,
Но ждёт нас Гефсиманский сад,
Хоть мы пока не знаем это!
Нам жизнь любить с тобой дано,
И это завещал нам пращур.
Иркутска кислое вино
Бургундского в те годы слаще.
Таков для нас судьбы расклад,
Поверим Господу —
 так надо!
Чтоб слёзы, тысячи преград
Потом — Святой Земли отрада!

* * *

Не считай ты ни лет и ни дней,
Привыкай к доброй вечности, странной,
Там, где к Богу любовь постоянна,
И не властвует время над ней.
Этот праздник уже начался,
Нам не надо богатств и карьеры.
Только в отблесках истинной веры
Жизнь как праздник раскроется вся.
Каждый миг — в ней подарок, урок,
Час за год, год за век нам зачтётся...
То, что старостью часто зовётся,
Дар Небесный, что дарит нам Бог!
Надо ездить, работать, дружить
От души, как у мудрых бывает,
Стариков на земле не бывает,
Есть лишь люди, уставшие жить!
Жар души в нас еще не погас,
Значит, что-то нам сделать поручено,
Так вперёд же по жизненным кручам...
По судьбе, так жалеющей нас!



МИХАИЛ НИКОЛАЕВ



Осенние трамваи...

РАССКАЗ

Дед Сёмыч в тихом одиночестве сидел на опустевшей трамвайной остановке около заваленного пёстрыми листьями входа в некогда оживлённый, но уже много лет заброшенный безымянный сквер, прозванный седеющим поколением вчерашних юнцов, а ныне солидных, почти что пожилых людей, просто и ласково — Скверик. И только дед Сёмыч, да несколько доживших до нынешней осени стариков помнили, что истинное название Скверика некогда состояло из трёх вызывающих гордость его былых современников слов: «Сквер имени Калинина», о чём, собственно, и намекала испачканная голубями, сколотая во многих местах однорукая статуя с вполне узнаваемым ещё поясным монументом Всесоюзного старосты, возвышающаяся возле тяжелых кованых ворот, утративших свою скрипучесть и подвижность уже лет двадцать тому...

НИКОЛАЕВ Михаил Владимирович родился 9 февраля 1979 года на Дальнем Востоке, в городе Комсомольск-на-Амуре (Хабаровский край). Долгие годы путешествовал по стране, успев пожить в самых различных её уголках, работая строителем, арматурщиком, сварщиком, кузнецом, сапожником, грузчиком и т.д. Более трёх лет был трудником, а после и послушником одного из подмосковных православных монастырей. Публиковался в газетах, коллективных сборниках, журналах и альманахах: «Поэтический Сад» (Иркутск), «Литературная гостиная» (лирика сибирских поэтов, г. Братск), литературно-художественный альманах «Душа России» (Русский лад, г. Псков), «Современные записки» (Москва), «Озарение» (Жизнь, любовь, мечты) и др. Автор поэтических сборников «Сирена», «Чёрное и белое» и книги прозы «Приметы времени». Лауреат Международных и Всероссийских литературных конкурсов, таких как «Русский Лад», «Poetfest» (Санкт-Петербург), «Серебряный Век Поэзии» и др. Живет в селе Смоленщина, Иркутской области.

Дед Сёмыч приходил на эту остановку часто, благо, что жил совсем недалеко — сразу за Сквериком. Приходил в основном осенью. Иногда весной.

За полтора последних десятилетия старик почему-то полюбил осень. Полюбил крепкой, выстраданной любовью, ещё сильнее, чем когда-то, казалось бы, так недавно, он любил смеющуюся, свистящую птичьим многоголосием зелёную хохотушку-весну.

Только здесь, на пустынной остановке, у ворот заброшенного Скверика, слушающая тишину, изредка прерываемую шуршанием ещё не успевшего стать промозглым ветерка, гоняющего по асфальту палую листву, старик мог полной грудью вдохнуть не остывший пока, но уже существенно посвежевший с начала сентября, наполненный ароматами увядания воздух, закрыть глаза и, позабыв обо всём, безмятежно окунуться в прошлое.

Если бы кто-нибудь когда-нибудь спросил деда Сёмыча, чем же всё-таки пахнет осень, скорее всего, он бы ответил, что его осень пропитана запахом пожелтевших книжных страниц, длинными выцветшими за лето волосами матери, остывающим Солнцем, сыроватой землёй, туманом и почему-то небом.

Конечно, к этому примешивались многочисленные запахи грибов, разного рода дымков, смородиновых листиков, заваренных в сборах с различными ароматными травами, даже подсыхающего на дедовом подоконнике табака-самосада, и много-много другого... Но это было уже не главным. Не основным. Не тем, чем дышала в эти ставшие почти короткими дни огромная и такая до боли родная земля, а с ней вместе и душа старика. И, конечно же, не тем, чем жила его память...

Сейчас память Сёмыча не просто дышала. Она словно мехами втягивала в себя через впалую грудь все его предыдущие осени, с их запахами, даже красками и звуками, с предчувствующими наступление холодов уличными котами, с впадающими в уныние бездомными собаками, звенящими и стучащими в рельсы, когда-то полными, а ныне почти пустыми трамваями.

Дед Сёмыч любил трамваи с самого детства. Он обожал и дрожь трамвайного полотна, и стук приближающихся колёс, но более всего прочего старику нравилось слушать пронсящие над платформой переливистые и не похожие ни на что иное трамвайные звонки. Каждый раз, услышав этот звон, сердце Сёмыча трепетно замирало, а на душе становилось празднично и даже как-то торжественно. Временами старику казалось, что он знает о трамвайных звонках всё.

Ещё в своей далёкой довоенной юности Сёмыч понял, что голос трамваев наиболее выразителен поздней весной и ранней осенью.

Весной он воспринимался весёлым молодым, полным жизни и задора смехом ветреной школьницы, его, Сёмыча, ровесницы, с годами превращаясь в смех молодой соседки-первокурсницы, позже — дочери, а уже в преклонном возрасте — давно повзрослевшей внучки...

Осенью же трамвайный звонок был похож на полный невыносимой боли, ноющей тоски и отчаяния, обращенный ко всему вокруг, к земле, к небу, пронзительный крик старого железного, но так же, как и человек, обреченного на вымирание, одухотворенного нашими эмоциями существа, обладающего мыслями, чувствами, памятью в неменьшей мере, чем сами люди...

Иногда, погружаясь в осень с головой, старик прикрывал веки и на слух считал редкие пробегающие мимо остановки, часто даже не притормаживающие трамваи. Считал бессознательно, как бы проходя, совершенно не заикливаясь на этом действе, но каждый раз, собираясь уходить, удивлённо отмечал про себя, что в этом году их почему-то опять прошло меньше.

И не мудрено... Заканчиваются трамваи... Становятся неудобными. Непрактичными... А возможно, они просто выходят из моды, так же, как некогда вышел из моды и сам Сёмыч...

Подобные одинокие посиделки сам дед Сёмыч называл про себя немудреным названием «Слушанье осени»...

Происходило это каждый год одинаково. Сначала наступала осень по календарю. Потом она накрывала город, разукрашивая парки, выстилая ковриками улицы, переодевая людей, и уже гораздо позже осень начинала стучаться в душу самому Сёмычу.

И однажды прекрасным солнечно-осенним утром Сёмыч просыпался в своей пустой стариковской коммуналке, но подниматься почему-то не спешил.

Вместо этого он ещё долго и неподвижно лежал в своей постели, словно бы оказавшись в абсолютном вакууме, без движения, без мыслей, без чувств.

Потом, не менее долго, он изучал длинные трещины на давно позабывшем про известь потолке, и наконец, словно собравшись с духом, поднимался.

Медленно и аккуратно заправлял постель, окидывал её взглядом, по-стариковски придирчивым и вместе с тем безразличным, ополаскивал лицо привычно ледяной водой, ставил чайник, в ожидании кипятка подходил к мутноватому, заляпанному местами окну и на какое-то время «зависал» словно бы в некоем небытии, совсем позабыв про бурлящую в чайнике жидкость, но, вдруг вынырнув из оцепенения, ясно понимал, что уже пора! Пора идти слушать осень!!!

Обувшись в доисторические опорки с заливчатским названием «Прощай молодость», замотавшись шарфом поверх засаленного пальто с уже непонятно из какого зверя сотворённым воротом, нацепив на кудлатую голову потёртый драповый берет, он закрывал на два с половиной оборота хлипкую деревянную дверь своей коммунальной комнаты и, отсчитав сорок четыре ступени вниз, выходил на ставшую вдруг жёлтой улицу. Неспешными старческими шагами пересекал Скверик, здоровался с неизменно-гипсовым дедушкой Калининым и, пройдя немного вперёд к остановке, кряхтя и тяжело опираясь на палку, медленно садился на приостановочную скамью. Устраивая тело поудобнее, ёрзал недолго, замирал на половине движения и... И слушал... Слушал... Слушал...

Слушая осень, он мог просиживать на этой остановке часами, никуда не спеша, изо дня в день, неделю за неделей, до тех самых пор, пока приходящие на пару с затяжными ливнями холода не вынуждали его искать укрытие за толстыми границами облупившихся стен ставшей почти родной коммунальной «сталинки».

Нынешняя осень почему-то казалась Сёмычу совершенно иной. Он чувствовал это всем своим существом, но, к сожалению, не мог найти подходящего слова, которое смогло бы объяснить суть этих перемен даже ему самому.

Вроде бы всё как всегда... Тот же сквер. Та же остановка. То же небо и Солнце... Ан нет. Нынче всё было как-то глубже... Прозрачнее, что ли... И как-то ближе.

Она проникла в старика вместе с криками далёких птиц, с шелестом палой листвы и шуршанием пожухлой травы под ногами, через слух, через взгляд, через дыхание, пронзая сердце и наполняя разум.

Вдох — и вот уже осень не вокруг Сёмыча, а где-то внутри. И холодит свежий ветерок не кожу, а саму душу, и ложатся листья не на потрескавшийся от времени асфальт, а на само сердце...

И вот наступает момент, когда становится непонятно, где воспоминания, а где «здесь и сейчас»... И так всё это сладко. И так больно... И слёзно...

Не плачет Сёмыч. Разучился за много лет. Всех пережил и разучился плакать... Но вот сегодня отчего-то текут слёзы... Сами. Медленно выскальзывая из давно обесцвеченных временем глаз, заполняя русла глубоких морщин, стекая вниз, на поеденный молью шарф в крупную зелёную клетку, и впитываются, впитываются, как никогда их и не было...

Дед Сёмыч... Такое прозвание закрепилось за ним благодаря нескольким поколениям выросшей на его глазах бойкой коммунальной детворы. Дед Сёмыч... Именно так и только так...

А вот имя Спиркина Павла Семёновича, фронтовика, орденосца, токаря шестого разряда, некогда хорошего сына, внимательного мужа, заботливого отца, давно уже позабыли... Да, может, никогда и не знали... Молодежь-то в доме всё новая... Приезжают, живут пять-десять лет, да съезжают на более перспективные «квадраты»...

Да и Бог с ними... Долго живёт Сёмыч... Устал Сёмыч... Всё равно Сёмычу... И сейчас всё равно. И раньше, лет семь-восемь тому, когда новая его соседка, хабалистая розовощекая повариха Валька, то ли в шутку, то ли всерьёз, назвала старика «Чахлый Овощ». Так прямо и выдала при всех, осеняя общую кухню запахом молодого пота и субботнего перегара:

— Что-то наш Чахлый Овощ совсем захирел! Ни толку от него, ни мысли умной! Только зря грядку-то свою и занимает! Эх, его бы квадраты, да в умелые ручки!!! Ох и красотень бы вышла! Ох и красотень! И польза! Дед! Пора уж тебе! Дай дорогу молодым!

Так появилось у деда Сёмыча и второе прозвище — «Чахлый Овощ». Появилось, да не прижилось, как собственно и сама Валька, так и не сумевшая прижиться в по-своему дружной коммунальной семье.

И не вспоминал же об этом столько лет... А вот сегодня вспомнилось. Всколыхнулось и выплыло, как муть со дна колодца. А ведь и не обидно вовсе. Ить кто он — Овощ и есть. И очень даже Чахлый.

Эх... Люди, люди... А ведь не думаете вы, что соринка в чужом глазу — она-то сразу видна. А вот если бы вы копнули поглубже, да хотя бы мельком посмотрели в свою сторону, в свои глаза, то, возможно, сразу же, даже невооружённым взглядом увидели бы не соринки даже, а полноценные брёвна в образе своих собственных детишек, которые при ближайшем рассмотрении и есть самые настоящие овощи... Глупые. Ленивые. Не интересующиеся ничем, кроме нелепых пёстрых тряпок, какого-то бессвязного речитатива под музыку, модных ныне в юной среде, убойных энергетических напитков да выдающей их изнутри дьявольской машины по имени Комп...

Ну, ни дать, ни взять — овощи. Только отнюдь не чахлые. Наоборот холёные. Пестицидные. Генно-модифицированные. Наглые... Бесполезные... Безразличные... Одним словом — поколение пепси. Ну да ладно.

Своих-то старик уже давно вырастил. Хорошо вырастил. Не овощами. Людьми. А настал час — и схоронил. Всех.

У каждого своё время... Сёмыч давно это понял. Понял и смирился... Не мог смириться только с тем, что его, Сёмычево время, отведённое на жизнь, почему-то никак не подходило к своему завершению... Видать совсем позабыл о нём Боженька. Или кто другой, далёкий, недосягаемый, ведающий жизнями и смертями...

Ах, как плещется нынче осень! Как нутро-то переворачивает! Как душу-то вынимает! И в каждом вдохе жизнь! И хочется дышать долго-долго, растягивая вдох на пятнадцать минут! На полчаса!

Вдох — и вот мыслями он уже в давно отжившей свой век деревеньке, с таким родным названием Леонтьевка.

Вот он и двор тот, из детства. И кажущаяся большущей черёмуха у ограды... И он верхом на ветке... И Коляша рядом... А вокруг — пронизывающая всё осень... Ах, коли бы можно было...

Вдох — и вот школьный двор с толпой мелких ребятешек. В стороне о чем-то тихо беседуют учителя. В руках букеты из полевых цветов вперемешку с травами... Листья, собранные в охапку и брошенные в лицо однокласснику Тёмочке... А ещё, маленькая ослепительно красивая девочка с удивительно пронзительным колокольчиком на плече у усатого старшеклассника. Как всё чётко! Как живо! Вот протянуть бы руку! Прикоснуться! Но уходит мираж. Отдаляется. Остаётся только осень и звон колокольчика в ушах...

Звон колокольчика в ушах??? Да нет же! Это просто выпавший словно бы из ниоткуда старенький трамвай медленно проскальзывает мимо остановки, для того, чтобы через мгновение исчезнуть снова, плавно погружаясь и растворяясь в залитой солнечным светом осени...

Вдох...

Первая девчонка. Первый поцелуй. Запах девичьих волос. Первая разлука. Первые настоящие слёзы. Первая боль. Первая взрослая осень...

Вдох...

Сентябрь, свадьба. Светло и ярко! Друзья. Гармонь, гитара! Счастливые лица Галки. Её Галки! Её жены! Смех! Кутерьма! Поздравления и счастье! Осеннее тревожное счастье...

И снова звенит. Трамвай, что ли... Зачастили они... Ну да пусть себе едут. Пусть звенят. Они, как и сам Сёмыч, часть этой осени. Звенящая часть.

— Как же хорошо дышать! — вслух думает Сёмыч. — Какой свежий и щемящий душу воздух! Как же радостно и тревожно бьётся в груди сердце!

Ещё трамвай... Этот почти полный. Странно. Остановился... Пассажиры глядят тепло, кивают приглашающе...

Вдох.

Да это же не просто пассажиры... Господи... Взгляд старика наполняется узнаванием и счастьем.

Поднимается Сёмыч, разгибает затекшую спину, преодолевая боль в суставах, ковыляет к трамваю. Замирает недоверчиво и... Кричит! Голосит, не пытаясь сдерживать давно заключённые в груди и рвущиеся наружу рыдания.

— Друзья вы мои! Ну кто же сказал мне, что нет вас больше! Вот же вы! Вот! Рядом со мной! Не узнаете? Я же Пашка! Пашка Спиркин! Андрюха! Ты же видишь меня! Я же вижу, что видишь! А говорили, что убило тебя в 43-м... Антошка, сынок!!! Ну не молчи! Не маши на меня своей медвежьей лапицей! Дай руку! Помоги запрыгнуть! Видишь, стар я стал! Чахлый я! Овощ!

— Галка! Что хохочешь? Что сверкаешь на меня белыми своими зубками? Тормоши ребят! Пусть помогут!

Петруха! Лёнька!!! Не молчите!!!!

Вдох...

— Костя! Балбес неугомонный! Катька — егоза! А это кто? Батя?.. И мама... Руку мне! Дайте руку! Не дотягиваюсь! Ещё чуть-чуть! Вот! Ухватился!!! Держусь! Тяните, братцы!!!

Вдох.

Поехали!

Вдох...

— Э-эээ, дед, тебе чё, совсем хреново? Ты бухой, да, дед? — тормозил Сёмыча за пальто невесть откуда взявшийся румяный, пахнувший фастфудом подросток в нелепых штанах с болтающейся на коленях мотнёй. — Эй, дедуня!? Не спать, не спать! Замёрзнешь!

Холёные пальцы недоросля нагло шевелились в дырявых карманах старика, но тому было уже всё равно.

Павел Семёнович Спиркин, вскочивший на подножку последнего осеннего трамвая, с весёлым смехом обнимал крепкие плечи друзей, целовал их родные лица, а миг спустя прижимал к себе такую юную, такую любимую, такую маленькую и родную Галочку!

Задувший вдруг ветер с неподражаемой грацией хулигана смешал поднятые с асфальта листья с листьями, ещё не успевшими добраться до земли. И в безумном кружении листопада некому было заметить, как ещё один трамвай растворился в осени...



ГЕННАДИЙ ЁМКИН



«Вокруг Россия! Родина моя...»

Крыло

Андрею Шацкову

Отгорела осень, и не служит
Расписной игрушкой для затей.
Над болотом поднялась и кружит
Стая запоздалых журавлей.

Я из тех, кто вырос в этой стае!
Но пропал на топком берегу...
Оттого я их и понимаю,
Лишь лететь за ними не могу...

Пробовал. Большой, больной подранок —
И опять пытался, и опять...

ЁМКИН Геннадий Максимович родился 8 февраля 1961 в городе Арзамасе-75 (ныне Саров). Учёба: Лукояновское педучилище (1979), Арзамасский пединститут (1986). Срочная служба 1979–1981 — Туркмения, Афганистан, Приморье. Работал инструктором по спорту, преподавателем физкультуры, педагогом-организатором, лаборантом, дворником, инженером, техником, кочегаром, плиточником, таксистом. Был частным предпринимателем. Автор пяти поэтических книг. Лауреат премий ряда литературных журналов России: Нижегородская Провинция, Арина, Русское Эхо, Сура. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Михаила Юрьевича Лермонтова (2016), победитель XXVII Международного литературного конкурса имени Андрея Платонова «Умное сердце» (2020), Дипломант МСЛФ «Золотой Витязь» (2021). Член Союза писателей России.

Но кровит из посечённых ранок,
И не получается взлетать...

Оттого, что был когда-то с ними,
Не боясь их вовсе испугать,
Я стою с красивыми, большими,
Далеко способными летать.

Я сегодня милых провожаю.
Знаю, им тревожно, не легко,
Словно не на время улетают,
А навовсе — в глубину веков.

И прошу их: — Не зовите громко
За собою в грустный окоём!
Без того мне больно и неловко
Вам махать несбывшимся крылом.

* * *

Вокруг Россия! Родина моя...
И мне не надо знать истоков боли,
Чтобы любить вот эти тополя,
Чтобы любить заснеженное поле.

Пусть деревень далёкие огни
Мне вечной тайны зимней не откроют,

Но пусть горят, полночные, они —
Глухою, снежной русскою порою!

И пусть душа на радостную весть
Всегда ответит искренне и просто.
И пусть мерцают звёзды над погостом,
И будет вечной святость этих мест.

* * *

Огородик за слепенькой хатой.
Речка бродит в сухом камыше.
Лес простуженный. Луг кочковатый.
А поди — прикипело к душе.

Из последних, по стылой воде
Жёлтый лист проплывает медлительно.

Знаю, больше не будет нигде
Так покойно, светло, так пронзительно.

А казалось бы — речка да лес,
Куличок на излучине вроде бы...
Свет неярких осенних небес...
Отними, не останется Родины.

Старуха

Старуха кормит голубей,
Всё крошит, крошит хлеба мякоть.
Ей-богу, хочется заплакать
И стать ей ближе и родней,
Дающей хлеба голубям
Во дни, что для самой тревожны.
Купила хлеба — пополам,
Себе и птицам этим божьим.

Сама — едва сыта, не больше,
С грошовой пенсии своей,
Сама на птицу став похожей,
Старуха кормит голубей.
Ни слова лишнего, ни жеста.
Всё крошит хлебушек. Молчит.
И на лице землистом вместо
Морщин — небесные лучи!

Тёть-Агаша

Светлане Супруновой

Тёть-Агаша была глуховата.
Не наследное стало виной.
Тёть-Агашу, сестру медсанбата,
Так ушибло Второй Мировой!
Только в чём и осталось живое?
Подчистую списали — не тронь!
Вот и ходит, трясёт головою,
Да, корабликом, к уху ладонь.
Деток не было. Та же кручина —
Холод, слякоть, окопная грязь.
И ушёл Тёть-Агашин мужчина
От её постоянного — Ась?
Вот и думай-гадай: не война бы,
Может быть, по-другому жила...
Тёть-Агаша — не «абы да кабы» —
Двоюродною бабкой была.
По субботам я ей растопляю
Печку-прачку, хотя и малец.
Из колонки воды натаскаю
За ватрушки и за леденец.
И пекла она — необычайно!
А ещё — угощала халвой!
Сядет. Смотрит... Но, как-то печально...
— Кушай досыта! Кушай, милой!
.....
Девять дней над могилкой мело...
На поминки родня собралась.
Мне послышалось что ли? «Милой!»
И её виноватое: «Ась?»

Огляжусь, и с надеждой считаю,
Палец к пальцу, сжимая в кулак:
— Я! Дядь-Саша! Баб-Нюра! Тёть-Тая...
А последний не гнётся никак.

Старик

Седой старик в костюме мешковатом
Погладит фотографию и крест.
Он на скамейку сядет виновато —
Теперь один остался, словно перст.

Нальёт вина дрожащею рукою
И от горбушки мякиш отщипнёт,

И, пожелав хотя бы Там покоя
Своей старухе, выпьет и вздохнёт.

Ладонью вытрет сморщенные губы,
Закурит, посидит еще чуть-чуть.
И палку взяв, оструганную грубо,
Как сирота, пойдёт куда-нибудь.

Оберегая раненую ногу,
Но сетуя на слишком долгий век,
Идёт и разговаривает с Богом.
Я знаю, он хороший человек.

Терновый куст

Какой закат! И даль чиста.
День истончается и тает.
Лишь силуэт того куста
Мне о земном напоминает.

День истончился до конца.
Вот-вот земное притяженье
Исчезнет. Только звёзд круженье
Оставив около лица.

Лишь куст терновый зацепил
Мой взгляд. И не даёт отвлечься —
Что лунная родится млечность,
Предвестник всех ночных светил.

И ночь уже. И звёздный хруст.
Земное, истончаясь, тает.
И только куст, терновый куст
Меня всё держит и терзает.

* * *

...высокие полдни
прозрачней слюды и стекла...

Андрей Шацков

Прозрачные полдни. Холодные ночи.
Трепещет багрянец, сошедший в леса,
И, кажется, жизнь — ну, не то, чтобы очень...
А может, подумаешь: «Лишь полоса?»

А может, по жизни всего-то и надо,
Уняв беспокойство пустое в груди,
Печурку топить. Утром в глушь листопада
С собакой, скулящей от счастья, уйти?

Бродить и бродить. И не думать, что значит
Лесов предосенняя дрожь и испуг.
Есть полдень высокий и голос собачий!
И жить ещё можно и нужно, мой друг!

И славно бы, помня и годы, и лица,
И все переломы разлуки-судьбы,
Спокойно вздохнуть. И грибам удивиться:
Какие, однако, попались грибы!

Воробей

*Анатолию Наумову
(Заслуженному артисту России)*

После Спиридона-Солнцеворота (25 декабря)
хоть на воробьиный скок,
да прибудет денек.
Народная примета

Земля космический полёт
Вершит, внутри сгорая.
А он, хоть мёрзнет, но поёт
У ветхого сарая.

Земля летит. Метель метёт.
И мёрзнут даже люди.
А он шажок всего шагнёт —
И радоваться будет!

Тому, что он давно дружок,
Мироустройство знает,
На этот самый на шажок,
Но день-то прибывает.

Среди космических полей,
В пространства без предела
Земля летит... Но воробей
Там у сарая, вдруг, смелей
Ещё шажочек сделал!

За всё-то, дерзкого, люблю.
И даже не за это,
Что по нему, по воробью
Сверяет ход планета —

За то, что мёрзнет, а поёт!
Что другом нам остался!
И что, в величии своём,
Ни капли не зазнался!

Гололедица

А сегодня в лучшее мне верится!
И светло на сердце и в душе!
Пусть ещё и снег, и гололедица,
Но воркуют голуби уже!

К полудню натаивают лужицы.
Их размер и мал, и не глубок.
У одной на красных лапках кружится,
Хорохорясь, сизый голубок.

Может, снег последний? И отныне
Жди, дружок, когда пойдут они —
Сеющие или проливные
Первые весенние дожди.

Вот тогда у кочки ли, у лужицы
Всё возьмёт природа, без границ!

Вот уж, вот уж голуби закружатся!
Заворкуют возле голубиц!

Вот сегодня в лучшее и верится!
Разбегаюсь и скольжу по ней —
Может быть, последней гололедице
И по снегу, белого белей.

О словах

Не купил. Не смыслы вывихнул,
Не украл. И не нашёл.
А, казалось, — просто выдохнул.
И сказали — «Хорошо!»

Но крутили всё же, меряли.
Что такое? Расскажи!
Оказалось — не материя.
Оказалось — часть души.



ЛЮБОВЬ МОСКОВЕНКО



Рассказы из цикла «Дедушкины уроки»

Поговорили...

В конце декабря дедушка и Андрей отправились на прогулку к озеру. На подходе остановились передохнуть. Из лесной чащи до них донеслась россыпь нежных звуков. словно кто-то невидимый бросал горсть за горстью хрустальные шарики. Они разлетались и, ударяясь друг о друга, рождали приятную лесную мелодию.

— Воронушка дала о себе знать, — разгадал таёжную загадку дедушка. — Мы и раньше слышали эти звуки.

— А как они ей удаются? — спросил Андрей.

— Думаю, Воронушка по-особому постукивает верхней частью клюва о нижнюю. Пойдём, угостим её и других птиц.

МОСКОВЕНКО Любовь Николаевна — прозаик, детский писатель. Родилась 18 марта 1955 года на участке Ивановск Куйтунского района Иркутской области. Окончила Сибирский технологический институт в г. Красноярске по специальности инженер лесного хозяйства. Работала мастером леса, техником-лесоводом. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России с 2016 г. Печаталась в местных газетах г. Тулуна, журналах: «Сибирячок», «О, Русская Земля» (Москва), «Сибирь» (Иркутск), «Первоцвет» (Иркутск). Автор книг: Дедушкины уроки (Иркутск, 2012), Сказка вечности (Иркутск, 2015), Волшебник из зелёной книги: Тулунская сказка (Иркутск, 2016), Тулунсвет: сказ о земле Тулунской (Иркутск, 2017). Является лауреатом премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Награждена дипломом победителя в акции «Моя малая родина», проведённой Законодательным Собранием Иркутской области и областным Советом женщин в рамках Года литературы (2015 г.). Живёт в селе Алгатуй Тулунского района Иркутской области.

Они углубились в лес. Разгребли снег под сосной, достали из рюкзака мешочки с зерном, высыпали корм на замёрзшую землю и продолжили путешествие. Дошли до озера. Мороз сковал водную гладь ледяным панцирем. Ровный лёд укрыло полотно слежавшегося кристаллического снега, припорошённого свежим снежком. По берегам озера росли сосны и берёзы, заросли ивы теснились к ледяной кромке. Ветки деревьев и кустарника густо опушил иней. Куржавый¹ лес был густым и непроглядным.

— Постаралась зима — сотворила сказку из ледяных иголочек! Искусница, да и только! — восхитился дедушка.

Полюбовавшись заснеженной озёрной гладью и прибрежной полосой заиндевелого леса, путники пошли домой. На полпути их догнала Воронушка. Она летела над лесом, призывно каркая, словно похваливая своих друзей за то, что они ходко возвращаются в село. И сама держалась того же направления. Вскоре Воронушка обогнала их и исчезла из вида. В березняке недалеко от села снова дала о себе знать излюбленным криком:

— Крау! Крау!

Путешественники остановились и огляделись в поисках птицы. Но пернатая подруга затаилась. Неожиданно для дедушки мальчик весело отозвался Воронушке:

— Крау! Крау!

Уже ближе к ним раздалось любопытное:

— Крау! Крау!

Андрей ответил так же, а Воронушка в ответ:

— Кру!

Мальчик произнёс:

— Кру!

Друзья разговорились. Дедушка с изумлением наблюдал за ними. Андрей повторял за Воронушкой её слова, а та — за ним. Сколько раз птица произносила «крау» или «кру», столько же раз парнишка вторил ей и наоборот. Разговор между друзьями затянулся. Дедушка продрог и тронул внука за руку:

— Поговорили и будет. В следующий раз продолжите беседу, а сейчас пошли домой. Мороз крепчает.

— Ещё немного побудем с Воронушкой, дедушка, — попросил мальчик.

— Прощайся, и пойдём, — настаивал на своём дед.

— Крау! Кру! — грустно проронил Андрей. — Пока! Пока!

Птица повторила за ним:

— Крау! Кру!

Воронушка неохотно отпустила своих друзей. Вслед путникам несло её зазывное:

— Крау! Крау!

Дома Андрей с восторгом рассказал бабушке о встрече с лесной подругой. Она удивилась:

— И ты разговаривал с вороной на её языке вот так, как рассказал мне?!

Парнишка утвердительно кивнул головой, а дедушка поддержал его:

— Каркали на пару, едва внука домой увёл. Никак расхотеться не хотели.

— И о чём вы говорили, то есть каркали? — улыбнулась бабушка.

— Что рады друг другу, ведь давно не виделись. Скучали, морозы-то долго держались. Хотели бы почаще встречаться.

¹Куржавый — покрытый инеем — прилагательное, местное. Т.Ф. Ефремова, Новый словарь русского языка толково-образовательный, стр. 758.

— Однако ты и вправду освоил вороний язык. Понимаешь Воронушку, а она — тебя. И дружба между вами крепкая, настоящая! — уважительно отметила бабушка.

Скупая зима

Перед Новым годом ударили лютые морозы. Дедушка подолгу топил печь. Дым столбом поднимался из печной трубы. После праздника холода отступили. Засидевшиеся дома дедушка и Андрей отправились на речку Смородинку в гости к пернатым друзьям с гостинцами.

— Однако заждались нас птицы, — заметил мальчик. — Из-за морозов мы долго не подкармливали их.

— Этой зимой птицам особенно голодно. Минувший год выдался неурожайным, — отозвался дедушка.

— Откуда ты об этом узнал? — спросил внук.

— Весна наступила раньше обычного срока. Деревья и кустарники обманулись апрельским теплом. Из почек проклюнулись молодые листочки, и зацвели кустарники. А потом начались заморозки. Листочки в почках замерли, испугавшись холода. С рододендрона и спиреи опали цветы. Осыпались ольховые серёжки-тычинки, не успев опылить колоски-пестики. Только кое-где, на припозднившемся с цветением кустарнике, появились шишечки-соплодия. Птицы остались без нужного корма — семян ольхи. Также не уродились шишки на соснах и елях, мало серёжек с семенами на берёзах.

Путники остановились возле высокого густого кустарника. На нём кое-где висели одиночные коричневые соплодия. Андрей подёргал за ветки и сказал:

— Ты прав — семян нет. Раньше на ветках шишечки висели гроздьями, а если их тронешь — высыпались семена.

— На этом неприятности для пернатых не закончились, — продолжил дедушка. — Зима не только голодной оказалась, но и скупой на снег. В многоснежье глухари, рябчики и тетерева легко переносили морозы. На ночёвку они падали в глубокий снег, проползали в нём немного и устраивали спаленки-пещерки. Так они спасались от холода и ветра. Нынче эти птицы улетели из наших мест в заснеженные. Сколько прошли, а не увидели лунок-ночлежек и выпархивающих из них птиц, как бывало раньше. А сюда посмотри, брусничник едва припорошило.

Андрей осмотрелся и увидел выглядывающие из неглубокого снега кустики. От холода зелёные листочки на них поникли и закрутились. Рядом с брусничником заметил куртинку кустарника и спросил:

— А это что за кусты? Летом такие не встречались.

— Как не встречались? — удивился дедушка. — Это багульник болотный. Весной для бабушки срезали с него побеги с корзинками белых цветов.

— У того багульника листики зелёные были, а у этого — коричневые и к стеблю прижались, — не согласился внук.

— Цвет листочки действительно поменяли. Это в них природой заложено для выживания. А к стеблю прижались не случайно. В мороз они хрупкие. Пройдёт через кустарник человек или заяц проскачет, заденут листья, и они обломятся. Ветер подует, раскачает кустарник, веточка о веточку потрутся, и снова листочки облетят. А прижатым к стволу ничего на грозит...

Словно услышав разговор людей и застыдившись, зима исправила оплошность. С конца января и весь февраль с редкими перерывами шёл снег. Засыпал

брусничник. Укрыл багульник. Только кое-где виднелись из сугробов вершинки кустарника. Вернулись рябчики и глухари. Их ямки-ночлежки часто попадались дедушке и Андрею во время прогулок. Мальчик радовался переменам в лесу:

— Снега выпало много, тетерева, рябчики и глухари не замёрзнут. Брусничник не озябнет, его из-под снега даже не видеть.

— Ты прав, — согласился дедушка с внуком и предположил: — а ещё, может, наступивший год хорошим и урожайным выдастся...

Правильный ветер

Незадолго до Рождества, с его морозами и радостями, неразлучные дедушка и внук привычно засобирались на речку Смородинку.

— Недавно ходили, — пыталась остановить непосед бабушка.

У дедушки свой резон:

— Морозы скоро окрепнут снова. Птицам в кормушках сделаем запас.

Оделись по-сибирски — в тёплую удобную одежду, прихватили корм и отправились в путь. С наезженной дороги свернули в лес, и пошли по нетронутому снегу. Неожиданно дедушка положил руку на плечо парнишке, придерживая его. Андрей вопросительно посмотрел на деда. Тот прижал палец к губам и легонько кивнул головой в сторону речки. На берегу в просветах между деревьями мелькал крупный рыжий зверь, похожий на собаку.

На крутом берегу Смородинки дедушка и внук ещё в начале зимы разгребли снег в нескольких местах и на замёрзшую землю сыпали подкормку. Сюда и направлялись. Таясь за деревьями, они наблюдали за пришельцем. Зверь проявил интерес к первой ямке, потом перешёл ко второй и третьей, подолгу задерживаясь возле них. После их осмотра трусцой зашпешил по тропке, ранее натопанной людьми, к пологому речному берегу.

После ухода рыжего незнакомца дедушка по-прежнему молчал, не шевелясь. Внук, глядя на него, тоже не двигался. И не зря. Вскоре четвероногий вернулся. А следом за ним мелькнула ещё одна такая же спина. Пара, повертевшись возле ямок, неспешно скрылась в сосняке.

Через какое-то время подала голос Воронушка, прилетевшая угоститься, но молчавшая до сих пор:

— Ку-ур!

И лес разом ожил.

— Зинь-зинь-вень! — зазвенели синицы.

— Чик, чик! — отозвался большой пёстрый дятел.

— Кр-р, кэр! — поддержала сородичей сойка.

— Кажется, ушли. Обычно птицы встречали нас весёлой разноголосицей. В этот раз — тишина! Не выдали, — улыбнулся дедушка. — А какая умница Воронушка — оповестила об уходе самозванцев. Пойдём разбираться, кто здесь был? Думаю — собаки.

— Только не собаки. Мы же далеко ушли от села, — не согласился внук. — Может, волки? Вдруг они не только серые, но и рыжие бывают?

— Бывают серо-рыжие, по борам, — дедушка скользнул взглядом по окружающим их соснам, но уверенно повторил: — это были собаки.

— А может, лисицы? — снова предположил внук.

— Нет, не лисиц мы видели. У Патрикеевны шуба ярче, а на груди белая манишка. А эти — блекло-рыжие.

— Почему они нас не почуяли?

— Дул северный ветер, а мы находились с подветренной стороны. Вот если бы южный случился, они бы нас мигом разоблачили.

— Хорошо, что правильный ветер дул. А всё же откуда здесь собакам взяться? — по-прежнему сомневался Андрей.

— Недалеко предприятие по заготовке древесины. В ту сторону, похоже, и убежали незнакомцы. Рабочие подкармливают бездомных собак. Но кто бы это ни был, а такие друзья нам не нужны. Из-за этого мы и Шарика с собой на прогулки перестали брать. Помнишь, как он лаял и гонялся за птицами, разорвал их гнёзда. Охотился за бурундуками. Облаивал белок. Разбойничал, раскапывая мышинные норы. Однако надо отваживать незваных гостей. Подумаем как, а сейчас пошли к любимому месту.

По тропе спустились на пологий берег речки, не замерзающей в этом месте даже в самые трескучие морозы.

— Я вот всё думаю, но никак не пойму, почему Смородинка течёт тут, как летом? — спросил Андрей. — Дальше-то по течению перемерзает.

Дедушка пояснил:

— Здесь подземные ключи бьют. Видишь, вода то воронками закручивается, то вспучивается, словно кипит, не давая морозу сковать речку льдом.

— Тиип-тиип-тиип! — раздался негромкий голос.

Небольшая птица пролетела вдоль речушки и нырнула в воду. Через короткое время вынырнула, затрепыхала крыльями, поднимая брызги. Взлетела и снова плюхнулась в речку. Накупавшись, с криком «тиип-тиип-тиип» улетела.

— Что за птица? И ныряла, и под водой плавала, и плескалась! — удивлялся Андрей.

— Нам повезло увидеть зимородка. Читал как-то, что оперение у него яркое, на солнце играет разноцветными красками. А у этого окрас скромный: грудка и живот — светло-серые, спинка — тёмно-синяя. Видно, здесь обитает зимородок другой разновидности. Я эту пичугу давно заметил: то голос подавала, то крыльями громко хлопала. На поползня издали похожа. А тут вблизи объявилась! Я и рассмотрел хорошенько. Крупнее поползня, длинный и прямой клюв, кургузый.

— Кургузый? Это какой? — не понял внук.

— Старинное слово, означает — короткохвостый. А у нашего нового знакомца ещё и крылья короткие. Как есть — кургузый! Прикормился, наверное. Он любит ловить рыбок, водяных букашек и козявок! Мы хлебные крошки малькам бросали, приманивали их.

Полюбовавшись речушкой, следопыты вернулись к кормушкам, оставили в ямках зерно пшеницы и отправились домой, обсуждая, как избавиться от рыжих пришельцев.

Дедушка предложил:

— К Смородинке пока ходить не будем. В ближнем лесу откроем птичью столовую. За это время засушим сухарей и запасём косточек. У Шарика позаимствуем любимое лакомство. Соберём припасы, и пойдём к дальним кормушкам. Если самозванцы снова объявятся и встретят нас недружелюбно, задобрим их сухарями и косточками. Бабушке не расскажем о чужаках.

Андрей кивнул головой:

— Согласен.

На расспросы бабушки о прогулке рассказали про зимородка. Она удивилась: — Сколько живу, о такой птице в наших местах ни от кого не слышала, тем более и самой видеть не приходилось. Надо же — птичка-невеличка в реке плавает! Хотя чему удивляться — существуют же летающие рыбы...

Со следующего дня заговорщики тайком от бабушки собирали хлебные корочки и прятали их сушиться за валенками на русской печке.

По утрам и вечерам дедушка кормил Шарика. Нет-нет, да и забирал из миски косточку. Шарик обиженно повизгивал ему вслед.

Как-то бабушка спустила собаку с цепи размяться по ограде. Что тут началось! С громким лаем Шарик бросился в дровяник — сарай для дров. Пытался заскочить на поленницу, царапал лапами и грыз её зубами. Вернулся к хозяйке и снова кинулся в сарай, призывая её за собой.

— Что там тебя взбудоражило? — недоумевала она, следуя за питомцем.

Пёс визжал и скулил, прыгая на поленницу. Бабушка подкатила чурку, взобра-лась на неё и увидела на дровах мешочки с костями и сухарями. Посадив Шарика на цепь, взяла припасы и вернулась в дом.

— Что это? — строго спросила домочадцев.

Им пришлось во всём сознаться.

— Вы уверены, что собак, а не волков видели? — встревожилась бабушка.

— Уверены, — обнадёжил её дедушка.

— Правильно решили — ходите в ближний лес. Если угостите собак косточками, они вас в покое не оставят и птиц распугают.

— Я хочу дружить с птицами, а не с собаками, — забеспокоился внук. — Птиц в том лесу только мы подкармливаем.

— Тогда верните косточки Шарику. Уж как он обрадуется!..

Через несколько дней дедушка и Андрей пошли в ближний лес. За околицей их встретила Воронушка. Сопровождая своих друзей, она ласково распевала:

— Крау-крау-крау! Крау-крау-крау!..

Углубились в лес. Под раскидистой сосной устроили новую столовую для пернатых.

Прошло время, следопыты наведались и к дальним кормушкам. По пути дедушка выломал хворостину, верх обмотал берестой, проверил в кармане коробку спичек:

— Это на случай, если собаки поведут себя плохо: зажгу бересту и прогоню их.

— Я бы не догадался так обороняться, — одобрил Андрей деда.

На полпути из чащи выпорхнул рябчик и, радуясь людям, полетел впереди, будто показывая путь к кормушкам.

У речки путешественники услышали весёлый птичий гомон. Птицы ждали друзей. Дед и внук разгребли снег, запорошивший ямки, и насыпали угощение лесному народу.

Деревья играют в снежки...

Февраль — время ветров и непогоды, поэтому обычным явлением было заладившее на несколько дней ненастье. Из серого неба сеялся мелкий колючий снег. Несильный ветер лениво ворошил и комкал надоевшую безликую серость, порой превращая её в плоские чёрно-синие тучи, роняющие пушистые хлопья.

Дедушка и Андрей едва успевали очищать двор от снега и вывозить его в коробе на санках в огород. Как-то утром дедушка предложил внуку:

- Пойдём на прогулку в бор. Полюбujemyся на него в снегопад.
— А снег убирать? — напомнила бабушка.
— Мы ненадолго. Вернёмся и наведём порядок, — ответил дедушка.

Лёгкий морозец охлаждал лицо, но не щипал за нос и щёки. Путники пришли на опушку бора и ахнули от восторга: пухлые накладки лежали на ветках сосен. Даже колючая хвоя не проглядывала сквозь них. Ветви деревьев поникли от тяжести. Ключки снега лепились на стволах к коре и бугоркам, оставшимся от опавших сучьев. Юные сосёнки едва виднелись из укутавшей их снеговой пелены. Белое кружево опутало кусты шиповника, спиреи, рододендрона и багульника...

Но вот из глубины бора послышался приближающийся шум. Ветер тронул сосновые лапки. Усиливаясь, набросился на деревья, раскачивая их. Тряс и трепал ветки, сметая с них свежий снег. Сосняк утонул в непроглядном мареве. Когда завеса рассеялась, дедушка и внук залюбовались открывшейся картиной. Окрепший ветер срывал с ветвей пухлые комки залежалого снега. За летящими пухляками тянулись белые шлейфы. С глухими шлепками комки падали в снег, образуя разные по величине ямки. Иной раз от пролетающих пухляков доставалось и любителям природы. Мальчик повернулся к дедушке:

— Смотри, это же деревья играют в снежки!

— Похоже, — засмеялся дедушка, ловко уклонившись от летящего в него большого комка. — И не только между собой, но и с нами.

Ветер нагружено и упорно гудел то в одном, то в другом месте, недовольный, возвращался на пройденные участки и снова удалялся. Освобожденные от тяжести кроны облегченно шумели. Постепенно ветер разгулялся не на шутку. Под его напором на деревьях затрещали ветви, полетели сучья и жёлтая хвоя.

— Пойдём домой, — позвал дедушка внука. — Пурга началась.

Они возвращались по заметённой лесной дороге. А ветер разошёлся во всю силу: крутил снежные столбы, мёл через дорогу белую позёмку. По обочинам появились высокие ребристые сугробы. Идти по заносам нелегко. С трудом дедушка и Андрей добрались до дома. Их сочувственно встретила бабушка:

— Однако угораздило вас попасть в буран. Отдыхайте. Завтра снег уберете.

Поздоровались...

В мае дедушка, бабушка и Андрей трудились в огороде. В горячее время посадок и посева огородной мелочи не до прогулок. И в этот день дедушка вскапывал землю для грядок, а внук помогал ему выбирать корни сорняков, кладя их в ведро. Заполненное ведро дедушка уносил к заплоту² и высыпал в небольшую траншею для перегнивания.

— Ох уж эти сорняки! Каждый год очищаем от них огород, а их меньше не становится, — посоветовал дедушка. — Взять молочай: остался от него корешок в земле — быстро размножится. Мокрица или звездчатка: её семена хранятся в земле много лет — одни растения убираем, следом нарастают новые. А про осот особый разговор: корень у него глубоко уходит в землю, не достать весь, а потревожишь — начинает разрастаться поросль. Вот и воюем каждый год с нашествием этих растений.

²Заплот — то же, что и забор. Т.Ф. Ефремова, Новый словарь русского языка толково-словообразовательный, стр. 514.

— Скучное это занятие — сорняки полоть. Другое дело — в лес на прогулки ходить. Поможем бабушке с огородом управиться, и пойдём в гости к Воронушке. Я по ней уже соскучился, — сказал Андрей.

— Мне тоже хочется прогуляться по лесу, — поддержал дед внука.

Поговорив, дедушка и Андрей продолжили работу. Через какое-то время мальчик оставил утомительное занятие и ушёл к забору, отделяющему огород от леса. «Устал, однако, — подумал дедушка. — Пусть отдохнёт». Но вдруг услышал негромкое:

— Крау! Крау! — позывной крик Воронушки.

И ответное:

— Крау! Крау! — внука.

Дедушка опёрся на лопату и осмотрелся. На вершине старой сосны заметил Воронушку. Бабушка тоже отвлеклась от посева моркови. Андрей стоял к ним спиной, а к лесу — лицом, и не видел, что за ним наблюдают. Неожиданно парнишка расставил руки в стороны, как крылья, и помахал ими, приветствуя лесную гостью. Воронушка привстала на ветке, расставила крылья в стороны и помахала ими в ответ своему другу. И снова Андрей помахал птице, а она ему. Дедушка с бабушкой переглянулись, улыбаясь, покачали головами. Увидев, что за ними наблюдают, Воронушка, словно засмутившись, встрепенулась и улетела. Мальчик помахал ей вслед рукой и подошёл к дедушке и бабушке.

— Видели, Воронушка прилетала! — поделился радостью с ними. — Она тоже без нас скучает, ждёт в гости.

— Видели, — отозвалась бабушка. — Как только управимся с огородом, так и сходите к своей подруге. Она действительно к вам очень привязана. В лесу не дождалась, так в село прилетела повидаться и поздороваться. А теперь — за работу. Летом день — год кормит. Так в старину говорили.

Конфеты для волка

В начале августа дедушка и Андрей отправились на прогулку. С дороги свернули на едва заметную в траве тропинку. По ней пришли к болоту, устланному зелёными подушками мха. На одной из подушек дедушка увидел едва заметные стебельки.

— Смотри, — обратил внимание внука на них, — клюква.

Мальчик присмотрелся и воскликнул:

— А во мху ягоды лежат!

Склонился и быстро насобирал горстку тёмно-бордовых плодов.

— Прошлогодние сохранились. Нынешнего года ещё не поспели, — сказал дедушка.

— Попробуешь? — предложил внук деду лесное лакомство.

— Давай.

Мальчик отсыпал ему в ладошку половину ягод.

— Кисло-сладкие, вкусные, — одобрил дедушка.

— И мне понравились.

Пошли дальше. Мох закончился. Тропинка петляла то в осоке, то между кочками. Вскоре Андрей остановился.

— А вот и на кустике ягоды, — обратил внимание дедушки и потянулся к красным плодам на стволике.

Дедушка молниеносно схватил его за руку:

— Эти ягоды есть нельзя.

— Почему? — удивился внук.

— Это куст волчника обыкновенного. В народе его называют волчьим лыком, волчьей ягодой. Плоды-костянки у него ядовитые, поэтому их есть нельзя.

— Людям нельзя, а волкам можно?

— Тоже нельзя.

— Почему тогда их назвали волчьими?

Дедушка улыбнулся:

— Так люди в старину решили. Раз ядовитые, значит, причастны к зверю-хищнику.

— А ты мне сказку расскажи про волка и его лыко, — попросил внук.

— Не знаю такую. Если только на ходу сочинить прямо сейчас.

— И сочини! — обрадовался внук.

Дедушка подумал-подумал и начал повествование:

— В давние времена жил в этом лесу волк. Решил он как-то надрать лыка, напести лаптей и унести их на базар: «Продам, выручу денег»...

— Зачем волку деньги?! — удивился мальчик.

— Не перебивай, слушай дальше. Пошёл волк по лесу в поисках подходящего кустарника и нашёл этот. Его тогда в лесу много было, но люди обходили его стороной. Названия у него не было. Зверь знал, что кустарник ядовитый, поэтому лыко когтями драл осторожно. Аккуратно и лаптей наплёл. Принёс свой товар на базар. Увидев волка, пугливые люди разбежались, а смелые за палки взялись. Зверь им лапти предлагает, а они к нему с палками приступают. Того и гляди побьют. Пришлось незадачливому лесному продавцу убежать, спасая серую шкуру. Прибежал волк в лес и расплакался: «Уж как я старался! Лыко драл, лапти плёл. Только никто лаптей не купил. Слышал я от людей — балуют они своих детей конфетами вкусными, сладкими. В лесу конфет нет, а я хотел волчат угостить. На вырученные от продажи лаптей деньги их купить. У-у-у!»

Убегая от погони, волк растерял свой товар. Люди собрали его лапти и поняли, из какого лыка они сплетены. И стали с тех пор кустарник называть волчьим лыком.

— Может, неказистая сказка получилась, на ходу придумана, — сказал дедушка. — Но про этот кустарник, волчье лыко.

— Мне понравилась, — одобрил внук. — Волка жалко, что не удалось ему конфет добыть. — И предложил: — давай оставим ему конфет под кустиком, у нас же они есть.

Дедушка снял рюкзак, достал мешочек со сладостями и подал Андрею. Мальчик развязал кулёк, взял горсть.

— Здесь всякие: и карамель, и шоколадные! Я их разверну, из фантиков достану, а обёртки с собой заберём, не будем мусорить. Найдёт волк сладенькое, обрадуется и волчат угостит. Думаю, конфеты им понравятся, — и высыпал угощение под кустик волчьего лыка.

Оса-захватчица

В первых числах сентября дедушка и Андрей отправились за брусникой. День выдался пасмурный, но тёплый. Серые кучевые крутобокие облака заволокли небо, и солнце не могло пробиться сквозь их толщу. Путники пришли в сосновый бор. Походили в поисках ягод и набрали на удачное место: брусничник расстилался зелёным ковром. С верхушек крепких стеблей свисали многочисленные кисточки крупных спелых плодов. Ягодники с удовольствием собирали богатый таёжный урожай. Вскоре внимание дедушки привлекли лежащие

на земле кисти с целыми, а кое-где покусанными ягодами. Андрей тоже их заметил и удивился:

— Зачем кто-то сорвал и побросал такие красивые кисточки?

— Не пойму, кто это сделал, — недоумевал и дедушка.

Не разгадав брусничную загадку, люди продолжили собирать ягоды. Поднялся ветер и растащил облака. Яркое солнце ослепительно засияло в небесной синеве. В просветы между кронами деревьев хлынули потоки лучей. Брусничник засветился от заигравшихся глянцевого блеском листьев. В зелёном ковре алые капли ягод вспыхнули бусинками. Кусты шиповника с поблёкшей жёлтой листвой ожили огоньки красных продолговатых крупных плодов. Дедушка и внук обрадовались солнцу и залюбовались лесной поляной.

Вдали послышались крики: «Ку-у-ур, ку-у-ур!», и вскоре появился растянувшийся журавлиный клин.

— Около сотни птиц! Никогда не видел такой большой журавлиной стаи, — сказал дедушка.

— А как ты успел сосчитать их? — удивился внук.

— Просто! Отсчитал десять журавлей, приброесил расстояние, на которое они растянулись, и этим отрезком мысленно измерил весь клин. Посмотри, внутри клина молодняк растянулся лентой. Их-то я не посчитал...

— Я их посчитаю, — отозвался мальчик. — ... Насчитал двадцать журавлят! Смотри, журавлята что-то затевают.

Из растянувшейся птенцово́й ленты вырвался и полетел впереди журавлик, молодняк потянулся за ним, неумело выстраивая клин. Родители доброжелательными криками поддержали почин детей. Но у журавлят что-то не заладилось. Разлетевшись по сторонам, они встраивались в большой клин. Взрослые птицы расступались, пропуская молодняк в свои ряды. Вскоре птицы скрылись из вида, и ягодники вернулись к своему занятию. Но их отвлекла прилетевшая оса. С угрожающим жужжанием она покружилась вокруг людей, а потом опустилась на брусничник. Быстро бегая по стебелькам, кусывала кисточки, и они под тяжестью ягод падали на землю.

— Вот кто безобразничает в ягоднике! — указал дедушка внуку на осу.

— Зачем она это делает? — удивился мальчик.

— Пока не разобрался.

Набросав на землю ягодных кисточек, оса улетела, но вскоре вернулась. Закружилась перед лицом дедушки. Раз, другой ударила о его щёку.

— Она же тебя ужалит, — забеспокоился внук. — И что ей от нас надо?

— Прогоняет, наверное, — предположил дедушка.

Будто в подтверждение дедушкиных слов, оса опять закружилась перед его лицом, ударяясь то об одну, то о другую щёку.

— Ах ты, захватчица поляны! — Возмутился дедушка. — Нет, мы не уйдём отсюда. А ягод и тебе, и нам хватит. Если не нравится наше соседство, поищи другое место.

Оса не унималась. Дедушка пригрозил:

— Возьму хворостину!

Насекомое всё настойчивее нападало. Дедушка поднял сухую ветку и отмахнулся. Это образумило налётчицу. Оса улетела и больше не возвращалась. Набрав ягод, дедушка и внук вернулись домой. Бабушка осталась довольна принесённой брусничкой:

— Хороша ягодка! Одна к одной — крупная, спелая.

— Не только тебе, но и осе она понравилась, — отозвался на слова бабушки внук и рассказал о захватчице.

ПОЭЗИЯ



ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ



«О, жизнь! Она в конце или в начале...»

ТЫЦКИХ Владимир Михайлович родился 29 июня 1949 г. в г. Лениногорске (Риддере). Окончил Усть-Каменогорское медицинское училище, Киевское высшее военно-морское политическое училище, курсы военных журналистов при Львовском высшем военно-политическом училище. Служил офицером на Дважды Краснознаменном Балтийском флоте (Латвия, Лиепая): на эсминце «Огненный», в политотделе 76-й бригады эскадренных миноносцев, на спасательном судне подводных лодок «СС-35»; на Тихоокеанском флоте — на подводных лодках Буки-833, Буки-90; в редакции газеты «Боевая вахта» (Владивосток). Уволился в запас в 1990 году в звании капитана 2-го ранга. Автор сорока книг поэзии, прозы, публицистики, литературной критики, изданных в Москве, Норильске, Владивостоке, Арсеньеве, Усть-Каменогорске. Публиковался в журналах «Алтай», «Алтай изумрудный», «Байкал», «Бежин луг», «Берега», «Воин России», «Дальний Восток», «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Кедр», «Москва», «Московский вестник», «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Пограничник», «Простор», «Сибирские огни», «Сибирь», «Сихотэ-Алинь», «Слово Забайкалья», «Смена», «Советский воин», «Студенческий меридиан», «Юность» и мн. др. Отмечен двумя десятками лауреатских и почетных литературных званий в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке, Сиднее. Награждён медалями им. Владимира Маяковского, им. Валентина Пикуля, им. Константина Симонова, им. Генералиссимуса Александра Суворова, имени Ивана Фёдорова и др. Заслуженный работник культуры России. Член Русского географического общества. Член Союза писателей СССР (России) с 1988 г. Живёт во Владивостоке.

Земляки

I

Горожанка, маков цвет Наталья,
Я в тебя, прекрасная, влюблён.

...И живы чудища доселе —
И птица-гусь и рыба-язь.

Павел Васильев

Там вечность заблудилась в тугаях
И на белкáх все лёта снег не тает.
Там живо всё — от сладкогорлых птах
До каменных морщин Тарбагатая.

Вернись туда! Там песнь твоя слышна.
Ты сам увидишь, возвратишься если:
Степная крепкокрылая весна
Летит на зов твоей горячей песни.

Вернись туда! В родимой стороне
Тебя поймут и ни о чём не спросят.

Ещё не поздно. Свет горит в окне.
И свет-Наталья распускает косы.

Что птица-гусь? Ведь жив ещё орёл!
Что рыба-язь? Есть чудища доселе...
Твои скитанья — что ты в них обрёл?
Твои друзья — зачем ты им поверил...

Прости их всех и воротись домой.
Зайсан глубок. Разбой иртышский гулок...
Взошла звезда над вольной Бухтармой
И — рухнула в московский переулоч.

II

Сердце художника и изнашивается
прежде всего потому, что в него,
как в огромную мишень,
попадают все беды и радости земные...

Виктор Астафьев

Пускай твои стихи нужны немногим,
Не клином свет на них, но всё же — свет.
Пускай тебя не хвалит критик строгий,
Но будь поэтом, если ты поэт.

Вот жребий твой — гореть в огне сомнений,
А радоваться реже, чем страдать.
Но, может быть, не ведал поражений
Лишь тот, кто не пытался побеждать.

Вот подвиг: не поддаться искушенью
Дежурной правды и придворной лжи,
Всю жизнь отдать высокому служенью,
Но никому на свете не служить.

Друзья твои, твои единовѣрцы —
Работа, вдохновенье, мастерство.
Не зря тебе дано большое сердце —
Все беды мира целются в него.

Жить на Земле — нелѣгкое искусство.
С достоинством судьбу свою неси.
Коль русский ты, то будь поэтом русским.
Их что-то мало стало на Руси.

III

Стихи мои, слепые псы, собаки Актиона,
Я вас с руки кормил, а вы всё мчитесь мне вдогон.

...И — выкрикнуть бы этой вьюжной дали
В глухой, все принимающий провал:
Стихи мои, зачем вы прозвучали!
Стихи мои, зачем я вас создал?..

Евгений Курдаков

Грачи кричали на ветру вселенском
И рядом, им сквозь ветер не слышна,
С опушки за опольем деревенским
Кричала одинокая желна.

А смех людской не заглушал рыданья
С утра на этой улице и той,
Внушая дню, «как прочны сочетанья
Всего со всем» в юдоли всеземной.

Он сам бы не сказал, как это вышло,
Но всё же вышло, что полнее всех
Он в этом шумном дне успел расслышать
И крики, и рыдания, и смех.

Он их собрал и подержал в ладонях,
Строкою обнял, сердцем обогрел,
Но в том, что понял и чего не понял,
Признаться до конца не захотел...

От Ак-Баура по степям предгорным
Кочует время, вечностью дыша.
Псам Актиона обжигает горло
Родниковый пламень Иртыша...

Кто скажет, разгадал, не разгадал
Поэт — кому, о чём они кричали,
Стихи его, зачем он их создал?..

Летопись

Опять больные новости с утра.
Мир корчится, нелеп и необъятен,
Как чёрная гниющая дыра
В проплешине зыбучих белых пятен.

Туман кругом. Такой густой опять,
Что в гнёздах хоронящиеся птицы
В родное небо не хотят взлетать,
Страшась в глухом беспутье заблудиться.

Опять на зло и кривду нет суда,
И мимо — доброта, и правда — мимо,
И не уймётся старая беда,
И новая уже необратима.

Едва дымят сигнальные костры.
Подмоги нет. И ни врагу, ни другу
Не вырваться из дьявольской дыры,
Не вырваться из замкнутого круга.

Но в этот час, смирен и терпелив,
В заоблачные не взмывая выси,
Лампаду в тесной келье засветив,
Берёт стило безвестный летописец.

По буковке, по слову, по строке
Проклюнется, проступит, соберётся,
Что в чуждом вызревает далеке
И чем родной обители живётся.

Нам летопись расскажет без прикрас,
Каким несчастьем Родина болела,
Какой молитвой крепла в страшный час,
Какую смуту снова одолела.

Мы не отыщем в ней желанных слов
О том, как, дружно замахав крылами,
Летят к нам птицы из былых веков —
Но в русском небе их увидим сами.

* * *

Валентину Яковлевичу Курбатову

Кажется, что нету жизни —
Умер даже птичий свист.
Мокнет крестик на карнизе —
Золотой кленовый лист.

За окном — родного взгорья
Бледно-серое панно.
Но туманом с синя моря
Занавешено окно.

За окном — озноб залива,
Дальше — Тихий океан:
И не видно перспективы,
И расплывчат первый план.

За окном готовит вьюгу
Мутный вечер ноября.
Улететь бы птицей к югу!..
Грустно, проще говоря.

За окном — одна морока.
У причала спит паром.
Сыро. Сиро. Одиноко...
Просто — осень за окном.

Просто неподвижной мглою
Занавешено оно.
Просто живы мы с тобою,
Да не виделись давно.

* * *

Уснувшей под буранами дорогой,
Нехоженой, быть может, с Покрова,
Уйти бы в лес, где в голубых сугробах
Зима свои припрятала слова.

Послушать их морозное дрожанье
И зябкие рефрены на ветру,
В глухом урёме тёмное шуршанье,
Прозрачное дыханье на яру.

А запоёт метель — подпеть метели —
Пускай не в унисон и невпопад.
И вдруг понять, о чём так стонут ели,
Свистит пурга и шепчет снегопад.

День на излёте, но ещё не вечер —
Ещё не поздно слышать, что не смолк
Скрип на снегу, когда тебе навстречу
Спешат и Дед Мороз, и Серый Волк.

И вдруг открыть во всём, что было прежде,
Вину, в которой не было вины,
И ждать устать, и потерять надежду,
И всё-таки дожидаться тишины.

И можно — без оглядки, без опаски —
Идти, куда б дорога ни вела,
Поверив обещаньям зимней сказки,
Пока весна её не прогнала.

* * *

Даже их имена я не знаю,
Но зачем-то опять и опять
Звёзды в стынущем небе считаю
И никак не могу сосчитать.

Он такой у меня бездорожный,
И былой, и оставшийся путь...
Всё другое на свете возможно —
В эту ночь невозможно уснуть.

Этой хватит для вечного света,
А другая, сверкнув в высоте,
Упадёт на глазах моих в Лету —
Разойдутся круги по воде.

Мать честная! Как сладко и горько
Пролетает сквозь нас, мимо нас
Миг, который закончился только
И который начнётся сейчас!

Оглядишься — картина простая:
Слева церковь, а справа погост...
Мне судьбу, как букварик, читает
Ночь в мерцанье задумчивых звёзд.

Он как будто нечаянно создан
Тьмой и лёгким ночным сквозняком.
Как далёки, как трепетны звёзды!
Как молчат неизвестно о ком!

* * *

Подробности банального сюжета
Безжалостным завязаны узлом:
Ты предо мною провинилась в этом,
Я пред тобой премного грешен в том.

Мы фронт, и тыл, и пятая колонна;
Последний довод мой и твой убит.
И оба сердца бьются обречённо,
Готовые взорваться от обид.

Лишь светлый разум — наш усталый мытарь
С тревогой нам подсказывает, что
Ни чистых слёз твоих никто не вытрет,
Ни мне не посочувствует никто.

А мы искупим все былые вины
Признанием, не требующим слов:
Всему одной-единственной причиной
Была и впредь останется любовь.

Премудрый голос разума услышан:
Вот — звёзды в небе сделались видней,
Вот и сердца стучат чуть-чуть потише,
И вот уже дыхание ровней.

И верится, что ты меня простила,
И мы с тобой страдали только врозь,
И не было ещё того, что было, —
А только-только всё и началось.

* * *

Чьи свет и тень, приход или уход
Так неотступно властвуют над нами,
Какой необратимый поворот
Грядущими замыслен временами,
Откуда радость по утрам встаёт,
Куда беда кочует вечерами?..

Нам столько незаслуженно дано
Земли и неба, ведро и ненастья!
И жаловаться было бы грешно
На мир, где мы такой болели страстью,
Что вечно жить казалось счастьем, но
Ничуть не хуже — умереть от счастья.

А мы ещё маленько поживём
И пожужим солёную горбушку.
Сегодня ясно, завтра снег с дождём,

А послезавтра — выход рыб на сушу.
Пусть будет шторм, мы солнца подождём.
Пусть ветер стихнет — будем чаек слушать.

А чайки, закачавшись на волне,
Умолкнут или улетят далёко, —
Обнимемся в недолгой тишине,
Не зная окончательного срока
До встречи в неизбежной стороне,
Где нам уже не будет одиноко.

И стрелками невидимых часов,
То расходясь, то приближаясь снова,
Закрутятся привычно явь и сон,
Морская даль, тепло родного крова,
И шар земной вселенским колесом
Покатится, не зная остановок.

«Есть у каждого свой Шевардинский редут»



Эту крепкую основательную фигуру с удочкой в руке и небрежно надвинутой на высокий лоб вязаной шапочке невозможно не выделить глазом на краю острова Русский, омываемого густой синевой залива, уводящей в непостижимую высь небес... В этой синеве, как на полотнах художников Возрождения, для чутких душой и сердцем скрыто обиталище высших сил, символ иного, вечного мира, неразрывно связанный с откровением. Для романтиков, мечтателей, поэтов... Человек с удочкой на берегу — поэт...

Там, за сопками Русского, Океан, неподвластная смертным стихия, чье дыхание здесь, в Приморье, может вмиг, сме-

шав все краски, взорвать идиллию покоя широкими, подобно экспрессионистским, мазками, нагнать розовую волну, дожди, ураганы...

А пока рыбак сосредоточенно меняет наживку, не обращая внимания на устремленный на него глазок фотокамеры. Владимир Тышких, морской офицер, подводник, публицист, историк... Поэт.

Те, кто ходил с ним в морские походы, видел его на встречах с читателями, кто служил и работал с ним долгие годы, говорили о том, что вокруг него меняется «температура». Вместо очередных банальностей, предписанных каким-нибудь официальным сценарием, можно ждать шекспировских по накалу эмоций...

Здесь, над заливом, он... спокоен. Кажется, его вообще трудно вывести из себя. Там, где другие напрягают жилы и голосовые связки, ему достаточно выдерживать долгую паузу, сделать замкнутое или ледяное лицо и говорить подчеркнуто тихим, вежливым голосом.

«Я — поэт. Этим и интересен» — так начинает Маяковский свою автобиографию. Не опровергнуть. Жизнь и мысли поэта — в его стихах. Можно много писать о Тышких: родился на Рудном Алтае... окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище. Служил на надводных кораблях и подводных лодках на Балтике и Тихом океане... Автор более 40 книг прозы, поэзии, публицистики, литературной критики. Член Русского географического общества... Можно также писать о том, что стал он известен как блестящий публицист, успешный организатор культурно-исторических проектов, автор поэтических сборников. Но не должности, звания, награды, а книги, творческая позиция определяют отношение к Владимиру Тышких и друзей-единомышленников, и читателей.

В нынешнем «обществе спектакля», в ситуации, по точному определению поэта, «раскола литературы», где писатели усвоили приемы коммерческого пиара для более успешных продаж своих «литературных продуктов», заветы классической русской словесности отринуты как архаика. Кажется, теперь и читатель

не ожидает от пишущих пастернаковской «полной гибели всерьез», «строчек с кровью», того чуда преображения слова, когда «кончается искусство, / И дышат почва и судьба»... Цепляют публику «слова-погремушки», а законодателей мод в культуре, преимущественно в столицах, наблюдающих российскую жизнь из комфортного далека, охватила болезнь, подмеченная выдающимся философом Э. Чораном почти век назад в Европе: *«Из европейской поэзии исчез крик. Осталось жонглирование словами, художества акробатов и эстетов. Эквилибристика опустошенных»*.

Так что вряд ли стоит удивляться, что у многих ныне стал рудиментом некий таинственный орган, помогающий различать подлинное слово, боль и переживание от изошренных имитаций и подделок с налетом скандала или эпатажа.

Поэт Владимир Тыцких на этот счет не имеет иллюзий, может, поэтому в песенный строй его поэзии временами вторгается публицистика, чтобы ярче обозначить его позицию по отношению к тем, кто пытается насаждать ущербные нравы и нормы в литературе, в творчестве:

«Иные книжки вы прочтёте — / Таких я сроду не писал/ Вы слышите другие звуки, / Другое гоните кино./ Но Букер ваш и Антибукер, /И всплыть или упасть на дно — / Теперь, похоже, всё одно. / Вы не прочтёте этой книги. / У вас другие вкус и цвет, /Сюжеты, фабулы, интриги; /Другие яблоки и фиги, /Другие крылья и вериги... / А впрочем, крыльев больше нет» (из сборника «С правом ношения...»).

«Бескрылый» литературный контекст, в котором приходится существовать верному иным ценностям писателю, способен вызывать горькое чувство безнадежности:

«Останемся недорассказаны, /Недопрочитаны уйдём».

А вот еще более трагические строки: 29 ноября 20... года — «Здесь ни стихи, ни песни не нужны. Здесь нет дороги к дому или храму, /Здесь жить нельзя и невозможно — быть, / И нет, как нет непревзойдённой драмы, / И не о чем, и не с кем говорить...».

Наконец, почти классическое.

Надпись на сторевшей берёсте

Прости, Святая Русь,
мой непобедный стих.
Не за себя боюсь —
за гусяров твоих.

Про горний свет поём
на дне вселенской тьмы.
Да мы ли здесь живём?
Да и живём ли мы?

Поэт преодолевает подобные настроения, находя опору в мужестве современников, афганцев, в подвиге воевавших на Кавказе, в стойкости перед лицом смерти моряков-подводников: *«Капитан-лейтенанты записками с «Курска» / вам напомнят, какое у вас ремесло...»*.

Его не покидает вера в то, что есть высший замысел о России, а поэзия призвана разгадывать этот замысел. Что настанет еще, придет, *«будет времечко заветное: /Ребята с нашего двора /Возьмут гитару ночью светлою/ И в круг сойдутся*

у костра. /И, может статься, с песней новою / Хотя б на несколько минут/ Возникнет слово, нам знакомое, /И ноты наши оживут».

В. Тыцких и в жизни, и в творчестве далек от любых модных течений и словесных игр, от сочинительства на потребу дня. В его стихах — исповедь человека, раненного в сердце грандиозным историческим переломом, выпавшим на долю нашей страны на этапе смены веков. И он, чтобы выстоять, стремится разглядеть в смутном и обманном настоящем опорные точки — свет и величие прошлого Родины как обещание будущего победного ее возрождения. Пожалуй, об этом одно из самых сильных стихотворений его нового сборника «С правом ношения...» — «*Мы ли дороги свои выбирали, / Небо ли нам загадало пути...*», а также более раннего — «*Шевардинский редут*», где философия истории, явленная в кровопролитном сражении, становится пророчеством и наставлением поэта нам, сегодняшним, нередко до конца не осознающим, на каком роковом рубеже стоим: «*Мы-то думали: всё! — наши мирные будни/ мы навек защитили в последнем бою./ Только вот он опять, гром тяжёлых орудий, / вновь смертельную песнь автоматы поют*».

«*Понятие «лирический герой», на мой взгляд, неприменимо к исповедальным стихам Владимира Тыцких. В них поэт не надевает маску, не играет с читателем в литературные игры: здесь всё взаправду, всё — от своего имени*», — пишет о нем критик, товарищ по литературному цеху Анатолий Вершинский.

В. Тыцких — не просто автор, и он действительно не наделяет некоего абстрактного двойника ролью донести до читателя волнующие его события или переживания. Поэт сам действующее лицо в своем лирическом высказывании... На это нужна отвага, готовность к тому, чтобы впустить в личное пространство других, кому, возможно, чужды или даже враждебны твои мысли о жизни, любви, войне, литературе, о России... Тем более, когда популярно мнение: литература, искусство — развлечение... или — «в тексте — самое главное текст». А не «утешение и путь». Владимир Тыцких иронически снисходителен к такому читателю:

*Я знаю, что меня вы не читали.
И правильно. Я не из ваших снов.*

Погруженный в традиции классики, интонационно и образно привнося в наши дни музыку русской поэзии — Гумилева, Есенина, Ахматовой, поэтов-фронтовиков Великой Отечественной — он не стремится поражать напором амбиций, создавать интонационные и синтаксические диссонансы, демонстрировать свое «я» и эрудицию, как остроумно определил критик одного из модных писателей — «с энтузиазмом эксгибициониста в вечернем парке». Или — «заголимся и обнажимся» по Достоевскому...

Владимиру Тыцких удастся едва ли не главное для поэта: возвращая исповедальность, прямое высказывание в со-беседование с читателем, он покоряет его своей искренностью, энергией образов и сравнений, увлекая в круг собственных переживаний и раздумий о времени и человеке.

Содержание, интонации, дух его поэзии обладают таким мощным эмоциональным зарядом, что не замечаешь порой отдельные несовершенства техники стиха, риторичность. Подкупает так необходимое ныне мужество противостоять с насмешкой и без пафоса деспотии любых манифестов, групповых мнений и оценок.

*Нас нынче мало. Ну и что?
Как говорится, мы в тельняшках.*

*Пусть нам в морских глубинах тяжко —
Но там не видит нас никто.
И для сомнений нет причин:
Подводники — народ особый.
Мужчина океанской пробы —
Один на тысячу мужчин...*

Надо сказать, в нынешней феминизированной литературе, зараженной (якобы интеллектуальным) пустословием и мелодраматическими эффектами, выдаваемыми за свободу творческого самовыражения разнообразными девиациями, волевое, мужское начало практически отсутствует как в прозе, так и в поэзии. Есть надежда, что с приходом нового поколения пишущих, талант которых раскроется под влиянием драматического противостояния в Новороссии, под обстрелами где-нибудь под Авдеевкой, атмосфера, ситуация в литературе станет иной. Здесь-то и окажется особенно важным, зазвучит по-новому, отзовется в сознании и на страницах книг наследие русских и советских классиков.

Стоит сегодня перечитать гениальное стихотворение Н. Языкова «К не нашим», написанное в 1844 году, чтобы увидеть, как молнии его слова, обращенного более столетия назад к сладкоречивым ненавистникам России, для кого «*наши лучшие преданья/ Смешно, бессмысленно звучат; /Могучих прадедов деянья / Вам ничего не говорят;.. Святыня древнего Кремля/ Надежда, сила, крепость наша — /Ничто вам!*», прорываются сквозь информационный шум, чтобы высветить неубиваемую «оракулами юношей-невежд» цепочку исторической и культурной преемственности, непостижимым образом сохранившейся в творчестве современных русских писателей, среди которых и Владимир Тыцких.

Еще и поэтому, чувствуя за спиной правду «святой русской литературы», он не боится казаться не «актуальным» или, что звучит еще позорнее для российской креативной касты, патриотом... А ведь подобные ярлыки-обвинения сломали творческие судьбы немало числа русских литераторов, режиссеров, художников в последнее тридцатилетие. Слово В. Тыцких на всем протяжении писательского пути, в стихах, в публицистике, в статьях по истории Дальневосточного края и Тихоокеанского флота — настоящий боец за возрождение традиций, исторической памяти, опыта поколений, отмеченных служением государству, культуре, Русскому Слову в высоком, метафизическом смысле. В подходе Тыцких к творчеству как духовной работе видится отблеск пушкинского гения: в простом, ежедневном чувствовать вечное.

«Восходят и заходят времена, / Страница за страницей вращая /В суровые земные письма, /Которые история листает./ Невнятным бормотанием во тьме /Угрюмых тайн, безмолвия былого/ — Как белое на чёрном полотне — / Спасительное проступает слово./ Рождается в борении стихий, /Живёт и волей дышит из неволи./ Из мелочей, из всякой чепухи. / Из бед. Из безнадёжности. Из боли».

Владимир Тыцких понимает: нынешний «раскол литературы — явление не отдельное, не самостоятельное. Оно отражает характер всей нашей жизни, является её частью. У нас всё стало фрагментарным, осколочным, выпавшим из общего целого — экономика, культура, окружающая среда, профессиональные и творческие связи, человеческое общение». Да, в одиночку и даже вместе с единомышленниками по литературному цеху не «по силам повлиять на эту державную беду», пишет он в одной из своих статей, — «но то, что можем, мы должны де-

лать для собирания и воссоединения родной литературы, для укрепления доверия и взаимного интереса между писателями и читателями, где бы они ни жили».

А пока цвет настроения поэта — тревога!

*И снова не уснуть...
Как эта ночь тревожна!
Как стрелы чужаков
Губительно остры!
И мчится встреча судьбы
Мой век неосторожный,
По всей Руси горят
Сигнальные костры...*

Пусть эти костры станут, как на знаменитой картине Николая Рериха, огнями победными...

ВЛАДИМИР СКИФ

Далеко у Тихого

Осенью 2014 года нас с Анатолием Байбородиныным пригласили в Южно-Сахалинск на межрегиональный фестиваль патриотической книги «От Байкала до Тихого». В окраинный город России съехались писатели из разных регионов Сибири и Дальнего Востока: А. Байбородин и В. Скиф из Иркутска, Олег Петров, председатель Забайкальской краевой организации Союза писателей России и он же главный редактор журнала «Слово Забайкалья» (г. Чита), Александра Николашина, главный редактор журнала Дальний Восток (Хабаровск), Валерий Фатеев, председатель Магаданской писательской организации (Магадан), Александр Смышляев, председатель Камчатской писательской организации (Петропавловск-Камчатский), Владимир Тыцких, председатель Владивостокской писательской организации (Владивосток), Константин Корсун, председатель Амурской писательской организации (Благовещенск).

На встречах с сахалинцами творилось настоящее волшебство высокой литературы. Иногда вместо запланированных полутора часов беседы затягивались на три-четыре, но никто, казалось, не замечал этого.

Литераторы провели 23 встречи с читателями, а в фестивальных мероприятиях поучаствовали тысячи островитян: школьники, студенты, ветераны, общественники и просто любители чтения.

«Гости признались, что сахалинские впечатления непременно выльются на бумагу. Иркутскому поэту Владимиру Скифу уже впору выпускать сборник об острове. На открытии фестиваля он прочел только что написанное стихотворение с лаконичным названием «Сахалин», а на закрытии удивил еще одним — «Встреча с океаном» — писала сахалинская газета «Губернские ведомости».

Встреча с океаном

Я был у Охотского моря,
Об этом узнал океан,
На цыпочки встал у предгорий,
Увидел меня, закивал,

Мол, что же ты, сибирячина,
В своей затаился строке?
Забыл меня... Что за причина
Держала тебя вдалеке

От синих летучих просторов,
От сизых и жёлтых песков.

Неужто истратил свой норов?
Ведь ты из своих мужиков.

С морскою державой был дружен
И в мой Муравьиный залив
Стремился и летом, и в стужу,
Был молод, задорен, красив.

...Ну что мне сказать океану,
Кому верой-правдой служил.
Заискивать, спорить не стану...
Прости! На Байкале я жил.

*Октябрь 2014 г.,
г. Южно-Сахалинск*

Сахалин

Без меня народ неполный.

Андрей Платонов

Сахалин находится не близко,
Надо постараться долететь
До объятий Южно-Сахалинска,
Чтобы от восторга онеметь.

Онеметь от осени, от жара
В небо улетающих рябин;
От любви; сердечного пожара
И морских сияющих глубин.

Небо предвечернее не мглился.
Солнце красным полымем горит
Над раздольем Южно-Сахалинска.
И меня тем жаром обагрит.

Остров обиталищем портовым
К русскому пространству испокон
Всей своею длинью пришвартован,
Чтоб навеки быть с материком.

Берега пологи и скалисты,
И ветра, и город-исполин,
И писатель южно-сахалинский —
Это все наш остров Сахалин.

Сахалин немислим без России,
И Россия без него мала.
Вместе мы, как Муромец, всеильны.
Вместе мы. Да расточится мгла!

*7 октября 2014 г.
г. Южно-Сахалинск*

Очерк и публицистика



ИВАН КОЛОКОЛЬНИКОВ

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Истории старого дома



Минувшим летом отметил свое 90-летие многоквартирный дом по адресу 5-й Армии, 48. Для меня это здание дорого безмерно, ведь в нем я обитал с самого рождения. И хотя сегодня перебрался в другое место, но в данные стены прихожу с особым чувством, ведь там продолжает жить моя мама. И живет, заметим, тоже с рождения. Уже давно у меня возникло твердое убеждение, что о доме стоит рассказать подробно.

Нет сомнения, что история данного строения представляет общегородской интерес. Хотя бы потому, что перед нами один из наиболее ранних многоквартирных домов советского Иркутска. А еще в его стенах жило немало людей, сыгравших важную роль в общественной, культурной и научной жизни города. Когда-то здание было ведомственным и принадлежало Иркутскому государственному институту редких металлов — Иргиредмету. Жизнь многих ведущих сотрудников и даже двух директоров данного учреждения протекала именно здесь. Стоит вспомнить и других жильцов, в числе которых крупные деятели промышленной сферы Тимофей Панжин и Виктор Башкатов, легендарный солист Иркутской филармонии Леонид Мессман, известные иркутские врачи Константин Брадинский и Юрий Козлов... Список интересных обитателей дома можно продолжать и продолжать!

К созданию статьи подтолкнуло еще одно обстоятельство: в наиболее крупном издании по истории Иргиредмета, монографии Ольги Гороценовой, проскочило упоминание о том, что наш дом будто бы построен в 1961 году. Таким образом, он «омоложен» не на год или два, а на целых 28 лет! Это наглядно показывает необходимость восстановления максимально достоверной картины жизни старого дома.

В основу сегодняшнего повествования легли разнохарактерные материалы. Помогли документы семейных архивов прошлых и настоящих жителей дома. В их числе — архива нашей семьи. Много ценных сведений об интересующем объекте, а также его жильцах, дает периодическая печать разных лет. Наконец, записывались свидетельства очевидцев. Самым старшим из них является Елена Громова — ветеран Иргиредмета. Эта женщина жила в нашем доме в 1949–1961 годах. В текущий момент ей 98 лет. И при этом Елена Ивановна сохраняет большой интерес к жизни, ясный ум и просто феноменальную память, благодаря чему смогла поведать много интересного!

Естественно, приходится быть избирательным. Весь найденный материал о доме и его жильцах чересчур масштабен. Кроме того, не хочется пересказывать те сведения о знаменитых обитателях дома, которые легко доступны в интернете или печатных изданиях. Особо обратим внимание на эксклюзивные моменты, еще не становившиеся объектом внимания широкой общественности!

С чего все началось

Сегодня дом 5-й Армии, 48 служит ярким образцом архитектурного стиля, получившего наименование сталинского ампира. Между тем, его старая часть, то есть отрезок со второго по шестой подъезд, изначально возводилась как конструктивистское строение. Согласно документам БТИ, было это в 1933 году. Интересно, что дом сразу строился как ведомственный — для Гинзолото, как до войны именовался Иргиредмет.

В 2019 году в доме чистили чердак. Тогда в одном из углов мною была найдена стопка старых машинописей. Это оказались бумаги Арсения Ивойлова — одного из ведущих сотрудников института, отдавшего ему долгие годы своей жизни. В числе найденного — текст ивойловского доклада, который был подготовлен для выступления на собрании коллектива в честь 40-летия Октябрьской революции. Ценно, что в этом уникальном документе подробно рассказано об истории Гинзолото в довоенный период. И, в частности, упомянуто о нашем доме. Как время постройки указаны 1933-1934 годы. Сообщается, что дом тогда имел 27 квартир [1].

Интересно дополняет картину появления дома и периодическая печать. Так на страницах «Восточно-Сибирской правды» в 1934 году сообщалось, что разработчиком проекта было Гипрозолото. В том газетном материале, автор которого обозначил себя как «Б. Забайкальский», мы находим крайне любопытные сведения. Узнаем, что дом был сдан в эксплуатацию с массой недоработок. Критиковал автор заметки и саму планировку здания: «Комнаты-клетушки, окна — решетки, лестницы — ловушки. Все жилые комнаты — в тени. Зато уборные, кухни и лестничные клетки — залиты ярким солнечным светом! Радостное житье. Недаром хозяин дома — Гинзолото — поторопился заселить его задолго до окончания стройки. Занят уже весь дом, хотя балконы не готовы, лестничные клет-

ки не остеклены, дом снаружи не оштукатурен, вместо лестниц — временные деревянные трапы» [2].

Разумеется, со временем все недоделки были устранены. Существует довоенный снимок дома, который некогда отыскала Ольга Горощенова. Но долгое время данный кадр не был атрибутирован. Между тем, знакомое здание здесь узнать не сложно по общим контурам. Хотя его облик существенно отличался от теперешнего. Уже отмечено, что это было типичное конструктивистское строение со свойственной данному стилю игрой объемов и полным отсутствием декора. Кроме того, во всех подъездах было три этажа. Над угловым, где позднее стало четыре этажа за счет изящной мансарды, находился тогда высокий чердак. Фото запечатлело и довоенный номер здания — 6/52. В то время угловым домам давали двойные номера. В данном случае 6 — это по Красному переулку (ныне улица Гашека), 52 — по 5-й Армии. Тем не менее, в документах и газетах адрес писался так — «5-й Армии, 6/52».

Итак, дом зажил полной жизнью. Иногда даже чересчур «полной», о чем свидетельствует письмо жителей, помещенное в газете за 1935 год. В нем сообщалось, что жилец дома Бондарь, служащий в Иркутском госпароходстве, регулярно истязает свою жену — ударницу Гинзолота Домиловскую. Факты приводились поистине шокирующие: *«В течение нескольких дней хулиган буквально не давал никакого покоя соседям своими скандалами. 13 июля он учинил лихую расправу над женой. Попытался сбросить Домиловскую с балкона второго этажа, угрожал застрелить из револьвера, изорвал все ее платья и белье, побил посуду и т.д. Возмущенные жильцы не выдержали и, связав буяна, отправили его в отделение милиции, но там отнеслись к нему очень милостиво и через час выпустили. Хулиган явился домой и начал опять преследовать свою жену»* [3]. Далее описывался вторичный привод в отделение и равнодушие сотрудников милиции «ввиду ненахождения состава преступления». Жильцы требовали изоляции хулигана и показательного суда над ним.

Невозможно не сказать, кто же населял дом в первые два десятилетия его существования. Практически поголовно это были работники Гинзолота. В их числе ведущие специалисты: первый в институте кандидат наук Антон Баюла, а также Павел Павликов, Владимир Яхонтов, Галина Михайлова, Адриан Ли. Особенно хочется остановиться на двух последних. Во-первых, потому, что они принадлежали к числу ведущих сотрудников Гинзолота, а затем Иргиредмета, где проработали много лет. Во-вторых, длительным было и их пребывание в стенах дома. В-третьих, обобщая информацию из разных источников, имеешь возможность создать довольно интересные в историческом отношении портреты.

Галина Аполлоновна Михайлова принадлежала к числу предельно убежденных коммунистов, искренне старавшихся своими руками построить «новый мир». Уже в довоенный период она зарекомендовала себя и как один из грамотнейших специалистов Гинзолота. А параллельно была партгоргом организации. Но в 1937 году ее сочли за «троцкистку», исключили из партии. В газете тогда было написано: *«Она скрыла от партии свои троцкистские колебания в прошлые годы. Но коммунисты Гинзолото проходят мимо этих фактов, как будто они их не касаются. И на выборном собрании об этих событиях никто из коммунистов не сказал. Правда, тов. Юшина заявила, что она поражена исключением Михайловой, которая считалась наиболее активной коммунисткой в Гинзолото»* [4]. Итог: и Галина Михайлова, и Анна Юшина были арестованы.

В монографии Ольги Горошеновой в качестве наглядного документа, показывающего ужасы эпохи репрессий, приведены пронзительные выдержки из писем Галины Аполлоновны к следователю. В них она уверяет, что является «настоящим советским человеком», а не троцкистом. Очень переживает о горячо любимом сыне Владимире. Вот фрагмент одного из писем: *«Иногда меня прорезает мысль, что, может быть, Володьки уже нет, заболел и умер, а вы не говорите мне об этом, щадя сердце матери...»* [5].

Еще, по свидетельству автора книги, Михайлова в упомянутых письмах защищала других коллег от несправедливых наветов. Тем любопытнее воспоминания, которыми поделилась упомянутая ранее Елена Ивановна Громова. По ее словам, в связи с выходом Галины Аполлоновны на свободу и спустя годы среди коллег ходили разговоры, а почему же она спаслась, тогда как иные были расстреляны! Подозревали, что Михайлова «заложила» многих коллег [6]. Можно себе представить, через какие моральные муки прошел этот человек!

И все же жизнь брала свое. Уже в 1941 году в печати писали о Михайловой как об образцовом агитаторе, еще и перевыполняющем план по основной работе [7]. В Иргиредмете, как стало именоваться Гинзолото с 1946 года, она трудилась до 1960 года и пользовалась огромнейшим уважением коллег. Много лет проработав в минералогической лаборатории, она очень много занималась минералогическими методами в оценке технологических свойств руд и внедрением этих методов в практическое применение [8].

Галина Аполлоновна, как многие женщины ее поколения, считала, что скоро все будут жить при коммунизме, когда можно будет заниматься своим делом, а кухонные хлопоты отойдут в прошлое. Поэтому сама она не готовила и питалась только едой из столовой. В этом плане любопытны воспоминания, которыми поделилась моя мама, Наталья Арсеньевна Колокольникова: *«Напротив нашего дома была железнодорожная столовая. И там можно было обедать, а можно было прийти и взять еду на вынос. Кто регулярно брал еду — у тех были судочки на три кастрюльки. И Галина Аполлоновна всегда брала еду себе домой. И вот, как рассказывали родители, мне семь или восемь месяцев было. Меня папа держит на руках, увидел идущую Галину Аполлоновну, несущую пищу, и мне говорит: “Скажи «тетя»”. Он очень гордился, что ребенок рано стал говорить! А я говорю: “Кака”. Папа стал объяснять, что я говорю про кашку, поскольку увидела кастрюльку. Мне в такой кастрюльке кашку варили. А Галина Аполлоновна смеется и говорит: “Все понятно, тетя-кака!”»* [9].

И по выходе на пенсию Галина Михайлова еще относительно долго жила в доме. Так в иркутском телефонном справочнике за 1967 год можно найти упоминание о ней как о жительнице квартиры 41 [10]. В дальнейшем ее, по словам соседей, забрал к себе сын Владимир — тот самый, о котором она так переживала в тревожном 1937 году. Он стал видным ученым-химиком и некоторое время являлся ректором Кемеровского университета. Затем Владимир Андреевич Михайлов жил и работал в Москве, где был директором Гидроцветмета. Позднее перешел на работу в Московский институт тонких химических тканей, где трудился в 1986-2012 годах на кафедре неорганической химии. К сожалению, сегодня его уже нет в живых.

Про другого давнего жильца нашего дома, Адриана Федоровича Ли, информация более скупа. Но все же небезынтересна. Особенно эпизод, рассказанный Тамарой Тимофеевной Панжиной, которая в 48-м доме соседствовала с ним на

лестничной площадке. Она повествует: *«По национальности он был корейцем. В юности пробовал себя как повар. И вот его взяли поваром в геологическую экспедицию. И геология стала страстью на всю жизнь!»* [11].

Адриан Ли и вправду стал участвовать в геологоразведочных экспедициях уже не как повар! Затем он руководил доводочной станцией, а позднее заведовал минералогической лабораторией Ирриредмета. Между прочим, Ли стал первым в его стенах, кто получил степень доктора геолого-минералогических наук. Всего же его стаж работы в названном учреждении составил 37 лет [12]. В доме 48 он обитал до 1961 года. Соседям и сослуживцам запомнился своей неизменной шляпой.

Если же от жильцов первых лет возвращаться непосредственно к дому, то после войны штаты Ирриредмета сильно выросли. Вот почему некоторые сотрудники не могли получить в ведомственном доме даже отдельной комнаты. Елена Громова вспоминает, что приехала в эти стены в 1949 году и первоначально делила комнату с коллегой Еленой Костюковой [13]. Подобная теснота побудила руководство Ирриредмета провести реконструкцию здания.

В 1951 году был пристроен еще один подъезд с более вместительными квартирами. Он стал считаться первым. Над угловой частью здания появился четвертый этаж. Наконец, именно тогда бывшее конструктивистское строение украсилось лепниной. Плюс в старой части здания зачем-то убрали балконы. В двух местах на здании вылеплены цифры, напоминающие о годе реконструкции.

А еще старая часть дома изначально имела печное отопление. Со временем его заменили централизованным. Но, несмотря на это, в пятидесятые годы еще не было электроплит в кухнях и возможности помыться водопроводной водой в ванной комнате. В кухнях стояли кирпичные печки. А вот в ваннных комнатах были титаны для согревания воды, и то это удобство имелось лишь в новой части дома.

Интересен и еще один момент. Дедушка рассказывал, что появившуюся тогда часть дома возводили заключенные, которые намеренно запустили туда клопов со словами: «Пусть нас вспоминают!» А еще в первом подъезде на ступеньках и сегодня можно лицезреть некие фамилии, неразборчивый номер и опять-таки дату «1951». Есть предположение, что здесь мы видим фамилии заключенных и лагерный номер одного из них. Вероятно, это «творчество» изначально было замазано тонким слоем цемента. Это и обусловило то, что при сдаче объекта никто не заметил его. Со временем «камуфляж» стерся, на что и был сделан расчет. Но все это только гипотезы. Зато имена-то есть! Читаются они так: «Папа. Вар.», «Леонов», «Иванов».

Как бы то ни было, самое главное, что новая часть дома позволила уменьшить уплотненность обитателей в старой части. К примеру, известная нам Елена Громова смогла стать хозяйкой в прежней комнате, а ее бывшая соседка Елена Костюкова получила комнату уже в новой части здания [14]. И еще в 48-й дом в 1951–1953 годах приехали многие ведущие работники Ирриредмета, ранее жившие в иных местах. Об этих людях еще будет рассказано далее...

Страницы семейной истории

Истории моей семьи уже доводилось касаться в нескольких публикациях. Сегодня же хочется остановиться на том, что касается дома и Ирриредмета. Ведь именно благодаря этому учреждению когда-то дедушка и бабушка оказались в

этих стенах. Благо семейный архив, оставленный ими, содержит немало любопытных документов, через которые высвечивается целая эпоха. Думается, что приводимые ниже страницы семейной истории ценны не только для меня, но и для общества, ведь именно из таких частных историй складывается общая картина прошлого.

В 1946 году моя бабушка, Раиса Петровна Ломовцева, окончила Иркутский государственный университет как физик и пришла на работу в Иргиредмет. Это было неудивительно. Ведь дипломную работу она готовила под руководством Арсения Степановича Ивойлова. А основным местом его трудоустройства был как раз Иргиредмет. У меня сохранился дневник бабушкиных преддипломных экспериментов, написанный в несколько лиричном тоне и свидетельствующий о ее крайней увлеченности проводимыми опытами [15]. И вот после окончания университета бабушка попала в Иргиредмет, где в дальнейшие годы занималась сначала рентгено-структурным, а затем спектральным анализом. Особенно долго она работала над разработкой темы спектрографического определения ниобия и тантала в продуктах обогащения руд. Этому посвящена обширная статья, написанная ею в соавторстве с руководителем Лаборатории физических методов анализа Яковом Райхбаумом. Данной публикацией открывается сборник научных трудов института за 1959 год [16]. Всего же в названном учреждении бабушка работала в течение 15 лет. Вот почему неудивительно, что еще в 1947 году ей была предоставлена комната в ведомственном доме, то есть 5-й Армии, 48. Дату заезда удалось четко установить по конвертам писем, приходивших на бабушкино имя. Таким образом, с данным домом наша семья связана более 76 лет.

А в 1948 году университет окончил мой дедушка — Арсений Александрович Колокольников. Его учеба прошла с пятилетним перерывом. В 1941 году он окончил третий курс физико-математического факультета, и в этот момент началась война. Дедушка прошел как сапер нелегкий боевой путь от Москвы до Кенигсберга, дважды был тяжело ранен. За боевые заслуги имел Ордена Отечественной войны I и II степеней, медали «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией». После окончания войны он еще целый год провел в Германии: оттуда специалиста в военно-инженерных вопросах никак не хотели отпускать. Вернувшись в Иркутск, дедушка смог окончить университет и стать дипломированным физиком. Как и бабушка, дипломную работу он писал под руководством Арсения Ивойлова. В моем архиве сохранился отзыв последнего, давшего высокую оценку исследованию молодого специалиста, которое было посвящено рентгеноспектральному количественному определению тантала [17].

По окончании университета дедушка также пришел на работу в Иргиредмет, где и встретил бабушку. Через год они поженились. Примечателен один любопытный факт, о котором рассказывал мне дедушка. 5 ноября 1949 года, когда жених и невеста шли в ЗАГС, оттуда же шла другая пара. Это были товарищ по работе Александр Синакевич с его избранницей Еленой. Они поженились на полчаса раньше. В дальнейшем Синакевич стал директором Иргиредмета.

И вот в ноябре 1949 года дедушка поселился в комнате, где уже жили бабушка и ее отец. В следующем году на свет появилась моя мама. Жить вчетвером в одной комнате было непросто. И в 1951 году, когда к дому была сделана пристройка, молодая семья получила там две комнаты в коммуналке. Но счастливо пожить на новой жилплощади удалось совсем недолго. В 1952 году над бабушкиной головой густились тучи...

Последующую историю хочется рассказать подробно, поскольку представляется, что это довольно любопытная информация для будущих исследователей той эпохи. Итак, еще в 1949 году Иргиредмет вошел в состав «Енисейстроя», подчинявшегося МВД СССР. Многие направления работы института в этот период были строго засекречены. Стали усиленно проверять и сотрудников. И в этот момент в высшие инстанции поступил донос, где рассказывалось о том, что Арсений Колокольников — сын «врага народа». Прадед и вправду был расстрелян в 1921 году за то, что в годы Гражданской войны являлся чиновником колчаковских органов власти [18]. Дедушку решили отстранить от прежней работы и перевести в другое учреждение системы «Енисейстроя» — в Норильск. Ясно было, что это своего рода ссылка. Надо сказать, что дедушка никогда ничего не выпрашивал для себя, но вообразить, чтобы его любимая дочка оказалась на севере, он не мог. К тому же, угнетала несправедливость ситуации. Поэтому он поехал в Красноярск, где попытался доказать свою невиновность начальнику «Енисейстроя» — генерал-майору Панюкову. Тот обложил отборной бранью. Стерпеть это от генерала, всю войну просидевшего в тылу, по дедушкиным словам, было очень непросто, но здравый смысл, говоривший, что возмущением можно лишь навредить себе и своей семье, пересилил. Поэтому искать правду дедушка отправился в самую высшую инстанцию — в Москву на Лубянку.

В нашем семейном архиве остались некоторые письма за конец мая и начало июня 1952 года — из Иркутска в Москву и из Москвы в Иркутск. Сегодня это бесценные свидетельства сложного времени. Естественно, о сложившейся ситуации там говорится более намеками. Например, дедушка пишет о постоянных походах в «министерство», но посвященному человеку становится совершенно очевидным, о каких структурах идет речь. Разумеется, дедушка всеми силами пытался успокоить своих родных. Рассказывал про общение с московскими родственниками, осмотр столичных достопримечательностей. Описывал и посещение Синакевичей: в этот момент Александр Сергеевич и Елена Евгеньевна отбыли в Москву для обучения в аспирантуре [19]. Но тон писем все равно был тревожный.

Надо сказать, что в этот сложный момент помогла хорошая характеристика, высланная дедушке в Москву из Иргиредмета. В письме, написанном бабушкой 28 мая 1952 года, сообщается, что текст ее был подготовлен старшим коллегой — Яковом Райхбаумом [20]. Вот что сообщает эта характеристика, экземпляр которой остался в нашем семейном архиве: *«т. Колокольников А.А. работает в Иркутском научно-исследовательском институте МВД СССР с 1 июля 1949 года, занимаясь рентгено-структурным и структурными анализами. Порученную работу выполняет аккуратно, исполнительен и дисциплинирован. В отношении со старшими товарищами вежлив и скромен. Аналитическую работу выполняет аккуратно. За время работы в институте принимал участие в 4 научно-исследовательских работах, в двух из них в качестве соавтора. За период работы в институте приобрел ряд экспериментальных навыков. Партийные поручения выполняет аккуратно, участвует в общественной жизни коллектива как профгруппорг и агитатор. В 1948 г. окончил Вечерний университет марксизма-ленинизма»* [21]. Получение столь положительной характеристики было тогда крайне важно. Надо сделать и ремарку касательно Якова Давыдовича: его дядя был репрессирован [22], отчего он сам находился в сложном положении. И все равно не побоялся оказать поддержку, что очень важно!

В одном из тогдашних писем дедушка осторожно давал понять, что ему довелось встретить и других людей, оказавшихся в похожем положении и вынужденных отстаивать невинность перед социалистическим обществом. Среди них ему попался даже Герой Советского Союза [23]. В итоге дедушке удалось доказать свою правоту. В институт была направлена директива о допуске к прежней работе.

А имя и фамилию доносчика дедушке по секрету сказали. Им оказался бывший коллега, ранее вынужденный покинуть институт, поскольку сам считался сыном «врага народа». Вот ему и стало обидно, что его изболочили, а дедушку — нет. Поскольку я не имею возможности документально подтвердить личность доносчика, то обозначать ее не стану. Скажу лишь об одном занятом эпизоде, произошедшем уже со мной, причем после смерти деда. Его недоброжелатель скончался еще десятью годами ранее. Зато вдова последнего оставалась жива. Она активно посещала собрания общества «Родословие» и после одного из них подошла ко мне, усиленно прося помочь в архивно-поисковой работе, касающейся восстановления биографии ее покойного супруга. Хотелось ответить максимально резко, но сдержался, подумав, что наверно покойник уже дал за все ответ перед Богом! Главное, что в 1952 году дедушка смог вернуться к прежней работе в Иркутске. Из семейных рассказов знаю, что тогда директор Иргиредмета Иван Стахеев сказал ему: «Вот уж не думал, что у Вас получится разрешить это дело. Поздравляю».

В том же году дедушка устроился на подработку в Иркутский сельскохозяйственный институт, куда в 1954 году ушел на основную работу. Пожалуй, именно здесь он нашел себя в полной мере. Воспитал не одно поколение специалистов. Десять лет заведовал кафедрой физики, а в целом педагогическую работу вел 43 года. Я неоднократно встречал бывших дедушкиных студентов, неизменно дававших высокие оценки его человеческим качествам и способности к внятному объяснению довольно сложного материала.

В 1961 году перешла в сельхозинститут и бабушка. Но, подобно некоторым другим семьям, уже утратившим связь с Иргиредметом, наша семья осталась в уже полюбившемся доме. Подумать только: жизнь четырех ее поколений прошла в этих стенах! Долгое время пристанищем семьи Колокольниковых оставались две комнаты коммунальной квартиры, и лишь в 1978 году появилась возможность занять ее целиком. Передать словами, что этот дом значил и значит для нас, невозможно!

Приведу фрагмент воспоминаний моей мамы: *«Сколько связано с домом, где живешь с самого рождения! Возвращаясь мыслями к годам детства, когда здесь большинство квартир были коммунальными, ловлю себя на мысли: как же много детей обитало тут. И жили в целом очень дружно. Тогда во дворе стояла беседка. Там старшие рассказывали младшим о таких вещах, о которых последние даже и не подозревали! Когда же появились первые телевизоры, то были они не у многих. Мы целой толпой ходили к Райхбаумам «на телевизор». А у других соседей — Аникиных — вскоре появилось такое чудо техники как магнитофон. Мы очень много играли во дворе. Когда выросли — все равно продолжали общаться, делить друг с другом радость и грусть. Конечно, сегодня многие бывшие жильцы разъехались. Так уже в 2020 году покинула дом семья Синакевичей, а ведь они прожили бок о бок с нами 69 лет! Но отрадно, что в стенах дома продолжается история некоторых семей, захвативших сюда еще в первое послевоенное десятилетие»* [24].

Мои первые жизненные впечатления тоже неразрывно связаны с домом и двором. Дедушка ушел на пенсию в 1995 году, когда не стало бабушки. Он тогда

решил проводить больше времени дома, вместе со мной. Хлопотал по хозяйству, ходил за покупками на рынок, а еще мы много гуляли вместе. Частенько местом прогулок был наш двор. Из-за моего очень слабого зрения дедушка внимательно следил за каждым моим шагом...

Дедушка был добрым и внимательным — другие дети тоже его любили. И не только дети, но даже животные, с которыми он подчас трогательно общался. Помню, в семье Шевченко, жителей углового подъезда, долго была собака Дина — большой черный пудель. И вот его хозяйка, юная Анастасия, вывела питомицу погулять. Дедушка взял собаку за лапу и проникновенно сказал: «Здравствуй, Дина, будем друзьями!» После этого я минут десять дергал добродушную собаку за лапу и повторял сказанную дедушкой фразу. Подобных воспоминаний не счесть. Собственно, в моем воспитании дедушка сыграл огромнейшую роль. Но вот когда минувшим летом отмечался юбилей дома, приятно было услышать, что и многие соседи вспоминают его добрым словом!

Очень рад, что наша семья когда-то оказалась в этом удивительном дворе на улице 5-й Армии. Просто не могу представить, как сложилась бы жизнь, родился я в каком-то другом месте!

Властители руд

Сегодня уже непросто это вообразить: в тридцатые, сороковые и пятидесятые годы в дом заселялись лишь семьи работников Иргиредмета. В большинстве квартир обитало по два, а то и по три семейства. И лишь отдельные представители институтской элиты имели отдельные квартиры. Со временем жилищная ситуация улучшалась. В 1961 году был построен еще один ведомственный дом Иргиредмета по адресу 5-й Армии, 46. И туда переехали многие сотрудники организации. Зато если брать пятидесятые годы, то виднейшие специалисты института за редчайшими исключениями жили именно здесь. Потому хочется сделать акцент на том времени.

В большинстве своем тогдашние обитатели дома были преданы своему делу. Многие из них в полном смысле слова были подлинными властителями руд, из которых, благодаря методам, разрабатываемым в институте, надлежало максимально эффективным способом добыть редкие и цветные металлы. В стенах данного учреждения работали разноплановые специалисты: обогатители, минералоги, физики, химики... И потому, задумываясь об истории дома, понимаешь, как много одаренных представителей научно-технической интеллигенции тут обитало!

Хотелось бы выделить наиболее видных сотрудников, работавших в институте в середине прошлого века и живших на 5-й Армии, 48. Но задача это крайне сложная. По сути даже в исторической монографии об Иргиредмете не делается акцентов на определенных персоналиях, а даются те биографии, что удалось восстановить. Замечу честно, что, будучи гуманитарием, я далек от тех занятий, которые выполняли работники института. Поэтому приходится опираться лишь на отзывы компетентных специалистов. Благо такими документами служат воспоминания ветеранов Иргиредмета, с которыми довелось беседовать, брошюра к 100-летию организации и, наконец, упомянутые выше бумаги Арсения Ивойлова.

Начать следует с того, что в доме обитали два директора института. Первый из них — Иван Степанович Стахеев. Он был видным специалистом в своем деле:

профессиональную подготовку получил в Москве в Институте цветных металлов и золота. Ирриредметом же руководил в течение 22 лет. Был отмечен такими высокими наградами, как орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета» [25]. В памяти коллег и соседей остался как добрый отзывчивый человек.

Нами уже упоминалось имя Александра Сергеевича Синакевича. С 1951 года и до своей трагической кончины он жил в 48-м доме, хотя и сменил здесь три квартиры. Но вот с самим домом расставался лишь на время обучения в московской аспирантуре. Ее резонным итогом стала прошедшая в 1954 году защита диссертации на соискание степени кандидата технических наук, после чего Синакевичу доверили руководство металлургической лабораторией Ирриредмета [26]. А в 1970 году он сменил Стахеева на посту директора и занимал данный пост ровно 10 лет до ухода из жизни. Хочется заметить, что происходил Александр Сергеевич из известной в городе семьи медиков, представители которой славились высокой интеллигентностью, большой любовью к искусству. Мне довелось соседствовать уже со вдовой, невесткой и внуками Александра Сергеевича. И это были замечательные соседи: приятные в общении, понимающие и отзывчивые люди.

Большой авторитет в научной среде города имел Яков Давыдович Райхбаум, чье имя также уже упоминалось. В Ирриредмете он руководил работами в сфере оптического спектрального анализа, долгое время возглавлял лабораторию физических методов анализа. Параллельно с этим занимался и преподавательской деятельностью в стенах госуниверситета. Он имел звание доктора физико-математических наук. На завершающем этапе жизненного пути заведовал лабораторией в Институте геохимии. Сразу хочется оговориться, что к 100-летию ученого вышла брошюра, обстоятельно освещающая его жизненный и научный путь [27]. Думается, уместно дополнить этот материал рассказом дочери Райхбаума — Веры Яковлевны Лебедевой. Ее детство и юность прошли в стенах 48-го дома. Узнав о моей работе над статьей, она, будучи филологом по профессии, набросала крайне интересные воспоминания об этом времени. Описывается в них и непосредственно квартира, где жил с семьей Яков Давыдович: *«По широкому коридору нашей квартиры я гоняла на трехколесном велосипеде. На кухне была большая, покрытая коричневым кафелем печь, которая топилась дровами. Самая большая комната, которая так и называлась “большая”, совмещала функции библиотеки, кабинета, столовой. У стен стояли полки с книгами, у окна — письменный стол отца, покрытый зеленым сукном. Это было царство со своими героями! На черной доске из камня — две чернильницы очень толстого стекла, покрытые куполами звонких колокольчиков из бронзы. В них давно никто не наливал чернила. Держатель для бумаг, спичечница, большая чугунная муха (пепельница), статуэтка Ермака, статуэтка собаки-сеттера, настольная лампа с зеленым абажуром... Над письменным столом висел на стене чугунный барельеф Сталина. Под ним — овальный портрет Ломоносова и черный деревянный барометр, который уже не работал, а всегда показывал “великую сушь”. В 60-х годах отец отнес Сталина в подвал. Не знаю, какие чувства он при этом испытывал. Он не говорил»* [28].

Видным специалистом своего дела был и Арсений Ивойлов. Он 14 лет занимал в институте пост заместителя директора по научной работе, но на более позднем этапе также побывал на посту заведующего лабораторией физических методов анализа [29]. Светлана Игнатьева, в прошлом работник Ирриредмета, рассказывает: *«Человеком Арсений Степанович был непростым. Но при этом было у него*

одно ценнейшее качество. Он занимал пост заместителя директора по науке и, соответственно, вел летучки. И здесь обнаружилось, что, будучи физиком, он очень тонко и грамотно вникал в специфику работы каждой из лабораторий. Его преемник уже такого продемонстрировать не мог» [30]. Достоинно замечания, что за конструкцию электрического сепаратора ЭКС-1250 Ивойлов награждался медалью ВДНХ СССР. Имел и орден Трудового Красного Знамени. Наряду с этим преподавал в университете, о чем уже шла речь.

Очень много лет отдала институту Валентина Шубина. Она занималась исследованиями широчайшего профиля: от обогащения до гидрометаллургии. Рассказывают, что один приезжий специалист окрестил Валентину Владимировну «королевой металлургии». Коллеги считались с ее мнением и часто шли к ней за житейским советом. Знаю, например, что ее очень ценила и уважала моя бабушка.

Невозможно не назвать имени такого крупного ученого, как Абрам Черняк. В Иргиредмете он проработал довольно долго и принадлежал к числу сотрудников, добившихся в своей научной работе особо весомых показателей. К 1971 году на его счету уже был ряд монографий и 11 изобретений [31]. В дальнейшем Черняк занимался преподавательской деятельностью в стенах Иркутского государственного университета. Имел степень доктора технических наук. Являлся Почетным академиком Российской академии естественных наук. Надо заметить, что в книге воспоминаний об Иргиредмете одни из наиболее живых и интересных страниц принадлежат именно его перу [32].

В начале пятидесятых приехал на иркутскую землю Николай Лосев. Он также пришел тогда на работу в Иргиредмет и одновременно с этим заселился в одну из коммунальных квартир 48-го дома. В институте Николай Фомич довольно быстро стал одним из передовиков научного процесса, реализовав ряд значимых исследований, связанных с рентгеновским анализом. В дальнейшем им была защищена докторская диссертация. Но особенно хорошо жители нашего города помнят Лосева как ректора Иркутского государственного университета. Он занимал этот пост с 1967 по 1976 год. Примечательно следующее: являясь физиком, Николай Фомич был, по выражению известного археолога Германа Медведева, «может быть, единственным ректором, который специально и регулярно занимался развитием гуманитарных наук в Иркутском университете» [33]. Вообще Лосев был весьма общительным и добрым человеком. Так, Вера Лебедева делится следующими интересными воспоминаниями, относящимися к пятидесятым годам: «Несколько раз отец устраивал елки, на которые приходили дети со всего двора. Дедом Морозом был Николай Фомич Лосев, отец придумывал аттракционы, а молодое поколение ставило спектакли по мотивам русских народных сказок» [34]. А в нашем семейном архиве хранится любопытный артефакт — школьный словарик моей мамы. Задание было такое: к каждому слову изобразить картинку и подчеркнуть сложную букву, в которой может быть сделана ошибка. Так вот, слово «ботинки» с подчеркнутой буквой «о» собственноручно проиллюстрировал Николай Фомич, нарисовав карандашом ботиночки для своей юной соседки!

Облик Петра Семеновича Кинжалова, с 1952 года и до самой смерти проживавшего в квартире №2, мое сознание смутно сохранило. Вспоминается, как этот грузный немолодой человек в длинном зимнем пальто с жаром рассказывал моему дедушке, как, топнув ногой, смог раздавить довольно толстую льдину у себя под окном. Хорошо помню и то, что в доме его уважали как ветерана войны. Но лишь спустя годы узнал, что это был видный специалист в деле обогащения раз-

личных россыпей, возглавлял алмазную лабораторию. В уже упомянутом докладе 1957 года, сделанном Арсением Ивойловым, есть довольно интересное место: *«Самой “молодой” лабораторией в институте является алмазная лаборатория, организованная в 1957 г. (рук. лаборатории П.С. Кинжалов). Несмотря на свою “молодость”, эта лаборатория выполнила ряд работ по технологии обогащения алмазных россыпей и руд, используемых сейчас при проектировании обогатительных фабрик на месторождениях алмазов в Якутии и в работе действующих опытных фабрик»* [35]. За свою ударную работу Петр Кинжалов получил орден «Знак Почета». В 1970 году он был удостоен звания Лауреата Ленинской премии [36]. Кстати, лауреатом Государственной премии был еще один сотрудник Ирриредмета и обитатель дома — Евгений Жученко.

Обращаясь к периоду с пятидесятых по восьмидесятые годы, можно увидеть, что в 48-м доме проживало еще немало сотрудников Ирриредмета. Рассказать обо всех подробно попросту невозможно. Тем более, что и сроки обитания были разными. Так, в молодые годы здесь некоторое время жили Виктор Томилов и Василий Лодейщиков, занимавшие в дальнейшем должность заместителя директора института.

Обитателями дома было немало авторитетных работников учреждения, чьи имена еще не названы нами выше. В их числе были Нина Холмовская, Анна Грунина, Федор Долгов, Александр Аникин, Екатерина Брадинская, Октябрина Гребенникова, Нина Санникова, Василий Погодаев, Анатолий Крестьянинов, Владимир Гладков, супруги Глотовы, Нина Ясус, Адольф Панченко, Александр Манохин, Людмила Травникова и другие. Заселяли сюда не только научных сотрудников, но, к примеру, экономистов или работников ирриредметовской бухгалтерии, таких как Валентина Кабакова, Матвей Масовер, Зоя Ведерникова, Сира Петкова.

Как можно судить по воспоминаниям жителей, дом оставался в ведении Ирриредмета вплоть до начала девяностых. Но при этом его «ведомственный» характер стал потихонечку растворяться еще в шестидесятые годы. Так в семьях, получивших здесь жилплощадь, сотрудник данного учреждения мог перейти на иную работу, но права находиться тут, естественно, не лишался. А с 1965 года начался процесс обменов. Так в доме постепенно стала собираться самая разная публика...

Старейшина обогатителей

Об одном работнике Ирриредмета хочется рассказать подробнее. К этому меня подталкивают два обстоятельства. Первое — я нашел ценнейший материал о нем в бумагах Арсения Ивойлова. Второе — личность была действительно незаурядной, но сегодня даже в издании, посвященном институту, о ней сообщается крайне мало. А человек имел в данном учреждении совершенно особое положение!

Итак, героя рассказа зовут Игорь Васильевич Чипанин. С его именем неразрывно связаны становление и развитие института. Роль этого научного работника в данных процессах поистине неопределима. Здесь стоит дать пояснение для читателей. Золотосплавочная лаборатория в нашем городе возникла еще в позапрошлом веке, и все ирриредметовские юбилейные даты отсчитываются от момента ее создания. Но вот институт на базе лаборатории возник лишь в 1930 году. Именно тогда и пришел туда двадцатилетний юноша Игорь Чипанин, которому суждено было

проработать на одном месте 42 года — вплоть до самой своей кончины. Сначала молодой человек не имел высшего образования и начал работать техником [37]. Но в 1936 году он окончил Иркутский горно-металлургический институт [38] и постепенно стал ведущим сотрудником учреждения.

Работа обогатителя, явившаяся основной специализацией для Чипанина, — дело крайне непростое, но, если разобраться, довольно увлекательное. Один из основных методов обогащения полезных ископаемых — флотация. Задача исследователя — разработать как можно более эффективные пути для извлечения из руды нужного элемента. Над этим и работал долгие годы Игорь Васильевич. Еще в период войны впервые в СССР он применил метод флотации литиевых руд, внедренный затем на ряде предприятий. За это достижение в 1944 году Чипанин был премирован Народным комиссариатом цветной металлургии СССР.

С 1948 до 1952 года Игорь Васильевич занимал пост заместителя директора по научной части. В характеристике, подписанной Арсением Ивойловым, который стал его преемником на данном посту, указано, что названный период был отмечен немалым прогрессом. Заявлялось, что Чипанин лично руководил разработкой наиболее ответственных тем в работе обогатителей. Но затем он по собственному желанию покинул высокий пост. Вероятно, сказались не очень хорошее самочувствие и стремление не отвлекаться от исследовательской работы. После ухода с должности замдиректора Игорь Васильевич возглавил лабораторию обогащения руд цветных и редких металлов [39].

Только к 1956 году, к которому относится оказавшаяся в моем распоряжении характеристика, на счету Чипанина было свыше сотни исследовательских работ. Разработанные им методики продолжали внедряться на предприятиях страны. Игорь Васильевич имел запатентованные научные изобретения, хотя точное их число неизвестно. Но главное, что авторитет ученого, которого Владимир Гладков символично назвал «старейшиной сибирских обогатителей», простирался далеко за стены института. Как компетентный специалист Чипанин был включен в состав научного совета по проблемам обогащения полезных ископаемых в Институте физики земли при Академии наук СССР. Входил и в специализированные комиссии Министерства цветной металлургии [40].

А еще, несмотря на засекреченность многих отраслей работы института, этого незаурядного человека знали и уважали за границей. Он был участником двух международных конгрессов: первый проходил в 1963 году в Каннах (Франция), второй — в 1968 году в Ленинграде. Еще Игорь Васильевич принимал участие в работе совещания по флотореагентам, которое прошло в Польше. Пожалуй, тогда никто из сотрудников Иргиредмета еще не вел работу с подобным размахом!

Интересными воспоминаниями и фотографиями поделилась со мной внучка Чипанина — Елена Владимировна Батюнина. Вот что она рассказывает: *«Когда дед ездил в Париж, мне было пять лет. Конечно, не могло запомниться что-то особо серьезное из его рассказов. Но помню, что он оттуда бабушке привез кофту и духи. А когда ездил в Польшу, то привез мне шариковую ручку и жвачку. У нас еще такого в тот момент не было!»* [41].

Надо заметить, что Игорь Васильевич всерьез занимался фотографией и во всех поездках немало снимал. Так, у Елены Владимировны хранится огромный альбом, для которого истекший год юбилейный — данному артефакту исполнилось ровно 60 лет. Внутри фотографии, сделанные во время пребывания в Каннах, Ницце и Париже.

Игорь Васильевич, по словам коллег, был исключительно чутким и внимательным человеком. Много сил направлял он на выращивание в Ирриредмете молодых специалистов. Занимался и педагогической деятельностью в стенах родного горно-металлургического института. А еще Чипанин имел большую дружную семью. Вместе с женой Еленой Федоровной он вырастил двоих сыновей — Владимира и Виктора. Затем продолжил воспитывать уже внуков. Об Игоре Васильевиче и его семье мне доводилось слышать немало добрых слов от ветеранов Ирриредмета — Елены Громовой и Алины Пунишко. Моя мама дополняет, что во дворе Чипанин запомнился еще одним моментом: в далекие пятидесятые у жителей дома было всего четыре автомобиля. И ему принадлежал один из них — марки «Москвич». Это тогда казалось роскошью [42].

Увы, жизнь Игоря Васильевича оборвалась безмерно рано — в 62 года. Вот что рассказывает по этому поводу Елена Батюнина: *«Дед уехал в командировку — в экспедицию. Привезли его оттуда с рудника с гангреной. Он поранил ногу. А у него и без того диабет был очень сильный. И вот была там фельдшер на руднике — она ему бодягу прикладывала и довела до заражения крови. Привезли в самолете и вынесли уже на носилках. Сделали операцию. И через три дня ночью он умер»* [43].

Таким неожиданным был уход из жизни видного ученого-обогатителя. Думается, что все рассказанное выше наглядно показывает, насколько же несправедливо, что в изданиях об Ирриредмете так мало информации об этом человеке! Потому-то и хотелось вернуть из небытия его незаслуженно забытое имя...

Самые разные люди

Люди различных жизненных занятий волею судеб собрались в стенах одного дома! И некоторые из его обитателей известны не только в нашем городе, но и за его пределами.

Так, еще в 1954 году вместе со своей женой Агнессой Васильевной, работавшей в Ирриредмете, приехал Тимофей Федорович Панжин [44]. В последующие годы его персона привлекала особое внимание обитателей двора. Ведь было хорошо известно, что недалеко от областного центра строится крупный алюминиевый завод, а вокруг него вырастает новый город. Речь идет о Шелехове. Начальником строительства завода, затем и первым его директором был именно Тимофей Федорович. Во дворе его называли «алюминиевым королем», а жену — «алюминиевой королевой». Так Вера Яковлевна Лебедева воспроизводит следующее воспоминание, связанное с предновогодним вечером из ее детства: *«Мать в коричневом длинном платье со вставкой на груди: коричневые точечные цветочки на прозрачной сетке. Она собирается с отцом в гости на третий этаж. Там будет “алюминиевая королева” Панжина с седовласым мужем...»* [45].

В 1961 году семья Панжиных переехала в соседний дом, зато в нашем доме поселился новый деятель промышленной сферы — Виктор Васильевич Башкатов. Он также известен как руководитель заводов в Свирске и Иркутске. Интересна и персона его жены — Нины Несторовны Каландаришвили. Она была дочерью знаменитого революционера-анархиста, имя которого носит одна из центральных улиц нашего города. В дальнейшем Башкатов с женой и детьми перебрался в Москву, где дожил до крайне преклонного возраста [46].

22 года провел в доме и крупнейший деятель местной культурной сферы — скрипач Леонид Мессман. Была представлена и сфера медицины. Долгие годы в

этих стенах жил видный иркутский онколог Константин Брадинский. Уже в начале двухтысячных здесь поселился на некоторое время детский хирург Юрий Козлов. Последний сегодня известен очень широко и в представлении не нуждается. Что же касается Мессмана и Брадинского, то удалось найти довольно обширный материал о каждом из них, поэтому данным людям считаю необходимым посвятить отдельные параграфы.

Невозможно не сказать о том, что с самых первых своих дней жил в доме известный в Иркутске адвокат Марк Крутер. Его воспитывали бабушка и дедушка. Последний — его звали Исай Маркович — работал в Иргиредмете и одно время даже занимал пост замдиректора. Интересно, что в 1948 году он пострадал именно из-за дома 5-й Армии, 48: во дворе был обнаружен беспорядок, и за это госсанинспекция оштрафовала Крутера как лицо, ответственное за территорию ведомственного жилого строения [47].

Всегда в доме проживало немало представителей вузовской интеллигенции. Уже говорилось о педагогической деятельности Якова Райхбаума и Арсения Ивойлова. Нельзя не назвать еще несколько человек, успешно преподававших в стенах Иркутского госуниверситета. Так, на геологическом факультете долго работал уже упоминавшийся нами Владимир Гаврилович Гладков. В свою очередь его жена Клара Васильевна преподавала в университете французский язык. Много лет работала на филологическом факультете Лариса Юрьевна Шевченко, которую очень тепло вспоминают его выпускники. Весьма интересной была деятельность Людмилы Александровны Саклёшиной. Сначала она трудилась на кафедре педагогики, зато в дальнейшем, когда был создан Факультет общественных профессий, стала его деканом и идейным вдохновителем всей проводившейся работы. Благо человеком Саклёшина была исключительно энергичным и позитивным. Следует вспомнить и Елену Федоровну Чипанину, преподававшую английский язык в Горно-металлургическом институте.

Тесно связана с вузовской сферой и наша семья. О бабушке и дедушке я уже рассказывал ранее. Но не могу не добавить, что преподавателями стали и обе их дочери. Наталья Арсеньевна Колокольникова, кандидат физико-математических наук, много лет преподает теорию вероятностей в стенах госуниверситета. Галина Арсеньевна Колокольникова работала сначала в Иркутском вычислительном центре, а в 1993 году также перешла на педагогическую работу в Иркутскую экономическую академию, как именовался тогда Байкальский государственный университет. Она также имела степень кандидата физико-математических наук, вела активнейшую научную работу, много публиковалась в отечественных и зарубежных журналах математического профиля. Лишь ранняя смерть помешала ей защитить уже подготовленную докторскую диссертацию.

Наряду с вузовскими работниками жили в доме и преподаватели средних, либо среднеспециальных учебных заведений. Так, в школе №19, располагавшейся некогда в здании, занятом сегодня школой №1, долгое время была завучем Надежда Моисеева. Должны быть названы и педагоги техникумов — Ирина Карелина, а также ее дочь Виктория Карелина. Все это — интересные люди, которым можно посвятить отдельный рассказ. Так, к примеру, Карелина-старшая являлась огромным знатоком творчества Пушкина, и именно она помогла ученым из центральной России установить связь с иркутскими потомками великого поэта!

В доме жил и Владислав Семенов — многолетний директор Иркутского авиатехникума. Наконец, нельзя не отметить Евгения Райхбаума — родного брата не

раз мною упомянутой Веры Яковлевны. Это был человек исключительной одаренности. Еще в молодости он сам сконструировал электронное пианино. От него ждали очень многого, но, сменив разные места работы, в числе которых был и университет, Евгений Яковлевич не стал знаменит. Зато соседи прекрасно помнят, что в масштабах двора он все же прославился женитьбой на внучке видного революционера Менжинского! Я же из детства хорошо запомнил собаку дяди Жени — большого белого пуделя Маркиза с очень добрым нравом.

Сохраняется в доме и память о ветеранах войны. Мною уже было рассказано о двух из них — Петре Семеновиче Кинжалове и моем дедушке. Ниже пойдет рассказ о Константине Игнатьевиче Брадинском. Но были здесь и другие ветераны. Скажем, интересной персоной являлся Соломон Борисович Шаевич. Он получил квартиру как работник Иргиредмета, но вскоре перешел в Иркутский филиал Всесоюзного научно-исследовательского и проектного института алюминиевой, магниевой и электродной промышленности. Там Шаевич был одним из ведущих сотрудников. В 1967 году он защитил диссертацию на соискание степени кандидата химических наук. А если обращаться к его нелегкой боевой юности, то Соломон Борисович прошел всю войну. Подобно моему дедушке, на фронт он попал после окончания военно-инженерного училища, эвакуированного в Иркутск из Чернигова. В нем получил ту же самую профессию — сапера. Шаевич был участником Курской битвы, искоренял фашизм в Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Позднее попал на войну с Японией. Ветераном войны была и жена Шаевича — Анна Васильевна [48]. Хорошо помню эту невысокую седую женщину в полосатой майке, хлопотавшую во дворе около веревок, на которых еще в девяностые годы многие жильцы дома активно сушили белье.

Долгие годы провел в доме и другой участник войны с Японией — Николай Михайлов. Из тех же ветеранов, которых я не застал, можно назвать некогда жившего здесь Филиппа Карелина, дошедшего военными дорогами до Восточной Пруссии. Наконец, в сфере авиации в годы войны работали еще два обитателя дома — Анатолий Ведерников и Гайша Веснова. Примечательно, что последняя до сих пор живет в этих стенах. В сентябре ей исполнился 101 год. Безусловно, это самый настоящий бренд дома 5-й Армии, 48!

И сегодня это здание — место жизни самых разных людей, например, представителей литературной, театральной, научных сфер. Но не станем разглашать их персональные данные...

Легенда музыкального Иркутска

Леонид Мессман в нашем городе памятен многим как ярчайший скрипач, один из сильнейших солистов Иркутской областной филармонии. Соседи же хорошо запомнили, как он регулярно выходил на прогулку со своей породистой собакой. В доме на 5-й Армии Мессман появился в 1965 году, прибыв из Сочи. Он совершил размен с одним из работников Иргиредмета, которого звали Фридман Шнеер. Последний, в свою очередь, отправился к черноморскому побережью.

К моменту прибытия в Иркутск судьба уже изрядно побросала Леонида Мессмана из города в город. Его биография поистине удивительна. Воскрешать ее довольно сложно, поскольку количество разнообразных историй об этом человеке весьма велико. Правдивость многих из них сегодня проверить невероятно сложно.

В одном лишь сходятся все, кто когда-либо слышал игру музыканта: это был инструменталист высочайшего, совсем не иркутского уровня!

В юные годы Леонид Мессман, сын довольно известного композитора и дирижера, начинал учиться в Центральной музыкальной школе в Москве. Педагогом по специальности у мальчика был Абрам Ямпольский — авторитетнейший столичный музыкант. Параллельно здесь занималось немало тех, кто в дальнейшем добился громкой славы...

Спустя много лет на иркутском телевидении была передача о Мессмане. Он принес в студию снимок, запечатлевший его с педагогом, а также будущими легендами скрипичного мира, такими как Леонид Коган, Игорь Безродный или же Марк Лубоцкий. Ведущая задала довольно жестокий вопрос: «Как сложилась, на Ваш взгляд, Ваша судьба по сравнению с этими известными далеко за пределами страны музыкантами?» Гость с достоинством ответил: *«Да, обстоятельства были против меня. Ранняя смерть матери, потом эвакуация и невозможность продолжать начатое образование у выдающегося педагога. Может быть, в силу каких-то свойств своего характера — недостатка воли, упорства, малого трудолюбия и целеустремленности в молодые годы (мне все легко давалось), я не смог выйти на ту дорогу, по которой пошли мои товарищи, став большими музыкантами. Да, может быть, я лишен их успеха, славы, с одной стороны — в масштабе своих товарищей я должен считать себя неудачником. А с другой стороны, не имея их трибуны, звания, я ведь все равно играю для людей, держу в руках скрипку Гварнери. Я выхожу на сцены концертных залов, слышу аплодисменты, оценивающие мой труд. Я доволен своей судьбой и с удовольствием работаю»* [49].

А работал Леонид Мессман в разных городах Советского Союза. И везде был в центре внимания как скрипач ярчайшего дарования. Не случайно рассказывали, что еще в 1934 году, когда в СССР приезжал всемирно известный скрипач Яша Хейфец, ему показали Леонида Когана и Леню Мессмана, причем именно последний получил особую похвалу [50]. Как бы то ни было — факт, что в Иркутске он сделался особой фигурой в музыкальной жизни города.

Здесь Мессман стал концертмейстером симфонического оркестра. Незабвенный иркутский музыковед Владимир Сухиненко отмечал: *«Мессман ценен как великодушный вожак. Его бурный темперамент, артистическая одержимость помогают коллективу бороться за столь же высокую “эмоциональную эмиссию”. Но не только в этом ценность артиста. Он умеет заставить штудировать всякого. Он слышит малейшую погрешность»* [51].

Много выступал Леонид Мессман и как солист. Он с блеском сыграл ряд концертов для скрипки с оркестром. Исполнял и немало камерных сочинений. Этому виртуозу была подвластна, кажется, любая скрипичная музыка: Грига, Сарасате, Сен-Санса, Дворжака, Мендельсона, Венявского, Чайковского, Хачатуряна и других авторов. Исполнял он и собственные переложения для скрипки таких сочинений как, например, «Баркарола» Чайковского или ария Канио из оперы «Паяцы» Леонкавалло. О том, насколько велик был диапазон возможностей Мессмана, свидетельствует то, что он сообщал в одном из писем после того, как сдал хударуку филармонии Спартаку Тэмпу репертуарный список: *«Сдал сегодня Тэмпу свой рабочий репертуар. Оказалось 25 названий произведений с оркестром и около сотни лекторийно-камерных»* [52].

Мессман был знаком со многими музыкальными деятелями страны. Некоторые из них бывали гостями его иркутской квартиры. Так, читая воспоминания

о скрипаче, можно встретить информацию, что сюда приходил тогда еще юный красноярский вокалист Дима Хворостовский. В другой раз гостем стал известный всей стране композитор Микаэл Таривердиев [53].

А иркутская публика боготворила Мессмана. При этом многие коллеги и филармоническое начальство не любили его безапелляционную прямоту суждений. Сначала музыканта «отлучили» от оркестра, переведя лишь на участие в лекторийных концертах. А 7 мая 1987 года он должен был играть перед аттестационной комиссией, поскольку без диплома о консерваторском образовании формально его квалификация была расценена начальством как требующая проверки. Сложный моральный климат и буря, поднявшаяся в душе музыканта, сделали свое дело: он умер прямо на сцене Органного зала непосредственно перед своими «судьями». Возлюбленная скрипача Алла Макаренко вспоминала: *«Он пришёл к девяти утра, как его вызывали. Прослушивали его в четыре часа дня. Часа за два до того, как он вышел на сцену, я прибежала к нему. А у него после этого должен был быть концерт для почтовых работников. И он боялся туда опоздать, а потому просил не делать перерыв. Но когда он сыграл сонату Грига, вдруг встала директор филармонии и сказала: “Перерыв”. Леонид Владимирович ответил: “Я же просил не делать”. Она отрезала: “Мы устали слушать”. И члены комиссии ушли. Я прибежала к Леониду Владимировичу. А у него такие огромные капли пота, никогда таких не видела! Надо заметить, он решительный был человек. Не стал ждать администрацию, вышел на сцену и стал играть Крейцерову сонату. А публика постепенно подтягивалась в зал. Но он немного не доиграл. Стал падать. Успел только положить скрипку на стул»* [54]. Когда печать поведала о случившемся, иркутяне были просто в шоке. Нет надобности говорить, что и соседи были потрясены произошедшим...

Со дня этой нелепой трагедии прошло уже тридцать семь лет. Еще в 2002 году Вероника Климова, автор одной из газетных статей о Леониде Мессмане [55], уверяла, что «многие известные иркутяне» хотели бы видеть на доме, где он жил, мемориальную доску. Ее все еще нет и наверное не будет. Но самое главное — осталась светлая память о том, какого масштаба личность обитала в этих стенах...

«Заботится, будто о родных»

Некоторым соседям Константин Брадинский казался несколько отстраненным человеком. Он не был шумным, отличался сдержанностью и внешним тактом. Разумеется, в доме было известно, что это очень уважаемый в городе врач-онколог, но практически никто не знал, насколько многогранная перед ним натура. Сведения, собранные из различных источников, свидетельствуют о крайней неординарности персоны Брадинского.

Константин Игнатьевич появился на свет в 1922 году в селе Апраксино Куйтунского района. Девятнадцатилетним пареньком ушел он на фронт и прошел всю Великую Отечественную войну. Награждался орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией». Уже сам по себе перечень наград впечатляет. Но еще больше впечатляют сведения, которые стали доступны благодаря публикации наградных документов Брадинского на портале «Память народа».

Вчитаемся в скудные строки, за которыми, тем не менее, стоит история лич-

ностного подвига. В представлении к ордену Красного Знамени сказано, что в бою, происходившем в ночь на 23 сентября 1942 года, Константин Брадинский «под ружейно-пулеметным огнем противника в трудных условиях боя, непосредственно в бою, перевязывал раненых, оказывал помощь и одновременно помогал огнем винтовки бойцам, пристрелив 4-х немцев». В конечном итоге в ту ночь он смог вынести с поля боя 32 раненых, среди которых были и «3 средних командира с оружием» [56].

Еще более примечательно представление к ордену Красной Звезды, из которого можно узнать, что деятельность в качестве санинструктора Брадинский сочетал с работой кадрового разведчика. Например, сообщается, что в период с 20 января по 3 февраля 1943 года он находился в глубоком тылу противника. Отмечается и еще одна интересная деталь: отправляясь на менее продолжительные задания как разведчик, этот чуткий человек не единожды находил возможность еще и выносить раненых с поля боя! А вот уже и строки из представления к медали «За отвагу»: *«Действуя в группе Портнягина, тов. Брадинский уничтожил одного немца, а другого захватил живого. На личном счету тов. Брадинский имеет 2 уничтоженных ДЗОТа, до 30 убитых и 23 пленных. В разведке ведет себя очень смело и отважно, среди бойцов пользуется заслуженной славой»* [57].

И, наконец, особо впечатляет то, что рассказано в представлении к ордену Отечественной войны: *«Тов. Брадинский в ночь на 20.XI.1943 г., действуя в группе захвата, первый ворвался в окоп противника, застрелил 2-х немцев и одного взял в плен. [В ночь] с 10 на 11 августа с группой 8 человек ворвался в расположение п[ротивни]ка в г. Чугуев и внезапно напал на штаб немецкого батальона. Истребив 13 немцев, он ворвался в штаб. Захватив ценные документы, он без потерь вернулся в свое подразделение. В ночь на 6.9.43 г. с развед[ывательной] группой ворвался в опорный пункт п[ротивни]ка — совхоз «Красный гигант». Выбив п[ротивни]ка из опорного пункта, он прочно закрепился на занятом рубеже. За день тов. Брадинский со своей группой отбил 4 атаки п[ротивни]ка. В этот день тов. Брадинский лично уничтожил 2 мотоцикла и истребил 7 гитлеровцев. В ночь на 26.09.43 г. он первый бесшумно форсировал р. Днепр в районе с. Сошиновка и ворвался в расположение п[ротивни]ка, завязал сильный бой и после стремительного натиска выбил немцев с занимаемых позиций. В этой операции тов. Брадинский лично забросал гранатами две пулеметных точки п[ротивни]ка вместе с их расчетами. В этот день он истребил 11 немецких солдат»* [58].

Заметим, что всю войну прошел и старший брат Константина Игнатьевича — Виктор. Отважный летчик, он имел еще более впечатляющее количество наград: в годы войны получил 4 ордена Красного Знамени и орден Отечественной войны I степени, к которым в период последующей службы добавились еще один орден Красного Знамени и 2 ордена Красной Звезды. Брадинский-старший участвовал в Параде Победы. Правда, после войны Виктор Игнатьевич остался жить в Риге [59]. Зато герой нашего рассказа вернулся в родные места. Уже успешно зарекомендовав себя в качестве военного врача, Константин Брадинский теперь смог стать дипломированным специалистом: окончил Иркутский мединститут.

Его дальнейшая профессиональная деятельность была связана с Иркутским областным онкологическим диспансером. Здесь Брадинский зарекомендовал себя как хирург высочайшего класса. Он стал одним из ведущих специалистов учреждения, создателем целого отделения. Работе Константин Игнатьевич без преувеличения отдавал всего себя. Нет смысла говорить, что профиль деятельности был

крайне сложен: далеко не всегда можно помочь пациентам. Но герой нашего повествования старался сделать все возможное, переживая трагедию больного как свою собственную. Временами жена Екатерина, являвшаяся одним из ведущих минералогов Иргиредмета, по нескольку дней не видела дома своего мужа.

Показательны воспоминания Елены Ивановны Громовой, близко знавшей семью Брадинских: *«Костя — это был врач от Бога. Он прооперирует и не уходит домой. Ночует там, выхаживает того, кого он оперировал. А мы работаем, Катю позвонит к телефону: Костя звонит, что не придет домой ночевать. Она сердится, но сама все понимает в душе: знает, что он всегда о пациентах заботится, будто о родных»* [60]. А на страницах «Восточно-Сибирской правды» за 1963 год можно найти и фрагмент следующего письма, пришедшего в редакцию из Усолья-Сибирского от человека, лишь незадолго до того покинувшего диспансер: *«Тяжелой была борьба за жизнь. Но, когда мне было плохо, я в любое время дня и ночи видел возле себя хирурга Иркутского онкологического диспансера К.И. Брадинского. Это помогло мне, давало новые силы, рождало веру в возможность жить»* [61].

Невозможно умолчать и о том, что наряду с подлинным служением делу здравоохранения Константин Брадинский много сил и времени отдавал занятиям садоводством. По воспоминаниям Елены Громовой, на даче он вырастил потрясающий цветник, а рядом с онкодиспансером именно по его инициативе появился красивый сквер. Обладая хорошим слогом, Константин Брадинский несколько раз выступал как автор газетных материалов, один из которых, вышедший 25 августа 1981 года в газете «Советская молодежь», как раз и был посвящен упомянутому скверу. С удивительной сердечностью описывает автор хлопоты по производству посадок. Делится и огорчениями, связанными с тем, что далеко не все иркутяне разделяют бережное отношение к насаждениям. С болью Брадинский повествует о том, как в одну из майских ночей из их садика украли цветущий куст белой сирени. Поднимает он и общие вопросы: *«Разве редки случаи, когда, получив квартиру в благоустроенном доме, люди не хотят ухаживать за деревьями, которые посадили строители. Груши, яблоньки, выращенные в питомниках до двух-четырёхметровой высоты, погибают из-за того, что их вовремя не полили»* [62].

Еще раньше на страницах названной газеты Константин Игнатъевич делился опытом по выращиванию огурцов [63]. Но особенное внимание привлекает небольшая заметка периода активного строительства БАМа. В ней Брадинский ратует за то, чтобы молодым строителям больше разясняли, какие богатства таит сибирская природа. Он рассказывает, как надо заготавливать ягоды. Автор заметки отмечает: *«Научить человека, приехавшего к нам, в Восточную Сибирь, из европейской части страны, умело, по-хозяйски использовать эти таежные богатства очень важно. Общение с природой, не хищническое, но целесообразное использование даров тайги, помогает быстрее акклиматизироваться в наших условиях, повышает работоспособность»* [64]. Таким образом, можно видеть, как воедино соединяются мышление профессионального врача и чувства человека, горячо ценившего родную природу.

Последнее газетное упоминание имени Брадинского находим в номере «Советской молодежи» за 25 января 1997 года в колонке, где ветеранов войны и труда поздравляют с юбилеями [65]. В том же году Константина Игнатъевича не стало. Но даже сейчас, обобщая материал об этом человеке, явственно ощущаешь теплоту его большого сердца!

Безумное число историй

За девяносто лет жизни дома в его стенах произошло немало интересного. И, воскрешая многие детали, понимаешь, что историю жилого строения образуют самые разные вещи. Это и внутреннее устройство дома, и планировка двора, и взаимоотношения соседей... А самое главное: даже совсем не знаменитые люди могут быть поистине интересны!

Сколько всего сменилось жильцов в стенах дома 5-й Армии, 48? В общей сложности — не одна сотня. Ведь даже строился он как 27-квартирный. А после реконструкции 1951 года появился подъезд еще на двенадцать квартир. И теперь в доме число квартир равнялось уже сорока одной. Человек, знающий элементарные арифметические правила, здесь должен сильно призадуматься. Ведь 27 и 12 в сумме дают 39. Откуда берутся еще две квартиры, явно появившиеся в старой части здания? На ответ наталкивает уникальный документ, совершенно случайно оставшийся среди бумаг моей бабушки. Это перечень изданий, которые планировала выписать на 1948 год библиотека Иргиредмета, расположенная по адресу 5-й Армии, 48 [66]. Таким образом, вывод можно сделать следующий: пока не было построено величественное здание института на набережной, площадей для нужд учреждения не хватало. И в жилом ведомственном доме находились не только квартиры! Согласитесь, факт довольно интересный. Но это еще не все.

Когда в 1951 году была построена новая часть здания, благоустроили и территорию двора, разбив сквер. А в нем установили бюст Сталина. Когда так называемый «культ личности» подвергся осуждению, на это место приехал новый бюст — Ленина. Он простоял до самой перестройки. А потом пустой пьедестал еще очень долго «украшал» двор. Вместо Ленина на нем уже в мою бытность водрузили самую настоящую бетонную... мусорницу. Спросите, зачем? Хотели туда посадить цветы. Вот только ни разу этого не сделали. «Памятник мусорнице» исчез лишь при ремонте двора в 2009 году. Мне же все время хотелось узнать, а как выглядел изначальный бюст Сталина. Последний, по словам бабушки, был не один, а еще держал в объятиях бурятскую девочку Гелю Маркизову. Лишь недавно Вера Яковлевна Лебедева, узнав о моем желании, подарила мне фотографию 1955 года, где сидит на фоне этого дворового памятника вместе со своей подружкой.

Двор всегда был связан с безумным числом историй. Здесь росли, играли, влюблялись, отмечали праздники... Один из наиболее интересных снимков, запечатлевших наш двор в далекие годы, сделан 1 сентября 1957 года. На фотографии — огромное количество школьников. Если говорить конкретно, то их двадцать два, а с ними вместе еще два дошкольника, вертевшихся рядом и заснятых заодно. Все ребята — жители дома! В тот день моя мама пошла «в первый раз в первый класс». Вот что она рассказывает об этом: *«Нас тогда в первый класс пошло одиннадцать ребят со двора. И причем на снимке дворовой линейки еще не все школьники, что жили в доме. Несколько ребят отсутствует. Но главное, что запечатлели это мероприятие. История его такова. Это было воскресенье. И в школах линейки назначили на второе сентября. А первого собрали ребят во дворе. Можно видеть, что все с букетами. Это цветы, выросшие прямо во дворе! В центре нашего скверика была большая круглая клумба. За этой клумбой внимательно следила жительница нашего дома Валентина Кабакова. И нам, детям, доверяли эту клумбу пропалывать, что позиционировалось как почетное право. Все очень хотели отметиться. Так детей приучали к труду. Когда же мы пошли в школу — с этой клумбы нам нарезали большие букеты»* [67].

А вот что рассказывает о жизни юных обитателей двора середины прошлого века Вера Лебедева: *«Главными дворовыми хулиганами были Марик и Яник Крутеры, неуемная энергия которых постоянно меняла полюс от плюса к минусу. Однажды в период затяжного позитивизма Марик и Яник попытались организовать во дворе что-то вроде коммуны. Утром все дети выходили во двор на зарядку по сигналу горна, потом бежали на Ангару умываться, потом что-то организованно делали. Была даже мысль создать в подвале библиотеку и красный уголок. Коммуна просуществовала дня три, а потом победила мудрая лень...»* [68].

И все же активность молодого поколения добралась и до упомянутого подвала дома: как вспоминает Владислав Семенов, там стали играть в настольный теннис [69]. А вот что повествует о тех же далеких годах представитель уже взрослого на тот момент поколения Елена Громова: *«Хранили картошку там в подвале. И однажды мы с Лелей Костюковой пришли набирать картошку. Так там какая-то чурка была, а света не было. Со свечкой пришли. Леля поставила ее на чурку. Я говорю: “Леля, убери эту свечку в другое место”. Она в ответ: “Ну, эта чурка никогда не загорится”. Ну вот, набрали картошку, ушли. А потом, оказывается, чурка затлела. Она огня не дала, а давала дым. Это под квартирой Глотова и Крестьянинова. Они вызвали аварийку. Никто не спустился туда ведь, не посмотрел, в чем дело. Ну что сразу аварийку вызвали?! А нас потом оштрафовали. И еще долго поджигательницами звали в доме!»* [70].

Выше я уже сказал о том, что даже совсем не знаменитые обитатели двора представляют интерес, в том числе и исторический. Об этом думаешь, например, когда слушаешь рассказы здешних старожилов о дворнике Кашафетине Шахабутдинове. Сначала он работал в Ирригиредмете, причем на самой черной работе. Техника безопасности тогда была минимальна! Дедушка мне рассказывал, как энергично этот сильный человек перекидывал во дворе института лопатой радиоактивную руду. Здоровье у Шахабутдинова было, видимо, невероятно крепкое, ведь прожил он более девяноста лет. Последние десятилетия жизни служил дворником. Двор при нем был очень чистый. Но это еще не все. Параллельно Кашак, как звали его соседи, поливал из шланга вышеупомянутую крутлую клумбу. А еще гонял мальчишек, если не в меру шалили. Иногда поливал их для острастки из своего шланга.

Каждое поколение, выросшее во дворе, сохранило какие-то уникальные воспоминания о связанных с ним любопытных моментах. Так Ольга Меркурьева, жительница соседнего дома, тоже много времени проводила здесь и запомнила многих наших обитателей восьмидесятых годов. Она вспоминает, как в детстве ее впечатляла старушка «в очках с черными линзами и с зонтиком», казавшаяся человеком из позапрошлого века [71]. Речь о Сире Николаевне Петковой. У меня есть пара ее фотографий и свидетельство о смерти этой женщины. Причина в том, что долгие годы она дружила с нашей семьей. Многим соседям Петкова казалась странной, тем более, что манеры ее и вправду были довольно оригинальны. По факту же это был одинокий, но очень добрый человек. Свою нерастрченную нежность Сира Николаевна отдавала голубям, которых постоянно кормила во дворе. Замечу, что наша семья очень долго жила в коммуналке, причем уже тогда, когда в доме подобных квартир осталось сравнительно немного. И именно Петкова помогла в 1978 году совершить долгожданный размен, позволивший отселить соседей. Все это она совершала не из корысти: просто чувствовала потребность о ком-то заботиться. А мои родные относились к ней тепло. И она отплатила добром. Сама же вплоть до самой смерти так и жила в коммуналке!

Как человек, чье детство прошло уже в девяностые, ни Шахабутдинова, ни Петковой я не застал, но помню многих обитателей двора, которых уже сегодня нет. Не обязательно впечатления были приятными, но ведь только так и познается жизнь. И вот наглядный пример. Жил в нашем подъезде старик. Про него говорили, что когда-то он был преподавателем заочной высшей партшколы. Теперь же являлся совершенно опустившимся существом, рождавшим в детском сознании неимоверное омерзение. Одет этот человек был неопрятно. Седые волосы неизменно торчали в разные стороны, безумные глаза горели каким-то недобрым блеском. С ним вместе жил уже взрослый сын лет сорока, находившийся в состоянии «вечного детства». От одних слышал, что старик пьет много лет, и именно по этой причине у него родился подобный ребенок. Другие считали, что отец не виноват, и просто мальчик в возрасте восьми лет тяжело переболел. Но эти два колоритных персонажа ярко врезались в мою память!

В качестве примера совсем не знаменитого, но крайне интересного в общении человека мне бы хотелось вспомнить одну из обитательниц двора. Речь о Любови Александровне Толстовой. Поскольку я с детства интересовался историей, то в совсем еще юном возрасте с удовольствием слушал ее рассказы. С огромной теплотой повествовала она о своей приемной матери. Последняя в период, когда окончилась Гражданская война, искала средство заработать, ведь жилось крайне голодно. И вот появилась возможность устроиться в тюрьму то ли уборщицей, то ли кем-то вроде того. В этот момент в стенах каземата сидела Анна Васильевна Тимирёва, добровольно пошедшая туда вслед за возлюбленным — Александром Колчаком. Любовь Александровна говорила: «Мама все время говорила, как она благодарна Тимиревой за то, что та очень тепло к ней относилась и научила ее шить».

Детство же бабы Любы, как звал я Любовь Александровну, прошло около знаменитого Сукачевского сада в двухэтажном деревянном доме, стоявшем позади Казанского кафедрального собора. «И как можно было такую красоту взорвать!» — негодовала она. Хотя собор разрушили, когда девочке было всего три года, как светлый сон запомнила она на всю жизнь этот красивый храм в лучах закатного солнца! А Любовь Александровна продолжала рассказывать: «Сколько в Сукачевском саду было сирени! Всех цветов. Сиреневая, розоватая, синеватая, белая, желтая, ярко-фиолетовая. Потом сад пришел в запустение. И когда сооружали Вечный Огонь — все в одну ночь вырубили. А надо было всего лишь расчистить парк, омолодить кусты. Они бы очень хорошо украсили территорию вокруг мемориала». Баба Люба кем только не работала в жизни! Знаю, что долго была нянечкой в больнице, потом торговала цветами. Но особо любила говорить о том, как уже в пенсионном возрасте поработала в питомнике, где было много ее любимой сирени. И ведь оттуда она принесла во двор немало породистых саженцев!

А еще у бабы Любы был целый зверинец: черный кот с лаконичным именем Котя, также черная кошка Муся, маленькая рыжая собачка Лина и огромный дог Лорд. Меня лично в детстве особо впечатлял Котя. Говорили, что он жестоко бьет всех котов в округе. Помню, он очень гордо проходил по двору, несмотря на то, что имел несколько увечный вид: в какой-то битве лишился хвоста. Кончилось все печально: баба Люба нашла труп Коти в мешке в мусорном баке. Сейчас же прошло уже 14 лет, как нет и его хозяйки. Но кусты сирени, посаженные ею, растут во дворе!

Очень много можно рассказать о доме. Охватить все попросту невозможно. Тем более, история этого здания продолжается день ото дня. Конечно, меняется

время. С ним вместе меняются и дом, и двор. Это необратимый процесс. Но думается, что история жизни одного из старейших многоквартирных домов Иркутска не может быть попросту выброшена «с корабля современности». Ведь это часть единой большой истории города и даже страны. А для жителей дома его прошлое может быть своеобразным средством самопозиционирования, совершенно резонансным поводом для гордости!

Литература:

1. Ивойлов А.С. Роль и участие института «Иргиредмет» в развитии цветной металлургии в Сибири: доклад на юбилейном заседании НТС 4 ноября 1957 г. / А.С. Ивойлов. — Иркутск: машинопись, 1957. — С. 6 // Архив автора.
2. Б. Забайкальский. Свайные постройки / Б. Забайкальский // Восточно-Сибирская правда. — 1934. — 2 июня. — С. 2.
3. Изолировать хулигана // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 23 июля. — С. 4.
4. Хмелев Н. Выборы прошли по-семейному / Н. Хмелев // Восточно-Сибирская правда. — 1937. — 8 апр. — С. 2.
5. Горощенова О.А. Иргиредмет. 150 золотых лет / О.А. Горощенова. — Иркутск: Изд-во АО «Иргиредмет», 2021. — С. 92-93.
6. Воспоминания Е.И. Громовой: аудиозапись. Иркутск. 16 июля 2023 г. // Архив автора.
7. Кожевина Г. Агитатор / Г. Кожевина // Восточно-Сибирская правда. — 1941. — 17 авг. — С. 3.
8. 100 лет на службе цветной металлургии: краткая история Иргиредмета / под ред. Р.Л. Тимошенко. — Иркутск: Типография №1 Иркутского областного управления по печати, 1971. — С. 56.
9. Воспоминания Н.А. Колокольниковой: аудиозапись. Иркутск. 4 ноября 2023 г. // Архив автора.
10. Список абонентов Иркутской городской телефонной станции. — Иркутск: Типография №1 Иркутского областного управления по печати, 1967. — С. 120.
11. Воспоминания Т.Т. Панжиной: из телефонной беседы. Иркутск. 23 июля 2023 г. // Архив автора.
12. 100 лет на службе цветной металлургии. С. 28.
13. Воспоминания Е.И. Громовой.
14. Там же.
15. Ломовцева Р.П. Дневник преддипломных экспериментов / Р.П. Ломовцева. — Иркутск: рукопись, осень 1945 г. // Архив автора.
16. Колокольникова Р.П. Спектрографическое определение ниобия и тантала в продуктах обогащения руд / Р.П. Колокольникова, Я.Д. Райхбаум // Иркутский научно-исследовательский институт редких металлов. Сборник научных трудов. Вып. 8. — М.: Государственное научно-техническое издательство литературы по черной и цветной металлургии, 1959. — С. 5-12.
17. Ивойлов А.С. Отзыв о дипломной работе студента физико-математического факультета Иркутского гос. университета Колокольникова А.А. «Рентгено-спектральное количественное определение тантала» / А.С. Ивойлов. — Иркутск: машинопись, 1948. — 3 с. // Архив автора.

18. Справка Регионального Управления ФСБ РФ по Иркутской области 9/3-К-295(18091) от 29.03.2002 // Архив автора.
19. Письмо А.А. Колокольникова к Р.П. Колокольниковой. Москва. 4 июня 1952 г. // Архив автора.
20. Письмо Р.П. Колокольниковой к А.А. Колокольникову. Иркутск. 28 мая 1952 г. // Архив автора.
21. Характеристика Колокольникова Арсения Александровича. 28.V.1952 // Архив автора.
22. Райхбаум М.Е. О бабушке доброе слово / М.Е. Райхбаум // Какого я рода-племени: под ред. Ю.П. Лыхина. — Иркутск: Репроцентр А1, 2016. — С. 203-219.
23. Письмо А.А. Колокольникова к Р.П. Колокольниковой. Москва. 2 июня 1952 г. // Архив автора.
24. Воспоминания Н.А. Колокольниковой.
25. 100 лет на службе цветной металлургии. С. 27.
26. Там же. С. 40.
27. Яков Давидович Райхбаум: к 100-летию со дня рождения. — Иркутск: Институт геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН, 2013. — 39 с.
28. Лебедева В.Я. «Пятая Армия, 48, кв. 8»: воспоминания / В.Я. Лебедева. — Иркутск: рукопись, 2023. — С. 4-6. // Архив автора.
29. 100 лет на службе цветной металлургии. С. 21.
30. Воспоминания С.Н. Игнатьевой: аудиозапись. Иркутск. 7 августа 2023 г. // Архив автора.
31. 100 лет на службе цветной металлургии. С. 38.
32. Иргиредмет. Золотые годы, золотые люди: под ред. О.А. Горощеновой. — Иркутск: АО «Иргиредмет», 2021. — С. 205-223.
33. Иркутский государственный университет: Ректоры. Деканы. Профессора. — Иркутск: Агентство «КП-Байкал», изд-во ИГУ, 1998. — С. 11-12.
34. Лебедева В.Я. Указ. соч. С. 18.
35. Ивойлов А.С. Указ. доклад. С. 16.
36. 100 лет на службе цветной металлургии. С. 42.
37. Горощенова О.А. Иргиредмет. 150 золотых лет. С. 63.
38. Копия диплома И.В. Чипанина о высшем образовании. 1936 г. // Личный архив Е.В. Батюниной (Иркутск).
39. Ивойлов А.С. Характеристика на тов. Чипанина Игоря Васильевича / А.С. Ивойлов. — Иркутск: машинопись, 1956. — С. 2. // Архив автора.
40. Гладков В.Г. Старейшина сибирских обогатителей / В.Г. Гладков. — Иркутск: машинопись, 1970. — С. 5. // Архив автора.
41. Воспоминания Е.В. Батюниной: аудиозапись. Иркутск. 17 ноября 2023 г. // Архив автора.
42. Воспоминания Н.А. Колокольниковой.
43. Воспоминания Е.В. Батюниной.
44. Воспоминания Т.Т. Панжиной.
45. Лебедева В.Я. Указ. соч. С. 20.
46. Башкатов В.В.: некролог // Восточно-Сибирская правда. — 2001. — 29 авг. — С. 4.
47. Сколяров А. Отчеты депутатов / А. Сколяров // Восточно-Сибирская правда. — 1948. — 6 нояб. — С. 3.
48. Шаевич С.Б. Минер ошибается только один раз / С.Б. Шаевич // Сквозь

годы боевые. — Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2000. — С. 413-417.

49. Телецикл «Творческие встречи». Встреча с Леонидом Мессманом: сценарный план передачи Иркутской студии телевидения. 1976 г. [копия] // Архив автора.

50. Воспоминания И.А. Лапиньша: аудиозапись. 1 мая 2012 г. // Архив автора.

51. Сухиненко В. Родник звуков / В. Сухиненко // Восточно-Сибирская правда. — 1969. — 29 янв. — С. 3.

52. Письмо Л.В. Мессмана к А.М. Макаренко. Иркутск. 14 июня 1978 г. // Личный архив В. Макаренко (Москва).

53. Шевелев Ю. Внук скрипача / Ю. Шевелев // Байкальские вести. — 2018. — 4 сент.

54. Воспоминания А.М. Макаренко: аудиозапись. 17 апреля 2012 г. // Архив автора.

55. Климова В. Жизнь и смерть Леонида Мессмана / В. Климова // Канал 007. — 2002. — 20 мая.

56. Брадинский Константин Игнатъевич // Память народа: ramyat-naroda.ru.

57. Там же.

58. Там же.

59. Говорин И. Солдаты Победы / И. Говорин, А. Сутормин // Восточно-Сибирская правда. — 1985. — 23 июня. — С. 3.

60. Воспоминания Е.И. Громовой.

61. Шварц Е. О долге врача: по письмам в редакцию / Е. Шварц // Восточно-Сибирская правда. — 1963. — 21 мая. — С. 3.

62. Брадинский К. Там, где был пустырь / К. Брадинский // Советская молодежь. — 1981. — 25 авг. — С. 2.

63. Брадинский К. Как выращивать огурцы / К. Брадинский // Советская молодежь. — 1977. — 20 мая. — С. 4.

64. Брадинский К. Дары сибирской природы — строителям БАМа // Советская молодежь. — 1977. — 19 авг. — С. 4.

65. Поздравляем ветеранов войны и труда // Советская молодежь. — 1997. — 25 янв. — С. 3.

66. Список газет и журналов для библиотеки Ирриредмета на 1948 г. // Архив автора.

67. Воспоминания Н.А. Колокольниковой.

68. Лебедева В.Я. Указ. соч. С. 12.

69. Покоева И. Накрыли столы в центре города / И. Покоева // Иркутск. — 2023. — 23 авг. — С. 5, 14.

70. Воспоминания Е.И. Громовой.

71. Покоева И. Указ. статья.

Исток Ангары — ворота Байкала

Вся моя жизнь прошла на Байкале у истока Ангары. Места наши суровы, но о других я никогда не мечтала, да и вряд ли смогла бы жить в чужой стороне и привыкнуть к новым, пусть даже райским уголкам.

Море и река моей жизни... Сказать, что они сказочно красивы — это сказать слишком мало. Не хватит слов, чтобы выразить ими байкало-ангарскую неповторимую красу и мощь. Можно часами сидеть на берегу или на крутой горе и не отрываясь смотреть, как, набирая скорость, Ангара уходит от Байкала, отправляясь в головокружительный по дальности путь.

Раньше была возможность подняться по гулкой винтовой лестнице на маяк, стоящий на крутой горе, и с большой высоты смотреть на море, на горы, на небо. Маяк этот больше ста лет назад был привезён сюда из Англии, откуда доставили и знаменитый паром-ледокол «Байкал». Маяк долгое время посылал свой свет ледоколу и другим судам, указывал им в черноте ночей и в туманах путь к родной гавани. Теперь же этот маяк, наше байкальское чудо, закрыт на замок, а на самом его верху установлена антенна.

Весной, когда оттаивает земля, в горах над истоком царствует переменчивое разноцветье: розовый багульник, синие медуницы, жёлтые подснежники, ярко-оранжевый огонь жарков. Не перестают цвести горы и летом. Небесными островками в зелени травы голубеют незабудки, покачиваются от ангарского ветра синеголовые колокольчики, смотрят на мир жёлтыми глазами яркие марьяны коренья, сияют белизной маки и ромашки, розовеет пахучий чабрец, желтеют солнцем заросли донника... Сентябрь дарует глазу праздник души. Осеннее многоцветное пламя охватывает леса и поляны и вызывает в душе восторг и желание смотреть и смотреть на нарядные деревья и травы...

Но вот наряды сорваны ветром, лес становится голым и ждёт снега. Обычно ждать его приходится недолго, и забелённые горы погружаются в сон, а наше озеро-море ещё долго борется за свободу и свою бурную жизнь, но и оно в январе покрывается льдами, сверкающими под солнцем устремлёнными в небо торосами.

Исток зимой не замерзает. И, если нет испарений, которые здесь часты, с горы хорошо видно границу воды и льда. Кажется, что люди переходят исток по самому краю белеющей кромки и вот-вот окажутся в тёмной воде. Но на самом деле расстояние от пешеходов до воды не такое малое, как кажется издали.

Для многих путешественников путь к Байкалу начинается из Иркутска и протекает вдоль Ангары. Сколько раз в автобусах и на теплоходах наблюдала я за тем, как люди, предвкушая момент первой встречи с сибирским морем, всматриваются в узкую полосу байкальской воды и в далёкие пики Хамар-Дабана, с волнением смотрят в окна: сейчас он откроется. Каким он будет? Как встретит? Совпадёт ли с представлениями о нём? И с нетерпением ждут, когда две горы у истока, закрывающие, как крепкие ворота, вид на море, наконец, останутся позади и откроется Байкал. И вот он открывается. Если нет тумана — то во всю ширь. А вот во всю даль открыться не может, так как даль огромная — 636 километров! С нашего истока можно увидеть относительно небольшой водный участок, простирающийся между мысами Берёзовый и Бакланий.

Признаюсь, даже завидовала туристам, впервые попавшим в наши края, когда они вставали, прилипали к окнам и издавали возгласы восторга, увидев Святое море, окружённое Святыми горами...

Нашими удивительно красивыми местами издавна восхищались, их изучали, их рисовали, о них писали. Сколько интересных людей прошли, проехали, проплыли через исток Ангары, направляясь к восточной части Байкала или, наоборот, с восточной стороны переплывали к нам, а дальше направлялись в Иркутск! Жаль, что в очерке можно рассказать лишь о немногих...

Первым дал описание наших краёв замечательный художник слова протопоп Аввакум. Он побывал у нас дважды, проезжая-проходя в 1657 году в даурскую ссылку вместе с экспедицией в 420 казаков, возглавляемых воеводой Афанасием Пашковым, и на обратном пути, возвращаясь из ссылки в 1662 году. Путь Аввакума Петрова был тяжёл: он с женой и детьми преодолел тысячи вёрст, плыл на дощаниках, шёл пешком. Он замерзал, тонул, его до полусмерти избивал воевода Пашков, но он выдержал все испытания.

В «Житии» протопоп не рассказал о том, как в мае 1657 года переправились они на другой берег. Не рассказал он и какой была первая встреча с Байкалом. Но её попытался представить иркутский писатель Глеб Пакулов, живший у истока на даче в 70–90-е годы XX века. Его дача большими окнами, украшенными резьбой, смотрела на исток, на Лиственничный залив, на Шаман-камень. Он часто рыбачил с лодки на Ангаре и, наверное, не раз представлял проплывающий в этих местах в далёком XVII веке дощаник любимого героя своего исторического романа «Гарь» — Аввакума. Вот отрывок из романа «Гарь»: «Чем ближе, то бродом по водам, то под парусами подтягивались суда к истоку, тем напористее становилось супротивное течение. Из последних сил протащились мимо огромной посередь реки скальной глыбы Шамана, стерегущего начальный избег из Байкала стремительной Ангары, и сразу, вдруг, пропало под днищами каменистое дно, как будто кто обрубил его, и суда, миновав тот отруб, зависли над бездной, исчерна-синей, непроглядной, с упрямой в пугающей глубине, мерцающей, колдовски манящей к себе солнечной отсветью. И ширина неоглядная, тихая и вся в искрах гладь морская, и много синего неба над головами присмирили, придавили к седушкам казаков. Изумлённые простором, они онемели, слышно было, как стекают с праздных, замерших над водой вёсел струйки воды. Чары с людей сорвал грохнувший пушечный выстрел: воевода Пашков приветствовал море. И люди ожили, враз вскрикнули, как встряхнутые от сна, заговорили, послышался отрадный смех. Дощаники плавно, как лебеди, выставив наполненные лёгким ветерком паруса-груди, заскользили вдоль берега, под нависшими диковинными скалами с кипящим в расщелинах цветущим багульником и совсем рядом лежащими на отполированных волнами каменных плитах нерпами: округло-тугие и пятнистые туши с чёрными, навыва-те, дивными глазами. Особо осторожные соскальзывали с лежищ и без всплеска уходили под воду, но скоро их любопытные головёнки выныривали по другую сторону дощаников, чихом отпрыскивали воду и, то уныривая, то вновь таращась на людей, долго сопровождали караван».

О второй встрече с Байкалом протопоп рассказал в своём «Житии» — бес-смертной книге, написанной в холодной яме заполярного города Пустозёрска. Аввакум поведал, как трудно проходила переправа через разбушевавшееся озеро. И несмотря на то, что путники чуть не утонули, что они «гребмя перегреблись» и что даже на берегу «востала буря ветреная» и не было спасения от огромных

волн, Байкал произвёл на протопопа большое впечатление. Он, художник, не смог забыть байкальские картины и с любовью воспроизвёл их в тёмной пустозёрской яме. И счастье, что строки не пропали, и знает их почти каждый. И всё-таки хочу их привести: «Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, — двадцеть тысяч верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, — больши романовскаго луковицы, и сладок зело. Там же растут и конопли богорасленные, а во дворах травы красныя и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем...».

Да, у нас на западной стороне озера вершины старых гор возносятся в небо скалы самых причудливых форм. Растительность, несмотря на крутизну гор и отсутствие благоприятной почвы, богатая. Правда, сейчас настало тяжёлое время, тысячи и тысячи людей бывают у нас каждый год, человек не бережёт природу, и многие растения занесены в Красную книгу. Птицы есть, в основном, чайки и утки, а вот лебеди в наших местах «яко снег» не плавают. И рыбы «зело» поубавилось...

Аввакум и Байкал. Оба сильные, неистовые, непредсказуемые. Наверное, им, крепким духом, суждено было встретиться...

Много раз приходилось мне видеть, как тихий, ласковый Байкал в мгновение ока превращается в гиганта, с рёвом мчащего волны. Успевай уноси ноги, а то несдобровать! Даже современные крепкие суда в штормовую погоду не выходят, а если и попадают в шторм, то торопятся укрыться в спасительной гавани. А какими хрупкими игрушками были для расвирепевшего Байкала дощаники! И не было возможности у протопопа и его спутников отсидеться в бухте. А значит, надо собрать всю волю в кулак, успокоить жену и детей и всем выстоять, переплыть бушующее море на утлых судах. И всю опасную дорогу, когда кругом (и даже наверху!) были волны, играющие дощаником, как щепочкой, надо думать не о себе. И всё получилось: они переплыли, они выстояли!..

В 1675 году по дороге в Китай побывал на истоке Ангары и проплыл по Байкалу учёный, дипломат, путешественник Николай Гаврилович Спафарий. Он исследовал новые для России земли, сделал первое подробное описание озера «от устья Ангары, которая течёт из Байкала, и опять до устья той же реки Ангары», перечислил реки, впадающие в озеро, сказал о его больших глубинах. Некоторые читатели могут быть удивлены словом «устье», когда речь идёт об истоке. Просто в давние времена исток реки тоже называли устьем.

Николай Гаврилович восхищался удивительным озером-морем, «великой пучиной», и считал несправедливым, что его не изучают, о нём не говорят и не пишут, а оно заслуживает пристального внимания и преклонения: «Байкал мощно называтися и морем, для того, что от него течет большая река Ангара и потом мешается со многими иными реками и с Енисеем, и вместе впадут в большое Окианское море; и для того мощно называтися морем, что мешается и с большим морем, и объезжати его кругом нельзя; также для того мощно называтися морем, что величина его в длину и в ширину и в глубину велика есть. А озером мощно называтися для того, что в нем вода пресная, а не соленая, и земнописатели тех озеров, которые в них вода не соленая, хотя великие, а не называют морем; однакожде

Байкала мощно называти и завидливу земнописателю морем потому, что длина его парусом бежати большим судном дней по десяти и по двенадцати и больше, какое погуде, а ширина его где шире, а где уже, менши суток не перебегают; а глубина его великая, потому что многожды мерили, сажень по сту и больше, а дна не сыщут, и то чинится оттого, что кругом Байкала везде лежат горы превысокия, и на которых летнею порою снег не тает».

А вот описание истока Ангары: «И сентября в 11-й день приехали к Байкальскому морю на усть реки Ангары, где течет Ангара река из Байкала, и по обе стороны усть реки Ангары горы великие каменные, высокие и лесные, а устье Ангары будет ширина больше версты; а из Байкала течет великою быстротою река Ангара, а из тех высоких гор видеть горы за Байкалом снежные и превысокие, и один край Байкала, который называют Култук, а другой край зело далеко, и не видеть; и нигде нет так узко в Байкале, как против устья Ангары; а при усть Ангары пристанищ нет, только все утес да камень, и одним словом рещи — зело страшно, наипаче тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что везде кругом обстоят горы превысокие, снежные и леса непроходимые, и утесы каменные. И у Байкальского моря стояли сентября до 12-го числа, для того что были ветры супротивные».

Итак, наше место в то далёкое время было необитаемым. Хотя в те годы уже была на истоке Усть-Морская пристань, которая спасала людей и корабли от байкальских штормов. Возле пристани был возведён монастырь святого Николая. На этом месте будет построен посёлок Никола.

В 1693 году в нашей Сибири побывал Избрант Идес, иностранный купец, укоренившийся в России. Он был отправлен во главе посольства с дипломатической миссией в Пекин. 1 марта 1693 года он выехал из Иркутска и только 10 марта добрался до Байкала. Озеро было замёрзшим, и по толстому скользкому льду, с которого мощные ветры выдули весь снег, он переехал на восточный берег, в Кабанье. Такую езду он назвал опасной и для лошадей, и для людей: «Имеется также много незамерзших полыней, опасных для путешественников, если они попадают в сильную бурю, так как коней, если у них нет острых подков, несет ветром с такой силой, что они не могут ни во что упереться и, скользя и падая на этом гладком льду, летят вперед с санями и иногда попадают в полыню. Так гибнут часто и лошади и люди. Во время бурь лед на озере трескается иногда с таким страшным шумом, как будто гремит сильный гром, причем нередко во льду образуются трещины в несколько саженей шириной, хотя через несколько часов лед может вновь стать сплошным». Также Избрант Идес говорит о том, что верблюдов, идущих в Китай, обувают в кожаные башмаки, которые подбивают чем-нибудь очень острым, а быкам к копытам прибавляют острые куски железа, чтобы они могли удержаться на скользком льду.

Когда Избрант Идес, выехав из монастыря святого Николая, добрался до Байкала, люди дали ему напутствие не называть Байкал озером — стоячей водой, а называть далаем — морем. Они говорили, что путники, пересекавшие Байкал и называвшие его озером, становились жертвами жесточайших штормов. Но послу суеверия показались смешными, он их ослушался и тем не менее прибыл на восточный берег при солнечной погоде. Только зря он назвал Байкал «стоячей водой», так как вода здесь живая, удивительно чистая, и живёт Байкал в отличие от других озёр десятки миллионов лет...

Шотландский врач Джон Белл в первой половине XVIII века посетил Персию, Китай и Турцию. В 1763 году он издал двухтомник с описанием своих путеше-

ствий. Книга до сих пор остаётся ценным источником российской истории. А для нас, байкальчан, она интересна ещё и тем, что в ней есть строки о наших местах.

Джон Белл побывал на Байкале в 1720 году. Приехал он к истоку Ангары 16 апреля. «В половине дня приехали мы к небольшой церкви во имя святого Чудотворца Николая, в которую путешествующие приходят молиться, — пишет Джон Белл. — В сем месте находится несколько рыбачьих хижин. При церкви находятся два монаха, которые поучают народ, и по временам получают от проезжающих небольшие подаяния. В сем месте нашли мы свои суда; оныя ожидали нас пониже водопадей Ангарских. Отсюда видно озеро, текущее между двумя каменными утесистыми горами и ударяющееся о большие камни, которые находятся по всей реке, имеющей ширину около Аглинския мили. Все дно сея реки, от устья озера до церкви святого Чудотворца Николая, наполнено камнем на целую милю. Нет здесь прохода и для малых судов, разве что по восточному берегу, да и сей путь очень узок и огражден с обеих сторон большими камнями. В самых глубоких здесь местах не будет больше воды, как на пять или шесть футов, и столько же ширины для проезда судового. Если случится по несчастию, что быстрина либо иной какой случай собьет с сего пути и кинет судно на камень, то разбивается оно в дребезги, и кладь невозвратно погибает. Вода, упавая на камни, производит столь же сильный шум, как и морския волны, так что не можно разслушать что говорят. Я не могу изъяснить ужаса, каким объёмлется человек при виде представляемых Природою предметов вокруг сего места. Я не думаю, чтоб еще было подобное оному место во свете. Кормщики и другие плователи по сему озеру говорят о нем со глубочайшим почтением и называют его Святым Морем. Название Святых придают они и окрестным онаго горам и очень досадуют, когда назовешь его просто озером. Рассказывают они при том повесть о некотором кормщике, который будто был наказан за то, что не называл его Святым: желая переехать оною осенью, был он и с грузом и с людьми бросаем из стороны в сторону через долгое время, так что увидел себя приведенна к тому, чтоб умереть голодною смертию или претерпеть кораблекрушение. Крайность принудила его наконец последовать обыкновению и взмолиться Святому морю и горам, чтоб они его помиловали. Молитвы его были услышаны, и он приехал благополучно к берегу: и после того времени всегда уже говорил о сем море с великим почтением».

В 1772 году побывал в Иркутске и на истоке Пётр Симон Паллас — один из самых замечательных людей своего времени. Он был палеонтологом, минералогом, топографом, географом, ботаником, зоологом, археологом, этнологом, филологом. Он обладал энциклопедическими знаниями во многих областях, и его открытия опередили время. Крупнейший российский зоолог академик Алексей Николаевич Северцов сказал о нём так: «Нет отрасли естественных наук, в которой Паллас не проложил бы новый путь, не оставил бы гениального образца для последователей... По своей многосторонности Паллас напоминает энциклопедических учёных древности и средних веков, по точности — это учёный современный, а не XVIII века».

Паллас родился в Германии, но 43 года жизни отдал России, и много лет путешествовал по русской земле, по самым дальним её уголкам, изучал её и знал её лучше, чем русские люди.

Приехал он по приглашению Екатерины II. В России тогда было много неизведанных мест, а императрица хотела знать свою землю. Для этого был нужен учёный-энциклопедист и путешественник. Ей предложили пригласить в Петер-

бургскую академию наук талантливого немецкого 26-летнего профессора Петра Симона Палласа, успевшего прославиться в Германии. Он же в то время в Россию не рвался, у него были совсем другие планы. Но, подумав, согласился принять приглашение. И с 1768 по 1774 годы он возглавлял экспедиции по России.

Надобно сказать, что эти экспедиции в дальние пределы необъятной страны, конечно же, не были лёгкой прогулкой. Суровый климат, отсутствие сносных дорог, скудная пища, путевые опасности сильно подорвали здоровье учёного. Приходилось знать температуры, при которых замерзает ртуть в термометре. Он приобрёл в дороге тяжёлые болезни, был обессилен, и в 32 года начал сесть. Но работа, которую он проделал, грандиозна. Она дала Палласу богатейший материал, который он обрабатывал 20 лет и напечатал множество сочинений и статей, представляющих большой интерес и в наши дни. Академик Владимир Иванович Вернадский говорил, что работы Палласа до сих пор являются основой знаний о природе и людях России. К ним, как к живому источнику, обращаются географы и этнографы, зоологи и ботаники, геологи и минералоги, археологи и языковеды. «Паллас до сих пор ещё не занял в нашем сознании того исторического места, которое отвечает его реальному значению. Может быть, для истории русской культуры особенно важным представляется то, что Паллас делал свои крупные обобщения на основании изучения русской природы, быта и остатков племён, населяющих нашу страну», — писал Вернадский.

Дважды побывал он на истоке Ангары и оставил такое описание: «Уже за осмнатцать верст от города река Ангара, по которой дорога лежит, великия полыньи имела; а повыше Пашковой или Хромовой станицы река почти вся ото льду очистилась, и многие утки и гагары плавали, меж коими в первый раз мне попалась утка, называемая по Латине *Anas hyftrionica*. Нам тут надобно было ехать по каменному реки берегу, по которому, понеже на нем немного снегу было, езда была весьма отяготительна. Чем ближе к Байкале подъезжаешь, тем горы становятся выше и вид дичее; напротив того далее по Иркутской губернии оныя были довольно отлоги и слоисты. Жерло реки Ангары с обеих сторон стеснено каменными горами, промеж которых как будто сквозь ворота великое моря пространство и стоящие по берегу каменные хребты видны».

Россия стала для Палласа второй родиной. И наш Байкал с его эндемичными животными и растениями, девственная природа произвели на учёного огромное впечатление, сохранившееся до конца жизни...

В первой половине XIX века проехали через Байкал многие путешественники поневоле — декабристы и их жёны. Им запомнились опасности, с которыми было сопряжено путешествие через Байкал. Декабрист Александр Петрович Беляев рассказал, как на их пути через зимнее озеро образовалась большая трещина, конца которой было не видеть, но ямщики поехали вдоль зияющей водой щели в надежде найти её конец, а их ямщик, разогнав тройку лошадей, перескочил через опасное место. Им повезло, хотя риск был большой.

Многим декабристам просто было не до байкальских красот, как, например, княгине Марии Николаевне Волконской. Она переехала Байкал по льду ночью, такой морозной, что слёзы в глазах застывали и леденело дыхание.

А вот декабрист Андрей Евгеньевич Розен, переплывая Байкал по возвращении из Сибири, в 1832 году познакомился с Байкалом поближе и дал его описание: «Я имел досуг разглядеть Байкал, или Святое море, во всех направлениях и во всех видоизменениях: берега его высокие и волнистые тянутся грядами, то

скалисты, кремнисты, то покрыты зеленью, где лесом, где травой, где песком и глиною. Повсюду кругом видно вулканическое образование, и можно смело согласиться с естествоиспытателями, утверждающими, что Селенга, Байкал, Ангара составляли прежде одну реку. В некоторых местах озера не могли измерить дна; там, где Ангара вытекает из Байкала, стоят два огромнейших камня по самой середине, которые служат как бы шлюзами; возле камней, к стороне Байкала, дно неизмеримо: тут явный след вулканического действия, а к стороне речной, к Ангаре, дно не глубоко. Берега озера украшены одною только природою, нет нигде следов труда человеческого. Посольского монастыря башня, станция почтовая и несколько хижин напоминали обитаемость этой страны».

К сожалению, «досуг разглядеть Байкал» был для декабриста очень долгим: попутный ветер, погнавший было корабль к западному берегу, внезапно стих, и несколько дней пришлось ждать его среди моря. А Розену очень хотелось как можно быстрее добраться до Иркутска, где его ждала жена с маленьким ребёнком, которая уехала ранее. А ей-то, переплывая Байкал, пришлось натерпеться лиха. Вот как об этом рассказывает А. Е. Розен: «3 июля уехала жена моя; без остановок достигла она Байкала; там не было казенных перевозных судов, тогда еще не было пароходов Мясникова, и она наняла рыбацкое судно парусное, на коем поместила коляску и несколько попутчиков. Плавание было самое бедственное: посреди озера поднялся противный ветер и качал их несколько дней; сын мой захворал; можно себе представить положение матери. Запасное молоко, взятое с берега, прокисло; вареного младенец не принимал; с трудом поили его отваром из рисовых круп; наконец, он не принимал никакой пищи — мать была в отчаянии. На пятый день буря затихла, ветер подул попутный, и через несколько часов пристали к берегу. Жена моя доныне с восторгом выражает чувство блаженства, припоминая, когда она ступила на землю, когда сын ее, больной, измученный, голодный, освежившись свежим молоком, уснул сладко; а она, сидя возле него на полу, еще качалась всем телом, как на море, и благодарила бога за спасение сына»...

Нелёгкие испытания выпали на долю декабристов и их жён в Сибири, но они переносили их достойно, поддерживали друг друга, несли культуру местным жителям и помогали им, чем могли. Они оставили воспоминания о своей жизни, которые для нас очень важны, в них — история нашего края.

Байкал исстари называли морем ещё и потому, что переправа через него трудна и опасна. Писатель-краевед Николай Семёнович Щукин в очерке «Море или озеро Байкал», написанном в 1848 году, говорит, что местные жители называют Байкал морем и на вопрос «Куда едешь?» отвечают: «За море». Автор добавляет, что его называют Святым морем, и прилагательное «святой» не присоединяют ни к одному морю, а только лишь к Байкалу. Николай Семёнович родился, учился и жил в Иркутске, а значит, имел возможность бывать на море и, конечно, на истоке, о котором он рассказал с любовью: «Исток Ангары из Байкала представляет картину, достойную кисти Айвазовского: напором воды вырвало слабое место из горы; открылся путь, и всё лёгкое увлечено стремлением воды: остались только гранитные валуны, то выглядывающие из реки, то покрытые лёгким слоем текущей воды. Эта гряда лежит поперёк Ангары с одного берега на другой, и Байкал переливается через неё, как через край полной чаши. Почти на середине реки грозно возвышается огромный камень: он называется Шаманским... В пороге двое ворот для прохода судов. Первый, в шести саженях от правого берега Ангары, называется Береговым, и глубиной в полтора аршина. В десяти саженях далее —

другой проход, называемый Ангарским; тут глубина более двух аршин. В трех верстах ниже порога река образует как бы залив, и тут Никольская пристань. Деревянная церковь и несколько домов составляют селение. Здесь разгружают суда для прохода сквозь пороги; тяжести везут до Лиственичной станции, стоящей уже на берегу Байкала за порогами, и опять сносят на суда. Быстрота реки между порогом и Никольской пристанью превышает вероятие; однако ж суда тянутся вверх людьми при помощи двух или трех лошадей; крутой берег весь изрезан бечевой: в твердой глинистой почве долго сохраняются эти разрезы и приводят в недоумение ученого наблюдателя природы».

Нет сомнения, что наше Святое море достойно кисти лучших художников. И, к счастью, есть прекрасные картины истока, написанные талантливыми живописцами. Теперь эти произведения стали историческими.

Много раз переезжал Байкал во все времена года Дмитрий Иванович Стахеев. Он родился в Елабуге в семье купца и сам числился купцом II гильдии с 18 лет, но любовь к литературе оказалась сильнее, и он оставил службу, чтобы заняться литературой. Поездка по купеческим делам в Тобольск и в Кяхту в возрасте 14 лет оставила в душе будущего писателя незабываемые впечатления, которые выплеснулись в книгу «За Байкалом и на Амуре». Многие сибирские картины в книге нарисованы ярко, живо и остаются в памяти.

Вот партии рабочих прокладывают вешки от Посольска до Лиственичного, дует ветер, иногда валит с ног, а неопытного крестьянина ветер может кубарем катить по гладкому льду версты две, пока он не сообразит вбить топор в лёд...

Вот картина охоты тунгусов: «Верхом на лошадях они ездят легко и ловко; на промысле зверя и в погоне за ним неутомимы, и быстро, не уставая, преследуют зверя через горы и пропасти. В это время они сами похожи на зверей: на головах их нет ни в какое время года шапок, и их косматые волосы развеваются на ветру; на ногах часто нет обуви, платье едва прикрывает тело, и во время погони за зверем с лица тунгуса исчезает всё напоминающее о человеке, — глаза горят злобой, на губах накапливается слюна, и только винтовка или нож в руке его напоминает о том, что он человек».

Рассказал автор, как спасают лошадей, провалившихся под лёд: «Одно средство спасения лошади в том, что её наскоро выпрягают из оглобель или перерезывают гужи, потом накидывают ей на шею петлю и дают; задавленная от спёршегося внутри её воздуха, лошадь всплывает на поверхность воды и ложится боком на неё как мёртвая; в это время её мгновенно выдёргивают за шею и за хвост на лёд, подальше от полыни, снимают петлю и бьют лошадь кнутом, пробуждая в ней жизнь. После этого её начинают гонять по льду, чтобы она разогрелась и не продрогла».

А вот интересная история опасной переправы. Жители восточной стороны Байкала из селения Посольского с кладью переехали на западную и задержались в Иркутске. А тем временем солнце стало уж греть по-летнему, через Байкал ездить перестали. Но путникам не хотелось давать большой круг, и они рискнули. Начало дороги было сносным, но затем лошади стали проваливаться и брели по колено в воде. А ночью остановились перед большой трещиной. А Байкал гудит, стреляет, и образуются новые трещины. Люди стали откалывать лёд, забили им трещину и сделали не совсем надёжный переход. Перетащили лошадей 15, и переправа испортилась. Остальных оставили на верную смерть. Но и этим пятнадцати жить оставалось недолго. Вскоре лёд стал совсем мягкий, и животные проваливались

по брюхо. Тогда и этих лошадей путники бросили и пошли вперёд. А потом оторвало лёд, и они оказались на льдине, которую чудом пригнало к берегу возле Посольского, и мужики, приплывшие на лодках, спасли своих земляков. И все сразу пошли в церковь служить молебн.

Интересно повествует Стахеев о беглых каторжниках, которым тоже не хочется идти в обход моря несколько сотен вёрст, и они решаются на опасную переправу в лучшем случае на утлой лодчонке, которую воруют ночью. До противоположного берега удаётся добраться лишь немногим смельчакам... Вот какую картину увидел один крестьянин на корабле, направляющемся с омулями в Иркутск. Их корабль шёл бойко при попутном ветре. Море было очень беспокойно. И вдруг крестьянин увидел, что в волнах что-то чернеется. Подплыли ближе, и он увидел, что это люди: человек пять ухватились за бревно, а валом их то погружает в пучину, и они исчезают из вида, то опять выталкивает на поверхность. Кое-как корабль проскочил мимо, не задев отважных пловцов. Крестьянин предположил, что они все погибли, так как нужно много сил держаться за ускользящее бревно, а силы убывают быстро, да и в ледяной воде коченеют руки. Не повезло этим беглецам с лодкой, так они и на бревне отважились пуститься в опасное путешествие...

Бегут каторжники по льду и в жестокие морозы. 55 вёрст от Посольского до Голоустного бегут они без отдыха, останавливаться нельзя: замёрзнешь. Ведь одеты они по-летнему, в лёгкое и короткое полукафтаны и холщовые штанишки. Шея открыта всем ветрам. А обувь так изодрана, что пальцы, побелевшие от мороза, смотрят в дыры башмаков. Бегут они, презрев смертельные опасности: на каждом шагу они могут замёрзнуть, утонуть, умереть с голоду, попасть в лапы дикого зверя. А также могут встретиться люди, которые схватят их и передадут в руки начальства. Но каторжники всё равно бегут, некоторые по несколько раз. Бегут, потому что голодная свобода для них дороже всего на свете!

Конечно, очень интересно мне было узнать, каким увидел в далёком 1859 году Дмитрий Стахеев исток Ангары и Лиственничное. А приехал он в наши места в середине ноября в холодный ветреный день. Стоял 25-градусный мороз, но Ангара ещё не замёрзла. С остывающей реки поднимался густой пар. В селении Никольском с деревянной церковью слышался стук топоров, там байкальские поморы строили судно. Далее по пути тоже попадались строящиеся суда. У берега тоже стояли суда.

И вот наконец открылся бурный Байкал с пароходной пристанью, называемой Лиственничной. Пристань эта, имевшая несколько зданий, находилась в то время недалеко от истока, за поворотом. Двухэтажная гостиница, где остановился писатель и другие путешественники, прилепилась к горе. Она была построена лет двадцать назад, но успела обветшать: местами были выбиты окна, переломаны ставни, они, «повиснув на ржавых петлях, скрипели и выли на разные тона, аккомпанируя шуму волн Байкала». Внутри было не лучше. Стулья переломаны, кресла без ручек, столы с тремя ножками, диваны с обивкой, висящей клочьями. В стенах были щели, через которые в гостиницу врвался резкий осенний ветер. Немытый пол состоял из кривых и дырявых досок, углубляющихся под ногами, «как фортепьянные клавиши».

Никто не заботился о проезжающих, так как гостиница была одна, и деваться людям было некуда. И руководил ей отставной солдат. Он принёс нечищенный самовар. На пуговице жилета висел у него поднос. А чашку и чайник с изломанным носом он принёс в дырявых карманах.

На берегу пристани, кроме гостиницы, находились ещё три-четыре домика для служащих и флигель для управляющего пароходством. Наружность флигеля составляла контраст с другими ветхими постройками.

Солдат пожаловался на зимнюю тоску. Никого нет. Всё вокруг заваливает снегом. И работники лежат, как медведи в берлоге. Иногда воют волки, и людям от тоски хочется волком выть.

Автор говорит, что переправа через Байкал тогда была зачастую утомительной и небезопасной. Пароходы часто ломались. Портились машины, горели палубы. И виноваты были не байкальские шторма, а неумение управлять судами. Владельцы пароходов часто сменяли друг друга, а с ними приходили и новые служащие, само собой, без опыта вождения судов по бурному морю.

Утром Дмитрий Стахеев отправился посмотреть на Шаман-камень. Вот как рассказывает писатель о возвышающемся над Ангарой камне-скале:

«...По верованию бурят, на нём обитают онгоны — небесные духи, с которыми имеют непосредственные сношения шаманы, особого рода предсказатели-духовидцы. Каждый бурят убеждён в этом и, проезжая по берегу реки мимо Шаманского камня, он набожно нашёптывает свои молитвы и по временам пугливо исподлобья поглядывает на страшный для него камень. Во время бури кругом камня клопочут и пенятся волны реки, разбиваясь в мелкие брызги и рассыпаясь высоко в воздухе.

Священное значение Шаманского камня в быту бурят до того велико, что они нередко приезжают из-за 300–400 вёрст к этому таинственному месту, чтоб заставить своего собрата, в чём-либо обвиняемого, торжественно произнести на этом месте своё отрицание от преступления. Перебравшись по реке в лодках к Шаманскому камню, буряты заставляют обвиняемого войти на самый верх камня и на нём присягнуть в присутствии невидимых духов в справедливости своих показаний: шум волн, разбивающихся о камень, высота над водою, фантастичность самого места и полное убеждение в присутствии на камне невидимых духов, — всё это разом действует на нервную систему присягающего, и виновный, большею частью, не может скрыть своего преступления: он со страхом и трепетом сознаётся во всех грехах, вольных и невольных. Случалось, что после такого испытания испытываемого снимали с камня без чувств и привозили на берег в глубоком обмороке. По возвращении сознания бурят ещё долго дрожит от страха и не может попасть зубом на зуб, — так его напугают страшные онгоны».

А вот как Стахеев сказал об Ангаре: «Вообще Ангара оригинальна и непохожа на другие реки. Вода её светла до того, что на дне в тихую погоду можно пересчитать хоть каждый камешек, и холодна даже в самую сильную жару до того, что в ней с трудом можно пробыть несколько минут; разливается она не весной, во время половодья, как другие реки, а осенью, когда реки замерзают. Начинает она замерзать снизу и, замерзая, поднимает вверх со дна камешки, маленьких рыбок, червей, пиявиц, amphipodes, бедное поселение своего подводного царства; в это время, в конце декабря, по набережным улицам Иркутска нет проезда; Ангара выступает из берегов и, разлившись по улицам, наворотив на себя лёд большими глыбами (торосья), замерзает. Через день или два замёрзший лёд опадает ниже и ниже, и Ангара, успокоившись, крепко сковывается сибирскими морозами».

Замечательно, что у нас есть книга Дмитрия Стахеева «За Байкалом и на Амуре». Путевые картины и события, изображённые в ней, погружают читателя в далёкий для нас XIX век и вызывают живой интерес. И чем дальше мы отдаляемся от них во времени, тем интересней читать книгу.

В конце XIX века из Иркутска до Лиственичного и далее, на другой берег Байкала, добраться было всё ещё сложно. В июне 1890 года проездом на остров Сахалин побывал в наших местах Антон Павлович Чехов. На одной из трёх станций, существовавших тогда на дороге, не оказалось лошадей, и писателю пришлось там ночевать. Лишь к полудню следующего дня приехал он на Байкал. И всё же путь от Иркутска до Байкала произвёл на писателя хорошее впечатление, и он сказал об этом в письме к своим родным: «Ехали мы к Байкалу по берегу Ангары, которая берет начало из Байкала и впадает в Енисей. Зрите карту. Берега живописные. Горы и горы, на горах сплошную леса. Погода была чудная, тихая, солнечная, теплая; я ехал и чувствовал почему-то, что я необыкновенно здоров; мне было так хорошо, что и описать нельзя. Это, вероятно, после сиденья в Иркутске и оттого, что берег Ангары на Швейцарию похож. Что-то новое и оригинальное. Ехали по берегу, доехали до устья и повернули влево; тут уже берег Байкала, который в Сибири называют морем. Зеркало. Другого берега, конечно, не видно: 90 верст. Берега высокие, крутые, каменистые, лесистые; направо и налево видны мысы, которые вдаются в море, вроде Аю-Дага или феодосийского Тохтабеля. Похоже на Крым. Станция Лиственичная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту; будь дома белые, совсем была бы Ялта. Только на горах нет построек, так как горы слишком отвесны, и строиться на них нельзя...»

В Лиственичном Чехову пришлось задержаться: не было парохода. Он и попутчики кое-как разместились в сарайчике, который находился совсем близко от воды. Спать приходилось в брюках и в жилетке на полушубке, брошенном на пол, а подушкой служило свёрнутое пальто. Тараканов и клопов было много. А вот есть, можно сказать, было нечего. Антон Павлович сетовал, что в Лиственичном из съестного практически нечего было купить. «Население питается одной только черемшой», — написал он.

Да, май и июнь у нас — пора черемши, а это лесное растение очень популярно у сибиряков, ведь черемша — кладёз витаминов и микроэлементов.

Поездка через Байкал произвела на писателя очень приятное впечатление. И покормили на пароходе очень хорошо, и с погодой повезло: «Погода была тихая, солнечная. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачнее, чем в Чёрном море. Говорят, что на глубоких местах дно за версту видно; да и сам я видел такие глубины со скалами и горами, утонувшими в бирюзе, что мороз драл по коже. Прогулка по Байкалу вышла чудная, во веки веков не забуду».

Затем Антон Павлович шёл по живописнейшему берегу и жалел, что с ним нет художника Левитана.

А своему другу писателю Николаю Александровичу Лейкину Чехов так написал о Байкале: «Байкал удивителен, и недаром сибиряки величают его не озером, а морем. Вода прозрачна необыкновенно, так что видно сквозь нее, как сквозь воздух; цвет у нее нежно-бирюзовый, приятный для глаза. Берега гористые, покрытые лесами; кругом дичь непроглядная, беспросветная».

Поэту Николаю Алексеевичу Плещееву сказал: «Вообще говоря, от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза».

Через год после приезда Чехова на Байкал, в 1891 году, через озеро и исток Ангары держал путь в Иркутск наследник престола, будущий император Николай II.

Путешествие по Евразии на фрегате «Память Азова» в пятьдесят одну тысячу километров было проделано неспроста. У будущего императора и тех, кто с ним отправился в длительную поездку, была поистине великая цель: Россия должна

стать мировой силой, сочетающей Запад с Востоком. Николай II был убеждён, что распространение русского влияния на Восток необходимо. «Россия должна прирастать Азией», — говорил он. Об этом же думал и его отец Александр III, подписавший 29 марта 1891 года указ о строительстве Великого Сибирского пути. А 31 мая его сын, наследник престола, заложил первый камень в основание будущей дороги.

Не все современники понимали важность будущего Транссиба, и учёный Дмитрий Иванович Менделеев сказал замечательные слова по поводу строительства пути, который свяжет Европу и Азию: «Только неразумное резонёрство спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело — путь к океану — Тихому и Великому, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет свершаться на берегах и водах Великого океана».

Сын Дмитрия Ивановича, инженер, изобретатель Василий Дмитриевич Менделеев тоже принимал участие в двухгодичном путешествии и сделал его фотографическую летопись.

Два года заняло путешествие по Индии, Сингапуру, Китаю, Японии, Дальнему Востоку... Князь Эспер Эсперович Ухтомский, сопровождавший Николая II, описал увиденное в дороге в трёхтомнике «Путешествие на Восток наследника цесаревича». Иллюстрации к книге сделал замечательный художник-баталист и путешественник Николай Николаевич Каразин, хотя он и не принимал участие в поездке.

22 июня 1891 года наследник и его небольшая свита, состоящая из молодых и здоровых людей, способных перенести нелёгкое путешествие, пересекли Байкал и направились по Ангаре к Иркутску. Жаль, но этот момент в книге не отражён. Зато есть две иллюстрации Каразина, на которых изображены байкальские места, по-видимому, сделанные с фотографий Менделеева. На одной из них «Под флагом наследника цесаревича у прорыва Ангары» изображены суда, идущие вблизи Шаман-камня.

Есть ещё один рисунок Каразина, сделанный несколькими годами позже с наброска Гасабова. На нём — исток Ангары, гряда камней, выступающих из воды от одного берега до другого, крутые горы на левом берегу, два судна, одно из которых тянут лошади против течения в сторону Байкала, на правом берегу — лодка, тракт, два встречных экипажа, запряжённые лошадьми, один экипаж лошади еле тянут в гору.

Среди спутников Николая II был другой художник — Николай Николаевич Гриценко. Он сделал в дороге около трёхсот рисунков. Этот замечательный художник — маринист, пейзажист, график — был и путешественником. Он состоял в Русском географическом обществе, по заданию которого бывал в Сибири. Сохранились пейзажи Гриценко с изображением Байкала, сделанные в 1899 году. На одном из них изображены синева Байкала и горы Хамар-Дабан на противоположном берегу. На рисунке шуточная надпись: «До чего ты дошёл, Николаич». Да, дошёл он до очень далёкой, по тем временам, байкальской земли, до которой добраться тогда было ох как непросто. На другом рисунке пейзаж Лиственичного, сделанный с горы, у которой находилась таможенная застава. А на третьем — старая пристань Лиственичного и корабли, стоящие в ней. К рисунку сделаны несколько надписей: «Где наше не пропадало», «Посвящается лейтенанту А.С. Боткину», «Группа судов российского торгового флота на Байкале», «Что сделали? Ледокол сделали! И ещё один ледокол будем делать!».

Пейзажи на картине летние. А летом 1899 года на Байкале произошло великое событие: 17 июня на воду был спущен паром «Байкал», второй по мощности в мире ледокол. Сохранилась картина Гриценко «Накануне спуска», на ней стоящий на стапелях, увешанный праздничными флагами ледокол дожидается спуска в озеро-море, в честь которого он назван. И становится понятной последняя запись. «Ледокол сделали!» — это о ледоколе «Байкал». «И ещё один ледокол будем делать!» — это о ледоколе «Ангара», который будет спущен на воду уже в следующем 1900 году.

Картину байкальской пристани Гриценко посвящает Александру Сергеевичу Боткину, исследователю Байкала и Арктики, который в то время как раз и изучал сибирское море и тоже, как и все вокруг, радовался предстоящему спуску ледокола «Байкал».

Александр Боткин — исследователь, изобретатель, гидрограф и врач — родился в семье выдающегося врача Сергея Петровича Боткина. Он окончил Императорскую Военно-медицинскую академию и надолго связал свою жизнь с военно-морским флотом. В 1897–1899 годах он был помощником начальника Гидрографической экспедиции озера Байкал Фёдора Кирилловича Дриженко. Экспедиция прежде всего была связана со строительством Транссиба и готовящейся паромной переправы через озеро. Пока Транссиб будет разделён Байкалом, нужно обеспечить и летнюю, и зимнюю переправу. И Александр Боткин исследовал байкальский лёд: замерзание и таяние, образование трещин и ледяных гряд, подвижки льда. Открытия, которые он сделал, были очень важны для ледокольной переправы и стали большим вкладом в осуществление «Большой Азиатской программы».

В Сибирь Александр Сергеевич приехал вместе с женой — Марией Павловной, дочерью Павла Михайловича Третьякова, предпринимателя, мецената, коллекционера, основателя Третьяковской галереи. У неё был твёрдый характер, она с детства отличалась выносливостью, и это ей пригодилось в Сибири. Она была рядом с мужем во время исследований. Была Мария Павловна и на строительстве Транссибирской магистрали. Три месяца жили Боткины в холодное время в небольшом доме в Лиственичном на берегу озера среди льдов и снегов...

А теперь возвращусь к художнику Николаю Гриценко. Почему картина пристани в Лиственичном художника Гриценко посвящена Боткину? Были ли они знакомы? — Не только были, но и приходились родственниками. Гриценко был женат на сестре Марии Боткиной — Любове.

Шесть картин Николая Гриценко находятся в Третьяковке. И совсем не потому, что его тесть Третьяков. Они появились там после смерти и Третьякова, и Гриценко. Появились по ходатайству Ильи Ефимовича Репина.

Радостно, что на Байкале были такие интересные, замечательные, сильные духом люди, что они его изучали, любовались им, писали картины.

В связи со строительством Транссибирской магистрали невозможно не сказать о министре путей сообщения Михаиле Ивановиче Хилкове, много сделавшем для наших мест и неоднократно бывавшем на нашем истоке. Этот человек княжеского рода, потомок Рюриковичей, прошёл большую рабочую школу. Под именем Джона Мэджилла работал Михаил Хилков кочегаром на паровозостроительном заводе в Филадельфии. Потом он работал там машинистом, затем начальником службы подвижного состава Трансатлантической железной дороги. Но Хилков вдруг бросает работу, уезжает в Англию и устраивается слесарем на паро-

возроительный завод в Ливерпуле. В России он начинает карьеру с должности машиниста. Изучив рабочие специальности, набирается опыта в строительстве железных дорог: возглавляет Закаспийскую железную дорогу, проложенную через пустыню. И прежде чем стать министром сообщения, строит в России ещё несколько железных дорог.

Будучи министром, Михаил Иванович развернул на Транссибе грандиозные работы. Он неоднократно выезжает в Сибирь, чтобы на месте решать сложные проблемы строительства и выполнить полномочия по обеспечению скорейшего ввода в эксплуатацию железной дороги, возложенные на него Николаем II.

Он курирует строительство и нашей Кругобайкальской железной дороги. Ведь она оказалась сложнейшим и очень дорогостоящим участком Транссибирской магистрали. В 1904 году в мае–июне Хилков приехал на Кругобайкалку, где завершались работы по сооружению последнего участка дороги. Жил Хилков в Лиственничном и каждый день, пересекая исток Ангары, приезжал на станцию Байкал. Осмотр строительных работ производил он, добираясь до участков на винтовом пароходе «Второй». Он смотрел, как ведутся работы, думал, как обустроить магистраль, как улучшить условия жизни строителей. Сохранились фотографии пребывания министра на Кругобайкалке, и в том числе в порту Байкал.

Самых трудных, самых смелых решений потребовала Русско-Японская война. Зимой 1904 года количество перевозок увеличилось в несколько раз. Поток грузов надо было переправлять на восточный берег, а ледоколы не могли пробить очень толстый байкальский лёд. И тогда прямо через лёд были проложены рельсы. Их начали укладывать в конце января. Своенравный Байкал подвижками льда осложнял ход работ. Вскоре после начала укладки рельсов прибыл Хилков. И первые вагоны были перевезены с помощью лошадей на другой берег под его руководством. И началось непрерывное движение вагонов, за сутки их перевозилось до двухсот, и порой даже больше. Чтобы перевести паровоз, с него снимали котёл и перевозили отдельно. Но люди выстояли, фронт обеспечили. Выдержал все нелёгкие испытания и Михаил Иванович Хилков, а ему тогда было 70 лет.

13 сентября (26 сентября по новому стилю) 1904 года Михаил Иванович Хилков недалеко от станции Маритуй у тоннеля №18 вбил последний костыль, состыковав Великий Сибирский путь, соединив две огромных части России: азиатскую и европейскую!

Хилков не воспевал Байкал, до того ли ему было! Но он вместе с нашими мастерами и героическими простыми тружениками оставил нам Транссиб и его «золотую пряжку» — Кругобайкалку, которая открыла Байкал для многих. Теперь, чтобы добраться до сибирского моря, не нужно было тратить месяцы на дорогу. Путь стал намного легче, приятнее, ушли в прошлое испытания холодом, болезнями, голодом.

Одним из первых, кто добрался поездом до наших мест и оставил о них воспоминания, был ихтиолог из Петербурга Иннокентий Дмитриевич Кузнецов, который в 1903 году приехал для участия в экспедиции. Вот как он рассказал о дороге из Иркутска к Байкалу и о встрече с озером:

«Дорога (62 версты) идёт всё время по самому берегу Ангары, местами в глубоких выемках, а то под обрывами прибрежных возвышенностей. Боже, как интересно! Из окон вагона любуешься с одной стороны на быстрые, прозрачные, как хрусталь, воды реки, бегущей по дну, где видно в более мелких местах каждый камешек, каждую травку, местами даже рыбку, скользющую, как стрела; с другой

стороны — то гора, то долина, или «падь», по-сибирски, то откос, по которому местами ползут, как чёрно-бурые ленты, прослойки каменного угля...

Ещё причудливее идут ряды слоёв различных горных пород в обрывах — признак того, что мы приближаемся к Байкалу. Вдруг за поворотом пахнуло как бы холодом, а кругом всё тот же летний день, всё то же яркое солнце. Холод также признак близости озера. Дело в том, что в Байкале, мощном, обширном водоёме... всегда плещутся прохладные воды, и холодом веет от этого моря, даже когда оно совершенно спокойно, как от какого-нибудь ледника. Наконец, сверкнула серебристая полоска озера, ещё немного — и мощная его ширь впервые развернулась перед моими глазами. «Здравствуй, Байкал!» — невольно приветствовал я старого знакомого далёкого детства. Я почувствовал какое-то влечение к этому Святому морю...

На винтовом пароходе «Яков» и на лодках с тунгусами проплыл Кузнецов по озеру от юга и до севера. Приходилось много ходить пешком, ночевать на берегу, пережидая шторма. Приходилось предпринимать меры предосторожности, чтобы не угодить в лапы диких зверей. Кузнецов знакомился с местными жителями, подружился с сопровождающими его тунгусами и с сожалением прощался с этими «милыми спутниками».

И вот учёный возвращается на нашу станцию Байкал. Ему жаль расставаться с озером: «Прежде чем окончательно расстаться с ним, я поднялся на гору, взглянул оттуда на чудное озеро, на широкую панораму обрамляющих его гор, и с невольной грустью в душе, как бы прощаясь с чем-то близким или родным, сел в вагон, который доставил меня в Иркутск».

В «Историческом вестнике» за 1912 год был опубликован очень интересный материал, на котором я не могу не остановиться. Сделал его путешественник А.Я. Таранец. Очень сожалею, но пока не нашла о нём никаких сведений. Из его работы следует, что на Байкале он бывал не однажды, и что он прекрасный наблюдатель, обладающий даром писателя.

Летним погожим июльским днём отправляется Таранец на пароходе «Сибиряк» из Иркутска к Байкалу. Свой путь он описывает подробно. Наблюдать за дорогой путешественнику приятно: дует свежий ветерок, ярко светит нежаркое солнце, пахнет то свежескошенным сеном, то рыбой, то ароматом полевых цветов. «Сибиряк» ползёт с трудом. Ему приходится бороться с сильным течением и лавировать, проходя мимо множества островов с живописными рощами и лугами. На некоторых островах пасётся скот. И лошади, и коровы, завидев пароход, убегают подальше от «пыхтящего чудовища, нарушившего безмолвие островка». Крестьяне из прибрежных деревень ловят рыбу сетями, дети ищут грибы или ягоды. Идёт пора сенокоса, и в местах косьбы толпы народу, разбиты палатки, звучит гармоника. Встречаются охотники, они салютуют из ружей пароходу. Вот осталась позади деревенька, раскинувшаяся на островках. Вот два велосипедиста состязаются в скорости с пароходом. Почти у самого борта проходит лодка под парусом. Ангара то течёт вольно, то распадается на протоки у островов, то, сжатая горами, «бурлит, клокочет, точно злится на скалы, не дающие ей развернуться...»

По левому берегу вьётся по извилам реки железная дорога. Временами по ней бегут поезда. Идёт работа по расчистке полотна для второго пути.

Наконец, миновали Шапан-камень и вышли в Байкал. После посещения Лиственичного Таранец с лихим рыбаком на лодке, несмотря на волну, пересекает исток, чтобы побывать в порту Байкал. Он подробно описывает то, что увидел в моём родном посёлке в то далёкое время:

«Если подняться у станции Байкал по тропе, ведущей к деревне Баранчик, на горы, то всё озеро видно, как на ладони. Вправо красивый залив, в водах которого отражаются лесистые вершины прибрежных гор. По самому берегу вьётся лентою Кругобайкальская железная дорога, то пропадая в тоннелях, то снова показываясь у самой воды, как будто ползёт по скату горы по узенькой, едва доступной тропинке... Вода совершенно тихая. Не шелохнёт... Вот от берега отделилась лодочка и быстро стала удаляться, оставляя на воде дорожку, расширяющуюся у берега и постепенно суживающуюся возле лодки, едва заметной с горы. Влево отчётливо видны станционные пути, маневрирующие поезда, целый ряд товарных вагонов; у берега несколько барж, ждущих разгрузки; у мола, где устроена пристань, стоит ледокол «Ангара», недалеко доки... всё это красиво отражается в зеркальной воде... Подымаюсь выше... Над небольшим обрывом стоит скамейка... Здесь местные жители и дачники, проводящие лето в деревне Баранчик, просиживают целыми днями, любясь величественным Байкалом, особенно красивым в лунные ночи, полные таинственности и необъяснимой прелести... Смотрел бы и не оторвался... Редко бывает Байкал спокоен, и даже в спокойные минуты чувствуется, что богатырь уснул, отдыхает, но стоит налететь ветру, как сон станет прерывистый, неровный, пока от волнения не проснётся великан, встанет во весь рост, и вода закипит, заклоочет, бросится на берег, ища выхода, вздымая целые валы, образуя бездны, с каждой минутой свирепея, точно ища дерзкого, осмелившегося нарушить покой... И горе тем, кого буря застанет в открытом море...

В июне и июле Байкал бывает почти спокоен... В это затишье со дна всплывает на поверхность воды масса водорослей... Байкал «цветёт»... И сейчас он совершенно спокоен. Только высоко на горах чувствуется лёгкое дуновение ветерка, прохладного, освежающего. Из раскинувшейся по склонам гор и в ложине деревни Баранчик пахнет жильём... Деревня небольшая... Видны огороды... Попадают красивые домики и веранды. Это уже приспособление специально для дачников... Мимо деревни проходит тропа среди кустарника и срубленных деревьев и ведёт ещё выше к маяку. Отсюда открывается роскошный вид на Байкал. Вдали, на том берегу, тянется цепь гор, на которых местами, несмотря на расстояние около сорока вёрст, отчётливо вырисовываются ниже вершины белые ленты снега, не успевшего растаять за лето благодаря громадной высоте. Почти напротив станции Байкал, в одной из падей раскинулась станция Танхой с таможенной заставой. Сюда ежедневно совершает рейсы ледокол «Байкал»...

Воздух в тот день был прозрачен настолько, что легко было видно, как с восточного берега, со станции Танхой, отошёл ледокол. Сначала он был небольшой точкой, над которой виднелась длинная полоска дыма. По мере приближения он принимал всё более ясные, живые очертания, пока не показался во всей своей мощи и красе и не огласил пространство могучим, продолжительным гудком... Очень хочется перенестись хоть на несколько мгновений в то время и увидеть своими глазами паром-ледокол, идущий в родную гавань.

Сейчас туристы, прибывающие в порт Байкал, стараются попасть на белый камень, который находится недалеко от маяка в сторону истока. С него, выдвинувшегося над обрывом, открываются изумительные картины. Побывал на камне и А. Таранец. Он говорит, что с камня, как на ладони, видна вся станция и пристань. Люди с высоты кажутся мухами, ползающими по перрону. На большое расстояние видны светло-зелёные прозрачные воды Ангары. В них отражаются прибрежные скалы. Река с шумом вздымает пенистые волны и быстро уносит их

вдаль. Стремительная Ангара долго борется даже с самыми жестокими морозами и замерзает только к концу декабря.

И ещё одну цитату из очерка А. Таранца хочется дать. В ней чудесная картина лунной ночи, увиденная автором в 1904 году: «А как хорош Байкал в лунную ночь, когда уже начинаются заморозки! Вечереет... Полный штиль... Поразительное сочетание красок: вода совершенно чёрная, кругом снежные горы, вдали на небе ярко-красная заря от скрывшегося солнца, вверху над нами бледно-зелёная луна, оставляющая на воде светлую дорожку... Ледокол «Ангара» быстро мчится вперёд, рассекая могучей грудью водную гладь... Волнение, произведённое парходом, не может ещё улечься; оно ширится, захватывая всё больше и больше пространство, и вот достигло лунной дорожки, разбило лёгкий налёт льда, отдельные льдинки в хаотическом беспорядке то поднимаются, то опускаются, на них играет луна, и получается впечатление множества электрических лампочек, разбросанных по волнам... Феерическая картина, которой долго не забудешь...»

В 1913 году побывал в наших краях норвежский полярный исследователь, учёный, политический и общественный деятель, основатель новой науки физической океанографии, лауреат Нобелевской премии мира Фритъоф Ведель-Ярлсберг Нансен. Он отправился в путешествие по приглашению генерального консула Норвегии по Сибири, международного коммерсанта, писателя Ионаса Лида на пароходе «Коррект» по трассе Северного морского пути. В Сибири производилось много нужных Европе товаров, но доставлять их по железной дороге было дорого, а морским путём и по рекам было значительно дешевле. Лид задумал открыть торговый путь из Западной Европы через Карское море, а далее по рекам.

Добравшись до устья Енисея, приняв груз, «Коррект» возвращался в Норвегию. А Нансен в Дудинке пересел на русское экспедиционное судно «Омуль» и доплыл до Енисейска, потом добрался до Красноярска. От Красноярска поехал по Транссибирской магистрали до Байкала и далее на Восток до Владивостока. По итогам этой большой поездки Нансен написал книгу «В страну будущего», где говорил о том, что нашу Сибирь ждёт большое будущее. После путешествия Нансен интересовался жизнью России, проблемы нашей страны волновали его.

Фритъоф Нансен побывал в порту Байкал, познакомился с его историей, с историей строительства Кругобайкалки. Вот как он рассказал об этом: «Близ первой остановки у станции Байкал находилась гавань, где стоял большой ледокол-паром «Байкал», перевозивший раньше через озеро поезда к продолжению рельсового пути; ледокол может пробивать лёд до 1. 2 метра толщиной и является одним из величайших ледоколов в мире... Толстого зимнего льда он, однако, не в силах пробить. Для ремонта этого ледокола и других судов, плавающих по Байкалу, был построен большой плавучий док, который мы тоже видели в гавани. Переправа через озеро чрезвычайно тормозила перевозку на восток войск и провианта во время японской войны, хотя зимой рельсовый путь прокладывался прямо по льду. Прежний министр путей сообщения князь Хилков сам руководил работами. Железнодорожные вагоны перевозились поштучно лошадьми, а локомотивы разбирались и перевозились по частям, так как были слишком тяжелы для перевозки по льду».

Нансен проехал по Кругобайкальской железной дороге. Его восхитила грандиозная работа строительства дороги: «С тех пор успели проложить рельсовый путь, огибающий озеро с юга; работы были сопряжены с колоссальными трудностями: приходилось пробивать путь в отвесных скалах. От станции Байкал на западном

берегу до станции Мысовой на восточном — расстояние в 200 вёрст приблизительно. На протяжении первого перегона до станции Култук в юго-западном углу озера берег особенно крут: из 73 вёрст пути 6 вёрст приходится на туннели... Затраты на эту линию были сделаны огромные. Каждая верста обошлась около 244 130 рублей. Но дорога была одноколейная, а война показала необходимость двухколейной, и вот понадобилась перестройка пути, которая скоро будет окончена».

Он ехал на поезде, любовался могучим озером в рамке скал, и восхищался поистине героическим трудом строителей дороги: «Здесь мы воочию убедились, с какими трудностями сопряжена перешивка одноколейного пути на двухколейный. Приходится расширять все туннели и самое полотно дороги, ставить новые устои из железобетона, строить вторые мосты рядом с первыми, а в местах слишком крутых поворотов приходится пробивать и новые туннели».

Но люди преодолели все трудности, прошли через непреодолимые преграды, и строительство Кругобайкальской железной дороги было завершено. Кругобайкалке обязан своим появлением мой посёлок порт Байкал (раньше его называли станцией Байкал). Стала расти и соседняя Листвянка, на верфи которой собирали ледоколы «Байкал» и «Ангара». Люди обживали землю, строили дороги, ледоколы, дома, отправлялись в рейс на судах, которых становилось всё больше, растили детей. И любовались озером-морем, возле которого им выпало счастье жить...

В 1902 году в Лиственичном в семье управляющего судоверфи родилась поэтесса Елена Викторовна Жилкина. В посёлке у истока прошло её детство, здесь она полюбила на всю жизнь байкальскую природу. Затем семья переехала в Иркутск, который она тоже полюбила всем сердцем.

И всё же в своих стихах она называет лучшим из мест свой байкальский край, где «леса стоят у отчего порога» и каменистая дорога весной уводит в заросли цветущего багульника, а летом в разноцветье трав.

*Ошеломит, закружит, уведёт
в мерцающие тайны листопада,
у ног лисицей рыжей проползёт,
прогонит туч оранжевое стадо.
Деревьям разматает жёлтый шарф,
плеснёт на горы чем-то ярко-красным...
Меня не отпускают ни на шаг
байкальской осени невысказанные краски.
Всё гуще синева, всё жёстче ветер в море,
и дальний берег дальше с каждым днём,
но всё равно над деревянным молом
горит маяк спасительным огнём...*

И весь этот байкальский незамутнённый мир у истока Ангары, которому Елена Викторовна многим обязана, зовёт она истоком своей жизни. Здесь живут не воспоминания, а гораздо большее: её детство, её отчий кров. И не дано ей разомкнуть кольцо памяти. «Здесь на закате розовые скалы хранят, как люди, для меня тепло», — говорит Елена.

А тепло родных мест было ей очень нужно. Нелёгкие испытания выпали на долгую, 95-летнюю, жизнь Елены Викторовны. И часто спасали её теплые воспоминания о своей малой родине и поэзия, любовь к родному слову.

Нередко приходилось Елене быть вдали от Байкала, и она с тоской провожала поезда, мчащиеся в сторону малой родины, туда, где в тайге рассыпаны жарки, где

плещется Байкал, где вытекает из него стремительная Ангара. А ночами снилась ей «Байкала синяя вода».

Елена Викторовна больше десяти лет работала в газете «Советская молодёжь», в последние годы она была литературным консультантом. При ней пришли в газету молодые журналисты, которые станут известными писателями: Валентин Распутин, Александр Вампилов, Альберт Гурулёв, Марк Сергеев, Анатолий Кобенков. Они делали в журналистике первые шаги и считали себя учениками Елены Жилкиной. Александр Вампилов был очень благодарен ей за уроки и как-то назвал её «своей литературной мамой». Большим потрясением стало для Елены Викторовны сообщение о гибели Вампилова, который утонул в Байкале возле её родного листвянского берега, у истока Ангары. Она посвятила Александру стихотворение «Принимаю шторм». Появилось оно благодаря тому, что телефон Елены Жилкиной был похож на телефон диспетчерской порта, а тогда метеослужба передавала по телефону прогнозы для судов, ведь они могли попасть в шторм. Особенно опасались за теплоходы, которые вели плоты. Случалось, плоты разбивала стихия. И брёвна долго плавали по озеру, потом тонули. Сначала один конец бревна уходил глубоко под воду, а другой какое-то время ещё оставался у самой поверхности. На такое бревно-топляк натолкнулась лодка, в которой плыл Вампилов. От удара она перевернулась...

— Примите шторм, —
мне в телефон кричат.
Я слушаю и радуюсь, и веря.
А ветер вдруг
без стука,
сгоряча,
в мой тихий дом
распахивает двери...
Какая свежесть
разлита вокруг!
Я к грозным тучам
выхожу с доверьем,
ловлю
летающих капель дробный звук
и слышу,
как сражаются деревья...
...Врывайся, вихрь,
я не задёрну шторм,
не спрячусь в страхе,
не забьюсь под крышу...
Ты слышишь, жизнь,
Я принимаю шторм,
любовь,
ты слышишь?

Последнее отпущенное ей время Елена Жилкина провела в Москве, где и умерла. Но свою малую родину она никогда не забывала.

С середины 40-х до середины 50-х годов в Иркутске жил поэт Юрий Левитанский. «Каждый выбирает по себе женщину, религию, дорогу...», — сказал он

в своих стихах. Он выбрал для себя тяжёлую дорогу: ушёл добровольцем на Великую Отечественную войну в самом её начале, окончив два курса Московского института философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского. Начинал он военный путь рядовым, затем стал командиром отделения, а заканчивал литературным сотрудником фронтовых газет. И с окончанием Великой Отечественной его военная служба продолжилась: он оказался на войне с Японией. А несколько месяцев спустя его перевели в Иркутск, в состав Восточно-Сибирского округа, и в городе на Ангаре он служил ещё два года. Военный стаж Левитанского составляет 14 лет. В Иркутске, наконец, он демобилизовался. С Иркутском связана судьба Левитанского-поэта. Здесь в 1948 году вышла первая книга поэта — «Солдатская дорога». В Иркутске он заведовал литературной частью музыкального театра, долгое время был литературным консультантом по работе с молодёжью в отделении Союза писателей. Писатели проводили «литературные понедельники» при редакции газеты «Советская молодёжь». Поэт Сергей Иоффе, будучи девятиклассником ходивший на эти понедельники, так сказал о Левитанском: «Те понедельники, когда заседаниями литературного объединения руководил Юрий Левитанский, были для нас (да и для всех) особенными. Словно бы отступало куда-то все мелкое, ненастоящее, суетное, и сама Поэзия владела нами в эти часы...»

Юрий Левитанский любил Иркутск. Городу на Ангаре он посвятил стихи, которые стали песней — «Песней о нашем городе», долгие годы звучавшей на Иркутском радио. В ней есть такие строки:

*Когда мы шли военными дорогами
В сраженьях и походах боевых,
За падыми таёжными далёкими
Ты снился мне в землянках фронтовых.
Студёный ветер дует от Байкала,
Деревья белые в пушистом серебре.
Родные улицы, знакомые кварталы...
Город мой, город на Ангаре.*

А дальше он объясняется в любви Ангаре, на берегах которой привольно раскинулся город Иркутск:

*Тебе волной звенеть и песней славиться,
Огни зальют таёжные края.
Река моя, любовь моя, красавица,
Суровая таёжница моя!*

Юрий Левитанский, живя вблизи Байкала, конечно же, хотел увидеть сибирское море. И вот он отправился на машине к истоку Ангары. Ехал он ещё по старому тракту. Автодорогой с современным дорожным покрытием тракт станет только в начале 1960-х годов. О первой встрече с Байкалом поэт рассказал в стихотворении «Путь к Байкалу»:

*Вы помните песню про славное море?
О парус,
летающий под гул баргузина!
...Осенние звезды стояли над логом,
осенним туманом клубилась низина.
Потом начинало светать понемногу.*

Пронзительно пахли цветы полевые...
Я с песнею тою
пускался в дорогу,
Байкал для себя открывая впервые.
Вернее, он сам открывал себя.
Медленно
машина взбиралась на грань перевала.
За петлями тракта,
за листьями медными
тянуло прохладой, и синь проступала.
И вдруг он открылся.
Открылась граница
Земли и лазури, зарёй освещённой:
Как будто он вышел, желая сравниться
С прекрасною песней, ему посвящённой.
И враз побежали мурашки по коже,
сжимало дыханье всё туже и туже.
Он знал себе цену.
И спрашивал:
— Что же,
Похоже на песню, а может, похуже?
Наполнен до края дыханьем солёным
Горячей смолы, чешуи омулиной.
Он был голубым,
Синеватым, зелёным, горел ежевикой и дикой малиной.
Вскипала на гальке волна ветровая,
Крикливые чайки к воде припадали,
И как ни старался я, рот открывая,
Но в море, но в море слова пропадали.
И думалось мне под прямым его взглядом,
Что, как ни была бы ты, песня, красива,
Ты меркнешь,
Когда открывается рядом
Живая,
Земная,
Всесильная сила.

Повидал Юрий Левитанский и Кругобайкалку, он проехал по ней на поезде. Диковинные мысы, уходящие в бесконечные глубины, отвесные скалы, поросшие деревьями, цветами и травами, длинные туннели, прорубленные в скалистых горах, высокие мосты над живописными речками, акведуки из каменных плит — всё это поразило поэта, и не мог не написать стихи об этой удивительно красивой дороге:

*И вот расступаются горы,
Уходят гряда за грядой,
Зелёный глазок семафора —
Над синей байкальской водой.
Дежурный, давай отправленье!*

*Пусть ветер свистит и поёт —
Нам по сердцу скорость движенья,
сквозного движенья вперёд.*

Участником войны с Японией 1945 года был иркутянин Марк Давидович Сергеев (настоящая фамилия Гантваргер). Марк Сергеев был поэтом, прозаиком, общественным деятелем, был главным редактором журнала «Ангара», 15 лет руководил Иркутской писательской организацией. Он автор 60 книг. Среди них книги для детей, поэтические сборники, исторические повести, исследовательские книги о Пушкине, декабристах и о Байкале.

Марк Сергеев очень любил Иркутск и посвятил ему стихи, которые стали песней. Она звучала по всей стране и долгие годы была неофициальным гимном городу, а с 2016 стала — официальным. В этих стихах он называет любимый Иркутск столицей таёжной Сибири, серединой Земли, и говорит, что иркутяне за тысячи вёрст сердцем увидят огни своего города и отличат свой город от множества других городов: «Хоть есть города и красивей, и выше, но где бы пути иркутян ни легли, они тебя видят, они тебя слышат, любимый Иркутск, середина Земли!»

Марк Давидович очень любил природу, особенно Байкал. Он говорил, что природа везде прекрасна: и в джунглях, и в Арктике, и в тайге, и даже в пустыне. «И все же есть в мире места, — писал он, — в которых природа выстроила самые заветные свои палаты, куда собрала поистине музейные чудеса, где в полную силу проявились и ее титаническая мощь, и ее материнская нежность, ее любовь ко всему живому и ее мистическое чувство гармонии. Немного найдется уголков на земле, где можно узреть одновременно детство, юность, молодость, старость и даже глубокую древность мира и в то же время его предсказуемую будущность, сосредоточенные на едином, неповторимо созданном пространстве. Одно из таких заветных мест — загадочный Байкал. Мы приходим к нему и нас поражают его одухотворенность, его живая суть, необозримые пространства и неожиданные метаморфозы. На глазах, с каждой минутой, меняется цвет байкальской воды — от нежно-голубого, как ранняя незабудка, до пронзительно-синего; и, словно брызги его вод, выплеснутые в пространство дерзким ветром, синеют в скальных берегах чистейшие, небесные прожилки лазурита, редчайшего камня-самоцвета. А вскоре вода может стать сверкающе-серой, как серебряная руда в горах Забайкалья, потом свинцовой или черной, как уголь в ближайших каменных копях... Конечно, впечатления от краткого пребывания у заветных берегов и даже плавания по дышащей, меняющей цвета шири — разительны. Но когда ты проводишь на Байкале день, месяц, год, всю жизнь, впечатления эти нисколько не ослабевают. Ибо за каждым мысом, входящим остро или плавно в ослепительную синеву, сокрыты новые и новые тайны... На Байкале все загадочно — и скала, и дерево, и птица, и сама байкальская вода... И мы верим, что священное сибирское море, его приворотная вода, его несравненные берега вечно будут облагораживать душу человека, служить ему примером чистоты, естественности и благородства...»

Согласна я с Марком Сергеевым: впечатления от нашего моря не ослабевают независимо от длительности общения с ним. Прожила у Байкала всю жизнь и каждый день стараюсь побывать на берегу, увидеть переменчивость чудесных пейзажей, которые не могут наскучить. Фотографируя море, убедилась, насколько разным и всегда прекрасным может быть одно и то же место в разные времена года, в разное время суток. А порой значительные перемены могут произойти даже в течение минуты...

Марк Давидович часто бывал у истока Ангары, в Ливствянке и порту Байкал. Любил смотреть на синеву озера с высоты: «Чем выше в гору, тем Байкал видней...» Поэт подолгу смотрел на Байкал, который «...весь — до донышка — просвечен, и весь — до капельки — родной». Смотрел на убегающую от Байкала Ангару. Для него эти два чуда природы очень много значили. Он удивлялся людям, не видевшим ни Байкала, ни Ангары: «И если, друг, ты накопил года, и даже повидал чудес немало, но Ангары не видел и Байкала — то что, скажи мне, видел ты тогда?».

Байкалу и Ангаре Марк Сергеев посвятил немало строк. Вот часть его стихотворения об истоке:

*Когда висит июльская жара,
до самой кости землю пригревая,
рукой прохладной горы разрывая,
из моря вылетает Ангара.*

*Вода свита в тугой упругий жгут,
река летит крылато и картинно,
пока её не приструнят плотины
и радугу над лесом не зажгут.*

*Пойдёт огонь — как бы река сама:
быть городом среди берёз и сосен...
Но лето тает, и приходит осень,
а вслед за ней — сибирская зима.*

*Сугробы — словно слитки серебра,
у берега байкальского — торосы,
но, посрамив всеильные морозы,
открытой грудью дышит Ангара.*

*И что с того, что холод так жесток,
что белый пар над волнами витает,
О, как она отважно вылетает,
как дерзок и стремителен поток!..*

Бывал Марк Сергеев на истоке Ангары не только в тёплое время года, но и зимой. Смотрел на густые испарения не замерзающего зимой истока, наблюдал за зимующими здесь во множестве птицами: «Но не все вокруг замерзает. Парят горячие источники, в крутой мороз в них можно искупаться: над теплой водой держится слой прогретого воздуха. Не замерзает и дымится, дымится морозным паром исток Ангары — дочери Байкала. Здесь, на открытой воде, зимуют гоголи, крохали, утки, морянки и другие птицы, которые из Прибайкалья обычно улетают на юг. Они добывают пищу в воде, ныряют, вылавливая разнообразных рачков и червей. А вечером отправляются вглубь байкальского простора, где спят, спрятавшись от ветра в торосах. Жизнь их полна опасностей, но они не знают другой земли, и это открытое пространство — исток Ангары — притягивает их навеки».

«Времена года на Байкале» Марка Сергеева содержат замечательные описания байкальской природы, согревающие душу. Их хочется читать и перечитывать.

И приятно, что автор, мастер байкальских зарисовок, видит и ценит этот дар в других. Во «Временах года» от приводит цитату с описанием зимнего Байкала учёного Михаила Михайловича Кожова: «В ясные солнечные дни, которые так обычны в зимнее время в Восточной Сибири, Байкал, закованный в лед, особенно красив. Когда солнце скрывается за горизонтом, розово-фиолетовое сияние заливает безбрежную ледяную гладь, вдали на гольцах (так называются не покрытые лесом горные вершины. — М.С.) ярко блестят снега и розовеют покрытые тайгой подножья и склоны хребтов.

Сквозь прозрачный лед, лишенный снегового покрова, вдоль берегов отчетливо видно дно, выстланное песками или глыбами слабо окатанного камня, ярко-зелеными колониями губок и другими обитателями дна.

Но обычная тишина зимних вечеров время от времени сменяется целой гаммой звуков: то слышится грозный гул от далеких разрывов льда или протяжный стон от небольших близких разрывов и надвигов льда, то совсем рядом раздаются громовые удары, и на глазах во льду внезапно появляется широкая щель, из которой проступает вода. Все это производит на непривычного человека сильное и нередко жуткое впечатление. Особенно усиливается эта «симфония» закованного в лед озера в начале зимы».

Михаил Михайлович Кожов — один из самых выдающихся учёных Байкала. Замечательным исследователем Байкала была и его дочь Ольга Михайловна. Они много раз проезжали через исток, добираясь от Иркутска к Байкалу, путешествовали по озеру, кропотливо его изучали и оставили большое научное наследие.

К сожалению, время, в которое они работали на Байкале, оказалось тревожным: был построен первый каскад Иркутской ГЭС на Ангаре, а на Славном море задумали построить целлюлозно-бумажный комбинат.

Когда началось строительство Иркутской ГЭС, Михаил Михайлович в своей работе «О биологических последствиях колебаний уровня Байкала» сказал, что Байкал начал играть роль водохранилища. Он был против сооружения прорези в истоке Ангары, чтобы большой поток воды хлынул на турбины, для чего предполагалось взорвать Шаман-камень. Этот горе-проект, к счастью, не был осуществлён.

Строительство Байкальского комбината вызвало протесты многих учёных. Вся страна переживала за Байкал. Пришли времена, когда Байкал, сильный и могучий, стал нуждаться в защите человека от человека. Михаил Кожов и другие учёные провели исследования, доказавшие пагубное влияние сбросов БЦБК на экосистему уникального озера. Михаил Михайлович утверждал, что работа комбината даёт значительные загрязнения, и они распространяются по озеру из-за циркуляции вод. И это приведёт к смене фауны и флоры, эндемики будут вытесняться неприхотливыми обитателями более обычных водоёмов. В результате исчезнут особенности Байкала, выделяющие его из множества озёр, и он станет обычным водоёмом. А этого допустить нельзя. «Байкал должен быть сохранён во всей его первобытной величественной красоте и целостности, с его кристально чистыми водами, великолепной горной тайгой, украшающей берега Великого озера, с его уникальной древнейшей фауной и флорой», — говорил Михаил Кожов.

В 1969 году вышел на экраны фильм «У озера» режиссёра Сергея Герасимова. Прототипом профессора, защитника Байкала Александра Александровича Бармина стал Михаил Михайлович Кожов, так как он был храбрым защитником Байкала, протестовавшим против строительства на берегу священного озера промышленного комбината.

Любовь к Байкалу Михаила Михайловича Кожова прошла через всю его жизнь, и остался он лежать навечно на берегу озера-моря, в посёлке Большие Коты.

А в Листвянке похоронен другой защитник Байкала — учёный-биолог, академик РАН Григорий Иванович Галазий. Григорий Иванович был директором Лимнологического института, что находится у истока Ангары. Окна его кабинета выходили на Байкал. По инициативе Галазия был создан Музей байкаловедения на первом этаже института, который стал визитной карточкой Байкала, его посещают туристы со всего мира, бывающие в Листвянке.

Григорий Иванович читал лекции о Байкале, проводил экскурсии. Он написал книгу «Байкал в вопросах и ответах», где ответил на 979 интересующих многих людей вопросов. Книга эта издавалась шесть раз.

Всю жизнь Галазий занимался исследованием Байкала, который очень любил. Когда над озером нависла опасность, Галазий встал на его защиту, и этому делу был верен до конца жизни. Он утверждал, что к Байкалу нужно относиться бережно, доказывал, что целлюлозно-бумажный комбинат наносит большой вред озеру. Чтобы отстаивать Байкал, он стал депутатом Государственной думы. И приложил немало усилий, чтобы был принят «Закон об охране озера Байкал». Валентин Распутин сказал о Галазии, что «...люди, знавшие его, не могли представить, как он может пойти на какой-то компромисс, если речь идёт о Байкале... Это действительно был «рыцарь без страха и упрёка», который не раз подставлял и свою судьбу, и свою карьеру во имя достижения благородной цели». И ещё хочу привести одну цитата Валентина Григорьевича: «...Уж чего-чего, а твёрдости и прочности у Григория Ивановича хватало, в этом он был «элементом» редким, не имущим в людях широкого распространения. Но Байкалу в самый тяжёлый период его существования во второй половине XX века потребовался такой человек, и он из недр народа явился...»

Валентин Григорьевич Распутин родился на Ангаре, и она для него много значила. С ней были связаны его самые первые в жизни воспоминания. Валентин Григорьевич писал о своих детских впечатлениях: «Ангара ... поразила меня волшебной красотой и силой, я не понимал, что это природа, существующая самостоятельно от человека миллионы лет, мне представлялось, что это она принесла нас сюда, расставила в определенном порядке избы и заселила их семьями». Время было трудное, деревня жила бедно, и выручали огороды, тайга и, конечно же, Ангара. «А какие острова были на Ангаре, какие острова!» — восклицает он и говорит, что думал, будто Ангара принесла и расставила их для радости людей и для их подкорма в голодные годы.

В детстве Валентин Распутин любил всматриваться в ангарскую воду и видел «что-то такое, не соединяющееся в образ, но зримое, взрослым глазам неподвластное». «И не может же быть, чтобы я ничего там не высмотрел и не занес в свою душу, что-то такое, что сделало ее чувствительной и подвижной», — сказал он.

От Ангары «есть-пошли» его книги. Река и родная деревня давали писателю сюжеты, давали героев. Ведь в основном прообразами героев его книг стали односельчане. И судеб односельчан хватило бы ещё на многие книги.

Писатель говорил, что его деревня Аталанка стояла на двух сокровищах — на Ангаре и тайге, к сожалению, сейчас не осталось ни того и ни другого. «Не стало Ангары, молодой, быстрой и завораживающей, в которую я беспрестанно заглядывался в детстве. Теперь она, обузданная плотинами, изъезженная, распухшая, гнилая, лежит в беспомысленности, теряя свое имя».

Валентин Григорьевич боролся за Ангару, и в основном благодаря ему не были построены две плотины, которые планировалось построить после Богучанской ГЭС.

Писатель с горечью говорил, что понятие цивилизации исчезло, а «появилось новое обозначение жизни: устойчивое развитие». И бездуховный и безнравственный мир не остановится перед дальнейшим уничтожением природы...

Много сил и таланта отдал Валентин Григорьевич и в борьбе за Байкал. Сразу после Великой Отечественной войны море-озеро стало вызывать беспокойство в правящих кругах. Да, Байкал уникален, всего в нём сполна, он благотворно действует на душу, но естественной отдачи мало: надо работать! И первое дело, которое ему нашли, было сооружение прорези в истоке, о которой говорилось выше. Всерьёз обсуждался «проект поразительной смелости и новаторства — подложить под Шаман-камень в истоке Ангары тридцать тонн аммонита и рвануть, чтобы байкальская вода беспрепятственно хлынула на турбины ангарских гидроэлектростанций... Ведь этак можно завалить алюминием весь мир! Шаман-камень не взорвали только потому, что нашлись, слава Богу, ученые, которые припугнули вероятностью непредвиденного геологического смещения».

К счастью, Шаман-камень не взорвали. Осталась цела визитная карточка нашего истока, но всё же перемены с камнем-скалой произошли. После затопления в 1956 году на поверхности осталась торчать его макушка. На старых фото, сделанных до затопления, он поднимается из воды намного выше...

С 1974 года шесть лет «летами, а не годами» жил Валентин Распутин в нашем посёлке, в домике, стоящем у самого берега Байкала, недалеко от истока Ангары. Он часто гулял вдоль берега, в задумчивости смотрел на плещущие волны. В одном из очерков он сказал, что последним пропел сыновью песню Ангаре со словами, которые она в него наплескала. Немало дали ему и наплески Байкала. Уже одно то, что он написал в нашем посёлке две своих великих повести «Прощание с Матёрой» и «Живи и помни», говорит о многом. Наши края можно увидеть и в других произведениях автора.

Байкал и Ангара у истока нераздельны. Ангара несёт в северные земли байкальскую чистейшую воду, в которой, как сказал Виктор Петрович Астафьев, «создатель омывал новорождённых ангелов, прежде чем пустить их в небо, и оттого у них такие белые, нежные, лебединые крылья». Вода в реке и в море-озере бесконечно долгое время оставалась хрустальной, и сквозь неё было видно даже самые мелкие камешки.

Писатель любил море и Кругобайкалку, протянувшуюся по берегу почти на 90 километров. Он уходил по железной дороге подальше от посёлка, где не ходит ни один человек, забирался на крутые горы и, присев на какой-нибудь камень, смотрел на Байкал, забывая себя, теряя ощущение времени. Однажды он смотрел на Святое море, на исток с вершины горы из Листвянки, размышлял о судьбе Ангары и наслаждался удивительными, пленительными пейзажами. И оставил лирические строки нам, читателям: «Было чему удивляться: понизу, по льду, полог света шел справа налево, там поднимался в горы, разворачивался и плыл в обратную сторону, к Толстому мысу. Да, всю свою золотистую ткань, всю свою горячую, а затем и теплую щедрость снизало солнце в эту огромную волшебную чашу, в это неиссякаемое лоно, рождающее Ангару, и теперь, опустошенное, меднистое, отгоревшее, садилось на краю горизонта на невесть откуда взявшееся небольшое облако, похожее на белого оленя в прыжке с подогнутыми ногами и разлохмачен-

ным хвостом. С того места, где я стоял, солнце уже опустилось за темную горбушку мыса, а облако, только что напоминавшее оленя в стремительном прыжке, точно скинув с себя оседлавшее его солнце и изуродовавшись от ожога, ничего поэтического из себя, кроме скомканной белой шкуры, больше не представляло. А на противоположной, на утренней стороне небосклона, над горами в розовом снегу, вдруг выплыли белой стайкой кружевные облачные фигурки, одна занятней и диковинней другой, красивые и веселые в своей маскарадной неузнаваемости, и поспешили вдоль горизонта вправо, как оказалось, под прямоток западающего солнца. Легкая и широкая, во всю правую боковину Байкала, заскользила по льду тень, медленно разматываясь и пригашая его золотистое свечение. Перед горами тень испарилась, горы по-прежнему лежали в солнечном свете, густом, настоенном, влипшем в могучие каменные изваяния. Стайка облаков, не рассыпаясь, заняла свое место чуть поперед гор и в минуту запылала таким пурпурным восторгом, такой гранатовой сочностью, что и лед под этим фантастическим новым светилом опять заалел, и кругобайкальский берег выступил всеми своими складчатыми ярусами. И чем глубже закатывалось солнце, чем плотнее ложились сумерки на Ангару, тем ярче и волшебней окрылялось огненными волшебными жар-птицами небо над Байкалом и тем смелей и вдохновенней продолжал накладывать краски невидимый художник. Я еще долго стоял на каменистом выступе скалы, приближенный, казалось, к тайным и могучим силам неба. И долго-долго теплились, не затухая, горы, овал самой дальней из них, высящейся за поворотом, мерцал негасимой оплывшей свечой; облака самородными зорьками висели над Байкалом; на льду трепетали всполохи. И все так же было тепло, бархатный воздух ласкал лицо, и с души не сходил восторг».

Сохранить великолепие, неповторимость и мощь Байкала и Ангары, рассказать о них талантливо и проникновенно — в этом, по-видимому, был смысл жизни Валентина Распутина.

После того, как Валентин Григорьевич уехал из нашего посёлка, его любимый домик на Байкале не пустовал, в нём поселился и уже более сорока лет живёт поэт Владимир Петрович Скиф и его семья. Наши места давно стали ему родными, никто столько о них не написал, сколько Владимир Петрович. Стихи, посвящённые Байкалу, вошли в его книгу «Он место в космосе искал».

Скиф приезжает в свой дом обычно весной, когда «ещё от ветра стыннут пальцы, но солнце негу с неба льёт, и начинает рассыпаться игольчатый байкальский лёд». Приехав, соскучившись по Байкалу, сидит у дома и подолгу слушает говор моря. А в лазурном небе плывут лёгкие облачка, «как будто весенние льдины небесная движет река».

Воду поэт и его семья пьют байкальскую. До недавнего времени они носили её ведрами: «К Байкалу с ведрами спускаясь, мы раздвигали облака...»

Согревает солнце байкальскую землю, пробивается трава, зелёным листочным пушком покрывается лес, распускаются первые цветы. С большой нежностью поэт говорит о наших маленьких, но стойких и смелых первоцветах, похожих на цыплят: «Байкал-медведь во льдах-валежниках ещё нечёсан и свинцов, а по горе бегут подснежники, как будто выводки птенцов».

Перед наступлением летней поры поэт обращается к лету с просьбой: «Расцвети, моё лето, раскинься прибайкальским зыбучим ковром, райским деревом к сердцу придвинься, восплай земляничным костром». И просит наполнить его карманы стихами.

И долгожданное лето приходит. Оно вдруг «взорвётся крапивою, лопухами, как мамонт, ушастыми, лебедою, как дева, красивою и махровыми маками красными». И всё цветёт наперебой. Над Байкалом «отражением чистых небес» цветут незабудки. В лесу, «высвечивая рощи изнутри, горят жарки». Цветут кукушкины башмачки, саранки, ромашки... А потом буйно цветут травы, в которых красуются скромные сложенные природой букеты гвоздики. Лето дарит тёплые грибные дожди и радуги во всё небо... И вся эта быстро проходящая краса наполняет сердце поэта, и оно отзывается стихами...

Даже тех, кто видит Байкал постоянно, порой удивляет его переменчивость. Удивляет она и Владимира Скифа. Тишина... И вдруг налетает «бесноватый ураган», такой мощный, что поэт ещё не видел, «чтобы шли ордою волны и скакали между скал, чтобы так верёвки молний обвязали весь Байкал. Чтоб рябина верещала, словно птица за окном, чтоб земля по швам трещала и ходила ходуном». Вот так образно и живо, в нескольких строчках Владимир Петрович изобразил разгулявшуюся стихию. О силе и коварстве байкальских ветров сказано немало, ведь они приводят людей, находящихся в море, в трепет. Порой штормовая погода длится долго. Но на этот раз ураган промчался быстро: внезапно налетел, побушевал короткое время в полную силушку и мгновенно стих.

Сибирское море вместе с горами, с небом — это для поэта великий Космос. Он и о своём дворе говорит, что он «открытый, словно космос», и тишина в нём, как будто на Луне. Особенно связь с космосом чувствуется в звёздную ночь:

*Спелых звёзд на гору набросала
Ночь, как будто сказочная печь.
О кремень горы звезда-кресало
Возжигает утреннюю течь:
Раз за разом вспыхивают звёзды,
Ударяясь о вершушки гор —
И дымится разряжённый воздух,
И кометы катятся во двор.*

А за Кругобайкальской железной дорогой, что лежит у самого дома-дачи, не спит Байкал, он «забыв про сны, всю ночь процеживает звёзды ковшом безмерной глубины».

На просьбу поэта, обращённую к лету, наполнить стихами карманы отзывается не только лето, но и осень. Сентябрь даёт ему яркие краски, сладостные звуки, тихий свет: «Ах, бабье короткое лето! Пронизанный солнцем зенит, где в тонких мелодиях света душа паутинкой звенит».

Владимиру Петровичу всегда хорошо пишется на даче, а с наступлением холодов ему остаётся с благодарностью «отвесить низкий свой поклон» угасающему лету, воспоминания о котором согревают его долгой зимой в Иркутске.

Конечно, приходилось Владимиру Скифу бывать на истоке и в зимнее время и видеть незабываемые пейзажи, поистине фантастические: «Уже зима. Байкал дымится. Пылают Ангары исток, и солнце красное садится в крутой байкальский кипяток...» Зимой в морозные дни остывающий исток восходит к небу таким густым паром, что сквозь него не видно ничего, да и сама байкальская чаша исходит «кипятком», устремляющимся в небо. А когда восходит или заходит Солнце, картина становится совсем космической.

Владимир Петрович преклоняется перед мощью и величием Святого моря и считает его живым, утверждает, что с ним можно разговаривать, но не надо шу-

тить. Самоуверенности перед ним не должно быть, иначе шутки плохи, и таким примерам нет числа. Поэт относится к Байкалу с благодарностью и почтением, говорит, что перед ним, как перед Богом, все равны. И посвятил ему оду:

*Живое зеркало Байкала
В оправе скал. Скала к скале.
Здесь совершенство отыскало
Себя в байкальском хрустале.
Здесь небо в море уместилось,
Рисунок гор — неотразим!
В распадках ветры угнездились:
Култук, сарма и баргузин.
Здесь быть и жить необходимо —
У этих вод, у этих скал.
От зла да будет оградимо
Твоё вместилище, Байкал!
Порою ты клокочешь гневно,
То пустишь рябь, то гонишь вал.
И мне охота каждодневно
Читать, как Библию, — Байкал.
Оно почти невыразимо,
То чувство древнее во мне,
Когда на крыльях баргузина
Душа несётся по волне.
Но, чу! Глухая ночь упала...
Деревья спят, и люди спят.
Лишь где-то рядом запоздало
Во тьме ключины скрипят.
Я, ощутив Байкала трепет,
В нём звёздную увидел взвесь.
Скажите, звёзды, а на небе
Подобное Байкалу есть?
Он вечный! Вещий! Драгоценный!
Он место в космосе искал...
И если есть душа Вселенной,
То это, всё-таки, Байкал!*

Конечно же, Владимир Петрович с болью воспринимает беды, которые несёт Байкалу человек, его нерадивое хозяйствование:

<i>Мы, словно гончие собаки, Его зажали здесь и там: На юге — трубы, яды, шлаки, На севере — жестокий БАМ.</i>	<i>Стеклоанным смерчем протестует И топит наши корабли. Потом, расслабленный, в печали, В упор разглядывает нас, Моей тайги — глазной хрусталик, Планеты совестливый глаз.</i>
<i>Байкал взывает, негодует, Пощады просит у земли,</i>	

«Человек — это звучит гордо», — сказал устами своего героя Максим Горький. Сейчас же слово «человек» всё чаще звучит горько. А надо, чтобы звучало

гордо. Всегда. А для этого нужно, прежде всего, обуздать свою тягу к наживе, бережно относиться к природе и любить её всем сердцем. Потому что она прекрасна. Потому что мы её дети. Она бережёт нас. А мы должны беречь её. Должны беречь Байкал, ведь он самое большое сокровище, дарованное нам Природой. Эту «душу Вселенной», этот «планеты совестливый глаз» надо сохранить для потомков. Байкал собирает для нас огромные запасы чистой воды с ледников, чтобы мы могли жить и быть здоровыми, он радуется богатством привольных картин, чтобы не зачерствели и были открыты миру наши сердца...

Сколько людей побывало на истоке за четыре века — не счесть! Сейчас наши места доступны, и здесь бывает весь мир. И писатели, и художники, и кинематографисты, и учёные...

Байкал переменчив, и открывается всем по-разному. Кого-то он встречает тучами, ветром в лицо и волной, глухо бьющей в берег. Кого-то — ясным небом и солнечными звёздами, играющими в кипящей пучине. Кто-то увидит его совершенно тихим, отражающим горы и небо, открывающим взору каждый камешек. Кому-то он дарит ледяные бескрайние просторы, испещрённые бесконечным множеством трещин, от самых маленьких до гигантских. А кому-то повезёт увидеть ледоход на истоке Ангары. И все будут счастливы, ведь Байкал прекрасен в любое время года.

Суровая земля наша — настоящий рай для взора: смотри, восхищайся, рисуй, воспевай! И береги. Другого Байкала не будет.



НАТАЛЬЯ ШУХНО



«Как провожают нынешних и бывших...»

* * *

Смывает тушь, стирает губы
И курит, глядя в никуда,
Пока по водосточным трубам
Бежит осенняя вода.

И хмурый вечер сложен вдвое
Среди душистых тополей,

Ей кажется — окно чужое
И ярче светит, и теплей.

Печаль туманна, боль условна,
Фонарик сломан, пуст вокзал.
Джюльетта, уходи с балкона,
Тебя никто туда не звал.

ШУХНО Наталья Сергеевна родилась 21.08.1984 г. в г. Могилеве. Окончила Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, факультет журналистики. Журналист, телеведущая, сценарист, поэт, автор песен. Автор и ведущая телевизионных программ о кино, театре и музыке. Автор двух поэтических сборников: «Белые паруса» (2002 г.), «Сборник стихотворений» (2010 г.). Лауреат литературной премии им. Ю.П. Кузнецова (журнал «Наш современник»). Автор пьесы «Оранжевый рай». Участник Всероссийского Совещания молодых литераторов «Химки-2022», «Химки-2023». Эксперт на всероссийском форуме-фестивале «Капитан Грэй-2023». Публиковалась в ряде белорусских изданий: «Книжный мир», «Белорусская мысль», «Знамя юности», «Советская Белоруссия», «Беларусь сегодня». А также в российских литературных газетах и журналах: «Литературная газета», журнал «Наш современник», газета «Время» (Кингисепп), альманах «Поэзия. Двадцать первый век Новой Эры», «Невский альманах» и других. Член Союза писателей России.

* * *

Мне снился бесконечный океан,
Печаль волны и то, что будет поздно,
Огромный кит, плывущий в небе звездном,
Пускал неисчерпаемый фонтан.

Когда окно врезается в туман,
В молочной мгле не видно дом соседний,

Рябины кисти, розы цвет последний,
Фонарный столб, желтеющий каштан.

И человек не виден в пустоте,
Хотя ладонь была живой и теплой,
Он уходил сквозь выбитые стекла
Кататься на космическом ките.

* * *

Два тополя над домом склонены
И сыплют пухом нежным и воздушным,
Укрыв фасад в подпалинах желтушных,
Баюкая напуганные души,
Как будто тополя пришли с войны.

Вечерние дворы пока полны,
На бельевых веревках форму сушат,
Гоняют мяч, детей зовут на ужин,
И музыку из окон можно слушать,
И хочется добра и старины.

А старина растет из недр лесных,
Плывет над полем дудочкой пастушьей,
И век, как миг, пропущен и разрушен,
Эпоха погибает от удушья,
Растрчивая мертвых и живых.

* * *

Ее кресты как обстоятельства
Сложились в схемы неизменные,
Обыкновенное предательство
И боль вполне обыкновенная.

Она звала. Стальными веками
Моргали совы желтоглазые,
Но откликаться было некому
И сожалеть о недосказанном.

Тревожный сон, в нем что-то важное,
Тугим жгутом рубашка свернута.
Но одиночество не страшное,
Когда луна заходит в комнату.

Промозглый ветер, вечер пятницы,
Звенит в окне осина голая,
Она молчит и улыбается,
И Бог ее целует в голову.

* * *

Московские огни еще плывут,
Июньский вечер в матовой подсветке,
Луна висит на яблоневои ветке,
Как циферблат без стрелок и минут.

Нам кажется, что невозможно ближе,
Не тратя слов, не опуская глаз,
И вижу я тебя, как в первый раз,
И как в последний раз, тебя я вижу.

Устала облетевшая сирень,
И опрокинул парк деревья в воду,
Выходит звук на бешеную коду,
Как в первый день и как в последний день.

И стебли трав уже теряют силы,
Июнь встает полками за спиной,
Невыносимо просто быть с тобой,
И отпустить тебя невыносимо.

* * *

Играли в мячик, считали пальчики
Как сон дурной — на передовой,
Они опять превратились в мальчиков,
Которых мамы зовут домой.

Еще родите, ну хватит, не плачьте так,
Бывает часто, в конце концов.

За поколением неудачников
Стоит глухая стена лжецов,

А над окопами одуванчики
И неба солнечного отрез,
Не оглянувшись уходят мальчики,
Куда... как мученики, на крест.

* * *

Все сложно и на ноль умножено,
Весною, плачущей от ран,
Мне мальчик позвонил из прошлого,
Он был когда-то небом дан.

Над крышами алело зарево
Цветущих майских вечеров.

И воздух ласковый черешневый
Заполнил стены до краев,
И снова тело под одеждою
Уже как будто не мое.

Он говорил, что много прожито,
Но можно попытаться вновь
Искать, как сон в траве нескошенной,
Незавершенную любовь.

Он говорил, что сердце замерло,
С прошедших лет снимал покров,

Зачем такое возвращается?
Понять, подумав, Боже мой,
Что просто мы сейчас прощаемся,
Что это все перед войной.

* * *

И лампа будет над столом
Под абажуром,
Сухим наполнится вином
Бокал ажурный.

Пойдем, что тот и этот свет
Непреходящи,
Что дым апрельских сигарет
Гораздо слаще.

Сведем кровавые следы
С души и формы,
Под шелест дождевой воды
Начнем повторно.

Лишь смерть в реальности земной
Необратима,
Какое счастье, ты живой
И невредимый.

* * *

У ночи осенней в плену
Тревожные шепчутся клены,
Как на проводах оголенных,
Целуешь чужую жену.

Сочится из форточки мгла,
Часы умирают на кухне,
И пляшут беспечные духи
В размытом пространстве угла.

Излом в середине пути,
Октябрьский привкус песчаный,
Так пахнут земля и туманы,
Так хочется дальше идти.

А дождь продолжает строчить,
Дробиться, как хрупкое счастье,
Ты стал его временной частью,
Которую не повторить.

* * *

Пусть будет лето и жара,
Медовый зной, душистый воздух
И ослепительные звезды,
И сосен теплая кора.

Пчелиный гул, сверчковый плач,
Вишневый сок, трава по пояс,
Я все пытаюсь, успокоюсь,
Несопряженное сопрячь.

Июль, зачатый по любви,
Врастет в податливую почву
И затаятся между строчек
Понятной истиной земли.

Я застываю где-то меж
Ветров и солнца. Вижу сцену,
Венок, который не надену,
И потолок, сдавивший стены,
И клетку собственных надежд.

* * *

Там, где черные ночи
Сливаются в синие реки,
Я все об одном человеке,
А он обо мне не очень.

Не надо жалеть строчек,
Матрица слов вечна,
Но время еще шепчет,
Что камень вода точит.

Что ты мне дал, Отче,
Поздно и так сложно,

Самых двоих непохожих
Выбрал среди прочих.

Безликой зимы почерк,
В календаре крестик,
Хоть где-нибудь быть вместе,
В одной из земных точек.

Взгляд у луны точен,
До выхода провожает,
Тебя ожидает чужая,
И будет любить. Очень.

* * *

Как провожают нынешних и бывших,
Касаются губами скул едва.
И молятся: храни его, Всевышний,
Молитвенные позабыв слова.

Так сладок сон, так тихо шепчут травы,
Пока молчит бесчувственная сталь,
Здесь нет уже и правых, и неправых,
А лишь глаза, смотревшие в февраль.

Он видит смерть, она идет по следу,
Кровавый дым к сухой земле приник,
А там, за ним, Туманность Андромеды
И волосы прекрасных Вероник.

Он станет снова маленьким и лишним,
Пополнит геометрию могил,
Поэтому люби его, Всевышний,
Пока небесный край крестами вышит,
Прими его, уже навечно, в тыл.

* * *

Все о любви и о войне,
Когда так сильно жить захочешь.
И очи карие у ночи
Неповторимые вполне.

Еще важна Благая весть,
Есть адрес Бога на конверте,
Отсрочка мнимая от смерти
И взгляд, который не прочесть.

Прозрачно, в такт тревожным снам,
Дрожит стекло в оконной раме,
И свет багровый над домами,
Как расцветающий тюльпан.

Разгладив острую волну,
Застыло море неподвижно,
Мечты со вкусом спелой вишни,
Все про любовь и про войну.

Детская страничка



К юбилею автора

АННА ИОФФЕ



Планета Байкал

СКАЗКА

Вступление

Меня зовут Ленка. Мне восемь лет, и я сложный ребёнок. Так утверждают взрослые, а им полагается верить.

Если ребёнок проявляет непослушание, он попадает в отряд Сложных Детей. Его лишают сладкого, игрушек и ставят в угол «подумать над своим поведением».

ИОФФЕ Анна (Стародубцева Анна Сергеевна), прозаик, драматург, литературный редактор. Родилась в 1969 году в Иркутске. Училась в средней школе № 9. В 1991 г. окончила филологический факультет ИГУ. Работала учителем русского языка и литературы, сотрудничала с Восточно-Сибирским книжным издательством в качестве литературного редактора. Член Союза писателей России с 2021 г. С 1997 по 2000 занимала должность главного редактора литературно-художественного альманаха для юношества «Первоцвет». Затем сотрудничала с газетами «СМ Номер один» и «Пятница» в должности редактора и корректора. Сейчас трудится в Центре оценки профессионального мастерства, квалификаций педагогов и мониторинга качества образования также в должности редактора и корректора. Автор книг: Мой маленький Павел = Mein kleiner Pawel (Иркутск, 2001), Планета Байкал (Иркутск, 2018), Байкальское путешествие Лучика и Фу (Иркутск, 2021) и др., а также нескольких пьес, в том числе — «Мой маленький Павел», «Пена», которые были поставлены на сцене любительского театра А. Гречмана. В Иркутском ТЮЗе идет ее пьеса «Дуэль», посвященная А. Пушкину. Анна Иоффе вместе с коллективом альманаха «Первоцвет» награждена премией Правительства Иркутской области «Культура и искусство Приангарья» (2008). Живет в Иркутске.

Однажды, ещё в детском саду, я стояла в углу, потому что опять заслушалась воспитательницу. Мою провинность назвали Безобразной Выходкой — и эти два слова сжали мою голову как обруч и сделали ее больной.

У меня всегда так — когда я чего-то не понимаю, болит голова.

Я стояла в углу и размышляла: почему Выходка и почему Безобразная? Наверное, Выходка — это нарушение правил. А Безобразная — значит, некрасивая. Взрослым смотреть неприятно. У них от такого Безобразия сдвигаются брови, сжимаются губы и, наверное, тоже разбалчиваются головы.

Правила я действительно нарушила — выбежала за ворота территории детского сада, а это строго воспрещено. Ворота — граница между миром детей и Большим Миром, и её пересекать нельзя. То есть можно, но только с воспитательницей или с родителями. Мы, дети, ещё не можем путешествовать по Большому Миру самостоятельно.

Я любила подходить к воротам и смотреть на широкую дорогу. По ней неслись машины, и я решала про себя, куда они торопятся. Вон той — зеленой и вытянутой, как крокодил, — определенно управляла злая лесная ведьма. Она мчалась в соседний лес на праздник всех ведьм, где они выдавливали сок из несчастных берёз. Делали из него вино и пели хором злодейские песни. А за рулем вон того грузовика с брёвнами сидел друг злой ведьмы, жестокий лесоруб. Он срубил столько живых деревьев, чтобы их продать и получить деньги. Лучше б он отдал свой товар доброму Папе Карло. Папа Карло сделал бы из этих дров много-много маленьких Буратино. Целый отряд веселых деревянных мальчишек, которые утёрли бы нос злым ведьмам и жестоким лесорубам. И Большой Мир стал бы лучше.

В тот день я тоже стояла у ворот и смотрела на дорогу. И вдруг заметила маленького белого щенка, который бросился пересекать дорогу и на середине застыл в ужасе. Его объезжали страшные, рычащие моторами чудовища, и спасала беднягу только разделительная полоса. Страх его был так велик, что щенок не мог двинуться, лишь вжался в асфальт. Я издали ощущала, как быстро-быстро стучит его сердце.

Наверное, белый щенок решил, что попал в жуткий железный мир, где всё движется и грохочет, где никто никого не любит и не жалеет. И если тебя в этом мире раздавят — то совсем-совсем этого не заметят и не почувствуют, ведь железо чувствовать не умеет.

Мои ноги сами оторвались от земли, и я побежала за ворота.

— Елена, остановись! — грозно закричала мне вслед воспитательница Роза Ивановна, но я даже не обернулась. Хотя могла бы крикнуть в ответ, что никакая я не Елена. Елена — это которая царевна, ее называют Прекрасная, и она живет в сказке. А я всего лишь Ленка, я сложный ребёнок и живу в мире, который движется и грохочет. И в этом мире терпит бедствие маленький белый щенок.

Я неслась, не ощущая асфальта под ногами и не помня о том, что опасность на шумном шоссе с его движением подстерегает и меня саму. Вот только когда я оказалась на краю тротуара, то обнаружила, что щенок исчез. Он будто растворился в пространстве. У него словно выросли крылья — и подняли его в небо, унося далеко от рычащих чудовищ. Я даже задрала голову — мне казалось, что я вот-вот увижу улетающего в солнечную синь белого щенка. А может, и услышу его радостный, свободный лай...

Но услышала я только восклицание воспитательницы за моей спиной:

— Елена, ты сведёшь меня с ума! А ну немедленно в группу!

Я брела, скребя подошвами об асфальт. Роза Ивановна крепко держала меня за руку и сердито выговаривала что-то, а я не слышала. Я спрашивала себя: куда же подевался щенок, спасся ли?.. Унесли ли его в небо лёгкие крылья?..

Потом за свою провинность я стояла в углу. Мне полагалось «подумать над своим поведением», чтобы никогда больше не совершать Безобразных Выходок. А я думала совсем о другом: о злых ведьмах, жестоких лесорубах и о белом щенке. О том, как это здорово: оторваться от земли, когда на тебя мчится что-то страшное и злобное, — и лететь, лететь, лететь...

В тот день я нарисовала щенка с крыльями. Воспитательница сказала, что бабочка у меня вышла неправильная — у нее не бывает ушей, вытянутой морды и хвоста.

— Это собака, — пояснила я.

— А почему у нее крылья?

— Потому что в Большом Мире много злых ведьм и жестоких лесорубов, — растолковала я, удивляясь, как этого можно не понимать.

— Что в твоей голове делается?.. — недоумённо пробормотала Роза Ивановна.

Часть первая

Я сложный ребёнок. Я живу в старинном сибирском городе Иркутске, мечтаю о крылатом белом щенке и о старшем брате. А ещё о том, чтобы почаще приезжал мой папа. Мы с мамой ждем его иногда целыми месяцами. За окнами дожди сменяются снегопадами, а мы всё ждем и ждем. Мамочка говорит: «Ждать, доченька, — это тоже профессия».

Мой папа — геолог-нефтяник, он постоянно в командировках. Я много чего знаю про нефть. Знаю, что она источник энергии и необходима людям как хлеб. Нефть — это тепло, свет, движение, жизнь. Ещё знаю, что нефти на планете Земля осталось мало, и когда её совсем не станет, человеку придется искать другие источники. Иногда я пугаюсь, потому что представляю, как папа полетит в космос, к другим мирам, чтобы искать эти источники уже там. И опять будут идти дожди и сменяться снегопадами. А я буду глядеть в чёрное небо и ждать, когда среди звёзд мелькнет сигнал папиного космического корабля.

О старшем брате я мечтаю, потому что уверена: если бы он был, он бы меня понимал и защищал. Иногда я думаю, что он существует. Просто тоже полетел куда-то — как щенок, на крыльях. Мама об этом знает, и потому у нее на лице так часто случается светлая и грустная улыбка. Но мы с братом обязательно встретимся, надо только чуть-чуть подождать.

Я представляю, как мы вместе будем встречать мой любимый праздник — Новый год. Во дворе будет стоять ёлка и сверкать огнями, а мы с братом будем играть в снежки. И белый пёс будет бегать вместе с нами, и в его чёрных глазах будут светиться новогодние звёзды. А если ему захочется полетать — он взлетит, и это будет так весело и красиво, ведь всё небо будет освещено салютами.

Я часто рисую моего брата — у него светлые волосы и синие глаза. Иногда я рисую его рядом с белым щенком.

— Кто это? — поинтересовалась однажды мама.

— Это мой старший брат.

— Но у тебя нет и никогда не было брата.

— А что же делать, если я чувствую, что он есть?..

Мама растерялась и опечалилась, перевела взгляд на изображение щенка и тихо спросила:

— Хочешь, я куплю тебе собаку? Породистую?

— Не надо породистую, — ответила я. — Надо с крыльями.

Мама только вздохнула, не зная, что сказать. Ей тоже было со мной трудно и непонятно, как Розе Ивановне и прочим взрослым.

Время шло. Я окончила детский сад, а потом и первый класс школы. Перед летними каникулами наша учительница Лада Васильевна объявила, что мы едем на экскурсию на озеро Байкал.

Едва я это услышала, у меня в голове что-то запело. Вернее, заиграло — красиво, как будто несколько колоколов одновременно: Бай-кал-л-л, Бай-кал-л-л... Удивительный перезвон!

Я ещё ни разу не была на Байкале, только видела его на фотографиях — кусочками. Кусочек воды, кусочек гор, кусочек берега. Эти кусочки были мелкими, как пазлы, и в целую картину не складывались. Я знала, что Байкал — озеро Великое и Священное. Но эти слова ни о чём мне не говорили.

— Почему Байкал Великий и Священный? — спросила я маму перед поездкой. — Потому что самый большой на планете?

— Самое большое хранилище пресной воды, — уточнила она. И, улыбнувшись, добавила: — Но Великий и Священный он не только поэтому.

— А почему ещё?

— Наверное, это надо почувствовать, — неопределенно ответила мама.

— А я почувствую?

— Думаю, да, — она обняла меня. — Только обещаю вести себя хорошо, слушаться Ладку Васильевну и экскурсовода. Обещаешь?

— Не могу обещать, — я честно-пречестно посмотрела ей в глаза. — Я ведь сложный ребёнок. Так говорят все взрослые, а им полагается верить.

Мама снова протяжно вздохнула и погладила меня по голове.

Мы плыли на теплоходе на остров Ольхон. Наш класс собрался на палубе. Высокий экскурсовод в очках по имени Виктор Игоревич начал свой рассказ:

— Озеро Байкал около двадцати пяти миллионов лет...

Кроме этих слов я ничего не запомнила. И даже не потому, что у экскурсовода голос был скучный и напоминал скрип карандаша в точилке. Просто я оглохла ко всем голосам и даже к шуму мотора теплохода. Исчезли любые звуки, исчезло всё, кроме Озера.

Оно меня окружило. Оно заполонило меня до краев, словно я — сосуд. Такой сосуд, который долго пылился на полке пустым и тусклым. И вдруг наполнился синевой и влагой. И шёпотом. И таинственной музыкой. Наполнился и заблестел.

От солнца на воде играли яркие блики, но от неё тянуло холодом. Байкал был горячий и ледяной одновременно. Темная синева его глубин выглядела грозной, но на гребнях волн озорничали кружавчики пены — как шаловливые барашки. Байкал печалился и веселился — тоже одновременно. Как это ему удавалось?..

Бай-кал-л-л. Непонятный, как самая загадочная из загадок.

Я стояла на палубе, глядя в синь озера, и в моем горле что-то клокотало. Я была тяжёлой, как тот самый переполненный сосуд.

«Ты почувствуешь», — вспомнила я мамины слова.

Я определенно что-то чувствовала, только не знала — что.

Лада Васильевна сделала мне замечание, что я совсем не слушаю лекцию.

— Неужели тебе неинтересно? — строго спросила она.

— Интересно. Но я хочу слушать, что говорит сам Байкал.

— В каком смысле? — озадачилась учительница.

Я не умела объяснять смыслы. Мне было так странно, что их нужно объяснять. Ведь про то, какой у Байкала возраст, сколько он километров в длину, ширину и глубину, я могла прочитать в книжке. А сейчас само Озеро беседовало со мной. Оно пыталось мне что-то сказать, и я хотела понять его язык.

— Сколько вам лет? — вежливо задала я вопрос экскурсоводу.

— Пятьдесят, — смущённо поправив очки, ответил он.

— А Байкалу — двадцать пять миллионов. Как вы думаете, кто знает больше? — спросила я мягко-премягко, совсем не желая его обидеть.

— Терентьева! — предостерегающе воскликнула Лада Васильевна.

Виктор Игоревич стянул с носа очки и тихо рассмеялся. Кажется, он был добрым и совсем не обижался на сложных детей.

Над теплоходом низко кружили чайки и тоже гомонили о чём-то, рассекая пространство белыми крыльями. Они напоминали стайку подружек, обсуждающих грандиозные новости.

Вот бы они приняли меня в свою неугомонную компанию, подумала я. Вот бы поделились со мной своими секретами. Вот бы я могла подняться к ним туда, точно так же расправив крылья!

Внезапно одна из чаек пролетела совсем близко и издала пронзительный звук, будто что-то мне сообщила или позвала за собой: «Ну, что же ты, Ленка Терентьева? Летим!»

Этот призыв был таким явственным, что у меня с ещё большей силой заклокотало в горле. Я даже засомневалась — в реальности я или во сне.

Может быть, мир Байкала — это Мир Снов? Он слишком загадочен и прекрасен, чтобы быть правдой.

Теплоход подплывал к Ольхону. Экскурсовод поведал, что открывшаяся перед нами скала называется мыс Бурхан, или Пещерный мыс, или скала Шаманка. Она горела на солнце золотом, и её отражение тоже горело в синеве воды.

Бурхан — сердце Байкала. Мне об этом никто не сказал, я просто это поняла. Почувствовала. Здесь бился пульс Озера. Здесь пылал огонь его души. От восторга я онемела и даже не сразу расслышала, что нам надобно сойти на берег. Скала Шаманка являлась целью нашего путешествия.

Мои одноклассники радостно побежали по прибрежному песку, а я пошла медленно-медленно. Я боялась делать резкие движения и даже немножко боялась дышать — мне казалось, я что-то нарушу. По Миру Снов надо передвигаться очень осторожно.

Ребята унеслись далеко вперёд, учительница их окликала и призывала не баловать. А мы шагали вдвоем с Виктором Игоревичем.

— Хочешь узнать легенду о Шаманской пещере? — поинтересовался экскурсовод.

— Легенда — это сказка?

— В общем-то да, сказка. Но не та, которую придумал писатель. А та, которая передавалась из уст в уста. Из века в век.

— Расскажите, — согласилась я.

— О Шаманской пещере сложено много преданий. Говорили, что это место

невероятной силы. Человек может даже упасть в обморок из-за мощной энергетики. А самая удивительная из легенд — что именно здесь находится портал в другое измерение.

— Портал? — повторила я в изумлении. — Как это — портал?

— Невидимые ворота.

— А что там, в этом другом измерении?

— Никто не знает, — Виктор Игоревич развел руками. — Никто из ныне живущих не попадал За Грань. Но ведь легенды не возникают из ничего. Легенды всегда хранят в себе зёрнышко истины.

Мне понравились эти слова, и голос экскурсовода уже не напоминал скрипение карандаша в точилке. Может, ему интересно разговаривать со сложными детьми?..

— Я тоже был сложным ребёнком, — будто угадал он мои мысли. — И тоже когда-то в первый раз увидел Байкал. Ты ведь здесь впервые?

— Да. А как вы догадались?

— Узнал себя, — улыбнулся Виктор Игоревич. — А я ведь уже позабыл, каким я был, когда совершал открытия.

— А разве взрослые не совершают открытий? — удивилась я.

— Всё реже и реже, — сознался экскурсовод. — Это как река. Сначала широкая и бурлящая. Потом становится узкой и замедляется. Потом превращается в ручей. Последние капли уходят в землю.

Как это грустно, подумала я и твердо сказала:

— Я хочу войти в Шаманскую пещеру.

— Ты очень чувствительная девочка. Тебе лучше побыть там совсем недолго.

— Почему?

— Место силы, — напомнил он. — У тебя может закружиться голова. Когда-то в эту пещеру имели право входить только шаманы. Считалось, что в ней обитает грозный дух — хозяин Ольхона. У многих пещера вызывала суеверный ужас. Ее обходили стороной.

— Я не суеверная, — заявила я. — Я верная.

— Как это?

Ох уж эти взрослые. Всё-то им нужно растолковывать.

— Суеверные верят в плохое, — терпеливо разъяснила я. — А верные — в хорошее. Дух Ольхона не причинит мне вреда. Я верю, что он добрый, потому что охраняет красоту.

Виктор Игоревич не ответил, только поправил свои очки. Может, он ничего не понял. А может, слишком плохо помнил, каково это — быть сложным ребёнком. Да и вообще — ребёнком.

Пещера... Небольшой зал внутри скалы, созданный самой природой. Его стены были похожи на вздыбившиеся и застывшие в камне волны. Притихли все ребята, даже самые озорные. Звучала только тишина. Оказывается, она тоже умеет звучать — как гулкий шёпот.

Мне казалось, что я в космосе. Плыву или лечу в какую-то бесконечность. Не знаю, откуда возникло такое ощущение. Что-то случилось с моей головой. Наверное, она начала кружиться, как и предупреждал Виктор Игоревич. Но я не придавала этому значения. Ничто не имело значения, кроме Шёпота Тишины и Гула Вечности.

— А правда, что здесь совершали жертвоприношения? — робко спросил кто-то из мальчишек, кажется Петька Красиков.

— Есть такие поверья, — подтвердил экскурсовод. — Культовые жертвы приносились духу — хозяину острова Ольхон. А неподалёку, в священной роще, сжигали, а потом хоронили шаманов.

Ребята стали расспрашивать про шаманов, а экскурсовод — объяснять, что это такие люди, которые умеют общаться с духами. Никто не обращал на меня внимания, и я потихоньку двинулась по извилистому «залу» к противоположному выходу — пещера была сквозной.

Одноклассники, учительница и экскурсовод остались за моей спиной, но я отчётливо слышала их голоса. Виктор Игоревич вел свой рассказ:

— Шаман обладает даром видеть иную реальность и путешествовать по ней... Я сделала ещё шаг. Другой. Третий...

Выход из пещеры — совсем близко, рукой подать. Но голову мою совсем повело, и перед глазами запрыгали пятна яркого света — как вспышки мощной фотокамеры.

И вроде бы откуда-то потянуло ветром. Таким прозрачным и густым, что его можно было пить.

Гул усилился. Я подумала: неужели это гудят байкальские волны?.. Может, начинается шторм?.. Но нет — выход из пещеры был залит солнцем.

Или это мои глаза ослепило пятнами света?..

Или я попросту теряла сознание.

Место Силы, вспомнила я. Наверное, надо обернуться и позвать на помощь. Лада Васильевна, Виктор Игоревич, ребята — они ведь рядом...

Но мне никого не хотелось звать. И совсем-совсем не было страшно. Только очень странно: что же это со мной? Я умираю? Или меня забирает грозный дух — хозяин Ольхона?..

Моё тело становилось невесомым. По коже скользили змейки теплых вихрей, и это было похоже на лёгкую щекотку. Я хотела засмеяться, но в следующую секунду всё исчезло.

... Сначала раздавался только плеск волн — близко-близко. Следом зазвучали два высоких девичьих голоса.

— Худышка какая, — произнес первый голос. — Вот что значит нерациональное питание!

— И не говори! — задорно подхватил второй голос. — Ей необходима рыба. Три раза в день!

— И яйца! — вдохновенно добавил первый голос.

— Яйца — всенепременно! — согласился второй. — А то ишь! Поведились обходиться одними водорослями!

Реплики сменились переливчатым хихиканьем.

«Эй, — собралась сердито ответить я. — Прекратите меня обсуждать! И никаких водорослей, к вашему сведению, я не ем!»

Но ничего выговорить у меня не получилось, и пока даже не выходило открыть глаза. Я ощущала под щекой нагретый солнцем песок, а ноздри щекотал дивный аромат пресной воды.

Неужели я уснула?.. Надо попробовать подняться.

— Смотри-ка, она зашевелилась, — оживился первый голос. — А руки-то — как пруттики! В её рацион надо добавить червяков.

— Да! — восторженно воскликнул второй голос. — Дивных, аппетитных, жирненьких червяков!

Это было уже слишком. Я с усилием разлепила ресницы, села, быстро осмотрела себя. Мой рюкзачок, с которым я отправилась на экскурсию, так и висел на плечах. Я огляделась по сторонам, собираясь дать отпор хихикающим одноклассникам. По голосам я не определила, кто это надо мной потешается и желает накормить червяками? Танька Стригунова, Лёлька Лебедева?..

Каково же было мое изумление, когда я обнаружила, что берег пуст. Абсолютно пуст. Зиял темной нишей вход в Шаманскую пещеру. Спокойные волны барашками пены неспешно накатывали на песок. И — никого. Разве что пара чаек прогуливалась по камням.

У меня что, слуховые галлюцинации? Я ударилась головой, когда падала? Как я вообще оказалась на берегу? Я ведь была в пещере!..

— Высматривает кого-то, — прозвучал первый голос.

— Или потеряла что, — предположил второй. — Может, колечко?

— Ну, так следить надо за вещами, когда по берегу шастаешь.

— Вот именно. Что за легкомысленные дети пошли!

Я не могла поверить своим ушам и глазам. Разговор вели именно те две чайки, топтавшиеся на камнях. И я их слышала. Я их понимала.

Я сплю. Это сон.

— Вообще-то не мешало бы поздороваться, — заявила одна из чаек, уставившись на меня черными глазками-бусинами.

— Да уж, не помешало бы! — поддакнула вторая и клювиком почесала себе крыло. — Явилась в гости — изволь соблюдать правила приличия!

— Я не в гости, — мой голос от ошеломления прозвучал хрипло. — Я на экскурсию... С классом...

— Какая разница! — фыркнула первая чайка.

— Мы тут живём, а значит — в гости! — хмыкнула вторая.

Я снова беспомощно оглянулась на вход в пещеру. Надо вскочить и побежать туда. Там Лада Васильевна, Виктор Игоревич, ребята. Я их увижу — и наваждение развеется.

— Вертит и вертит головой, — проворчала первая чайка. — Никак не навертится! Ты и на уроках в школе такая непоседа?

— Не удивлюсь, если у тебя двойка по поведению, — ехидно добавила вторая.

Я закрыла ладонями лицо и решила сосчитать до десяти. Один, два, три, четыре, пять... Сейчас скажу «десять», и фантастический сон растает!

— Не обращай на них внимания, — раздался рядом тихий голос. — Они добрые, просто обожают насмешничать.

Вздрогнув, я отняла от лица руки и вмиг позабыла обо всём на свете. О том, что со мной приключилась необъяснимая чехарда. О том, что чайки вдруг заговорили человеческими голосами. О том, что я то ли сплю, то ли сошла с ума.

Я увидела мальчика. Старше меня, наверное, лет двенадцати. У него были золотые волосы и синие глаза.

Он был мне знаком. Как будто я знала его всю свою жизнь.

— Это ты... — прошептала я зачарованно.

Мальчик присел передо мной на корточки.

— Не бойся, — сказал он дружелюбно. — Ты не спишь и не сошла с ума.

— Это ты, — повторила я. — Я знала, что ты существуешь. Я рисовала тебя много раз! Мне было так грустно оттого, что ты улетел. Но я не обижалась. Значит, так было надо. Я верила, что мы увидимся!

— Боюсь, ты меня с кем-то путаешь. Я нездешний.

— Ты мой брат! Я тебя узнала! Смотри! — я быстро скинула с плеч рюкзачок и достала из него альбом с рисунками. — Смотри, это же ты!

Мальчик взял альбом и стал его листать. На его светлом лице заиграла задумчивая улыбка.

— Правда, похож, — признал он. — Но у меня никогда не было сестры.

— А может, ты просто забыл? — спросила я с надеждой. — Ведь так бывает!

— Бывает, — согласился он грустно. — Иногда терять близких так больно, что память начинает их прятать в укромные уголки. И всё же я не твой брат. Я не отсюда.

— А откуда ты?..

Мальчик не ответил. Он рассматривал мои рисунки.

— Я — Ленка Терентьева. А тебя как зовут? — не отступала я.

— Эн.

— Просто Эн?

— Просто Эн.

Эн... Так называют неизвестные города, вспомнила я. Например: «В некоем городе Эн...» А ещё так называют неизвестных людей. «Некий господин Эн...»

— Ты — Неизвестный Путешественник? — осенило меня.

— Правильно, — он вскинул на меня внимательные синие глаза. — А почему ты называешь себя Ленкой?

— Потому что Елена — это которая Прекрасная и живет в сказке. Лена — это послушная девочка. А я — Ленка, сложный ребёнок.

— Так про детей говорят взрослые, когда их не понимают, — легко рассмеялся Эн. — Но ты их не вини. Взрослые забыли, каково это — быть детьми.

— Да! — горячо согласилась я. — Виктор Игоревич тоже так думает!

— А кто это?

— Наш экскурсовод. Он там, — я показала рукой на вход в пещеру. — И мои одноклассники, и учительница.

Эн мягко улыбнулся и покачал головой:

— Нет, Ленка, никого там нет.

— А куда же они делись?

— Делись не они. Делась ты. Ты прошла сквозь Портал.

— Портал? — пробормотала я в сильном волнении. — Он и в самом деле существует? Но ведь я никуда не переместилась!

— Портал действует по-разному. Ты переместилась в Отдельное Время.

— Как это? — я задохнулась. — Как это — Отдельное Время?!

— Не пугайся, — Эн подбадривающе улыбнулся. — Я ещё сам не во всём здесь разобрался. Но с тобой случилось то, чего очень сильно хотело твое сердце. Знаешь, я много где побывал и много чего повидал. Но это место — уникальное. Тут случаются чудеса. Не со всеми, конечно. С теми, кто этого ждал. И кто этого достоин.

— А ты? — спросила я робко. — Откуда прибыл ты?

Вместо ответа он поднял глаза к небу и произнёс, будто обращаясь к себе самому:

— Хочется посмотреть на заход солнца. Но здесь он ещё не скоро.

Что-то во мне пробудили эти слова. Какие-то воспоминания. Но сосредоточиться на них помешали чайки — те самые, которые недавно надо мной посмеивались. Они приблизились ко мне и чинно по очереди представились:

— Тиша.

— Таша.

— Очень приятно, — кивнула я им. — Я Ленка. Простите, что не сразу поздоровалась.

— Ты нас тоже извини, — кашлянув, солидно промолвила Тиша. — Мы любим повредничать.

— Но без злого умысла, — заверила Таша и кокетливо склонила голову набок.

— Как же вы научились по-человечески разговаривать? — любопытно вела я.

— По-человечески? — хихикнула Тиша. — Вот ещё!

— Как всегда говорили, так и сейчас говорим! — гордо заявила Таша.

— Это не они научились по-человечески разговаривать, — объяснил Эн. — Это ты научилась их понимать. Ты, наверное, этого хотела?

Я вспомнила, как стояла на теплоходе и смотрела на чаек. Как хотела стать такой же легкой, как они. Подняться ввысь и стать свободной. Я слушала голос Байкала — он говорил со мной. И теперь он распростёрся передо мной — бескрайний и необъятный. «Привет, Ленка», — шепчут мне волны. «Привет», — играют на воде солнечные лучи.

— Моё время, — прошептала я в восторге. — Моё Отдельное Время! А сколько я могу здесь оставаться?

— Это знает только Портал, — ответил Эн.

— Но меня ведь потеряют!

— Нет. Ты вернешься в тот момент, в который переместилась.

— Откуда ты знаешь?

— Я путешественник со стажем, — сказал он и погрузстнел.

Его ресницы золотились, как крохотные звёзды. Во мне опять шевельнулось воспоминание. «Я знаю тебя! Я тебя знаю!»

Эн перевернул очередную страницу в альбоме, увидел изображение щенка, улетающего на крыльях, и рассмеялся:

— Какой забавный! Похож на Аф.

— А кто это — Аф?

— Это мой друг. Большой белый пёс. Я познакомился с ним здесь, на берегу.

— Белый пёс! — я вскочила на ноги, а сердце моё бешено заколотилось. — Где же он?

— Аф обожает прогулки, — сообщил Эн. — А сюда он тоже прибыл через Портал. Он рассказывал мне, что как-то едва не попал под машину, когда жил в городе. Какая-то девочка бросилась ему на выручку, но Аф успел переместиться...

Я уже ничего не слышала. Я увидела, как по берегу мчится белый пёс, и побежала ему навстречу.

Я бежала и плакала от счастья. Впервые в жизни. Раньше я плакала только от обид или от одиночества. Когда меня ставили в угол «подумать над своим поведением», а голова болела от непонимания. Или когда мама задерживалась на работе, а я сидела у окна, прижав нос к стеклу, и мир за ним казался чёрным и пустынным. Слезы катились по лицу, и я пробовала их на вкус. Это был вкус одиночества и непонимания. Горько-солёный.

А теперь слёзы мои были сладкими. Мы с Афом добежали друг до друга. Я упала перед ним на колени. Пёс положил мне передние лапы на плечи, и я горячо его обняла. А он облизал мое сладкое от слёз лицо.

— Ты узнал меня?

— Сразу. Ты мало изменилась.

— А ты вырос!

— Ну да, — пёс горделиво вильнул хвостом. — Мы, собаки, растем быстрее, чем люди!

— А как же ты понял, что я хотела тебя спасти?

— Почувствовал, — Аф глядел на меня весёлыми чёрными глазами. — И очень за тебя испугался! Я даже кричал тебе: «Остановись, безрассудный ребёнок! Тут опасно, ты себя погубишь!»

— Я не слышала...

— Даже если бы ты услышала, ты бы меня не поняла. Было так приятно, что ты хотела мне помочь... Но я закрыл глаза и сильно-сильно захотел исчезнуть.

— Почему?

— Чтобы ты остановилась и не мчалась под колёса, — пёс моргнул в смущении. — И я исчез. Переместился сюда. Грохот моторов сменился тишиной. Это Берег Спасения.

— А я подумала, ты улетел на крыльях, — я погладила его по мягкой шерсти на спине.

— У меня нет крыльев.

— Крылья есть у всех, — прозвучал голос Эна. Он незаметно к нам приблизился. — Но не все ими пользуются. Крылья — они не снаружи. Они в сердце. Если очень сильно захочешь — ты полетишь.

— Верно, — шепнула я.

— Я рад, что вы встретились, — добавил мальчик.

— Мы! — воскликнула я. — Мы встретились — все втроём! Я вас обоих ждала! И вы пришли ко мне в моем Отдельном Времени! Мой брат и мой пёс!

— Но я не... — начал Эн и не договорил. Наверное, он не захотел меня расстраивать и портить эти минуты. Только согласился: — Да, мы действительно встретились.

Тиша и Таша кружили над нашими головами и гомонили, перебивая друг друга:

— Встр-реча, встр-реча!

— Да здоровствует встр-реча!

Кто подарил мне Чудо Встречи? Может быть, дух Ольхона — сердце Байкала?

Наверное, он что-то знал обо мне — то, чего не знали люди, а особенно взрослые. Возможно, он сочувствовал мне и угадывал мои мечты. И понимал главное — дети нуждаются в Сказке. Даже очень сложные дети.

Мы сидели втроём на берегу и смотрели на бескрайнюю водную синь. И увидели, как, покачиваясь на волнах, к нам подплывает лодка...

ПОЭЗИЯ



АЛЕКСАНДРА МАЛЫГИНА



«И были нам неведомы печали...»

* * *

Тонким прутиком по лицу
Мне на память царапнет лес —
Через заросли рвусь к отцу,
Тёмным силам наперерез.

Детство зайцем по мху прыг-скок,
Страх на части сердчишко рвёт —
Если путь не отыщешь в срок,
Вряд ли папа тебя найдёт.

Чуть замешкаешься в пути —
Только папоротник вокруг..
И незнание куда идти —
Твой единственный верный друг.

Ранним утром расплачусь вдруг:
Пап, покуда ты не исчез,
Не спускай меня больше с рук,
Не бери меня больше в лес.

МАЛЫГИНА Александра Сергеевна родилась в 1987 году на Алтае. Окончила Алтайский государственный университет по специальности «филолог, преподаватель». Работала официанткой, администратором, продавцом-консультантом, педагогом дополнительного образования, фасовщицей, гардеробщицей, преподавала русский язык как иностранный в Монголии. Печаталась в журналах «Сибирские огни», «Москва», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Алтай» и др. Автор пяти книг стихотворений: «Музыка чернил», «О тебе», «Дуреха», «Краеугольный камень» (Барнаул, 2021) и «Темноводье» (М., 2021). Лауреат международной литературной премии им. А.И. Казинцева (2023). Лауреат Пушкинской премии (Барнаул, 2006). Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле.

* * *

Ложится снег, кругом бело,
Невинно, что венчаться впору.
Садится ночь на помело
И облетает мирный город.

И снег скрипит, не зная зла,
Сжимаясь, съёживаясь, тая,
И вот не так уж и бела
Утоптанная мостовая.

Студенты в свете фонарей,
Как будто зарядившись током,
Изображают бунтарей
И наизусть читают Блока.

Конечно, нужно о другом,
О важном, сумрачном, далёком,
Но снег кругом, и ночь кругом,
И так неловко перед Блоком.

* * *

Холодный ветер помнит паруса,
Порывистый, ежовой рукавицей
Проводит по зелёным волосам
Покрывшей берег тонкой полевицы.
Она дрожит и клонится к земле,
Но всем назло растёт и колосится,

На гальке, на песке и на золе —
Дай хоть за что-то корнем зацепиться.
Всё для того, чтоб ветру вопреки,
Смертям назло, судьбе противореча,
Расти на берегу большой реки
И слушать, как малиновки щебечут.

* * *

В Харлово жизнь текла сама собой:
В ограде куры бегали гурьбой,
В сарае поросята подрастали,
Коровы непременно шли домой,
Как только тени в сумерки сплетались.

Там темнота казалась мне живой,
Клубился дымом пёс сторожевой,
Гремя то цепью, то железной чашкой,
Лениво слушая пустой собачий вой
И отвечая нехотя, с натяжкой.

Лилось в ведро парное молоко,
Топилась баня, в небе далеко
Алмазной сыпью звёзды проступали...
Вмещался мир в игольное ушко,
И были нам неведомы печали.

* * *

Я, в пику прочей детворе,
Предпочитал войне и тирам
Ловить кузнечиков в траве
И отпускать обратно с миром

Туда, где смысла до краев,
Где суетливой круговертью
Полупрозрачность муравьев
Соединяет жизнь со смертью.

* * *

Александра Сергеевна выйдет в пробел окна —
В незакрытую дверь, в непробудную синь — прочь,
Оттого что покажется, будто она одна
И терпеть одиночество станет совсем невмочь.
Александра Сергеевна больше не сможет ждать,
Не захочет мириться, мужаться и делать вид,
Потому что не скрыть, не закрасить седую прядь,
Потому что в груди с каждым годом сильнее болит.
Александра Сергеевна выйдет, и сразу сад
(А куда ещё денешься с первого этажа?!),
Где послушные дети спасают слепых котят —
На ладошку кладут, целуют, и те дрожат.
Где невидные птицы всегда продолжают петь,
Где становится легче от запаха разных трав,
Там где кажется странным желание умереть,
И в руках тают бабочки, сердце твоё укрыв.

* * *

Мама, что делать-то, я горю!
Запил мой ангел, видать, хранитель...
Стало мне тесно шагать в строю,
И сапоги стали жать, и китель.
Сброшу берет, и запустит дождь
Пальцы мне в волосы и за ворот.
Вот же бывает — живёшь, не ждёшь,
Раз, и горишь! Как соломы ворох.
Тычут товарищи в спину, в бок:
Стой, дурачьё, командир заметит!
А я откашливаю дымок,
Мам, я горю ярче всех на свете!
Выйду за рамки, шагну не в такт —
Локоть — под носом тепло и ало...
Мам, я горю и мне больно так,
Как никогда ещё не бывало.



Распутин в куклах

ДИСКУССИЯ О СПЕКТАКЛЕ ПО ПОВЕСТИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА
«ПОСЛЕДНИЙ СРОК»

Премьера спектакля «Последний срок» по одноименной повести В.Г. Распутина состоялась 2 ноября 2022 г. в Иркутском областном театре кукол «Аистёнок». Режиссер-постановщик Игорь Казаков. Художник-постановщик Татьяна Нерсиян. Композитор Егор Забелов.

Дискуссия проходила в Иркутском Доме литераторов им. П.П. Петрова 1 декабря 2023 г. Ведущая — Валентина Семенова.

Валентина Семенова, критик, член Союза писателей России.

— Добрый день, участники нашей встречи! Очень хорошо, что собрались все заинтересованные лица: актеры Иркутского областного театра кукол «Аистёнок», исполнители главных ролей, актриса Иркутского драматического театра — её голосом говорила старуха Анна, литературные критики, молодые писатели, студенты. Только что выяснилось: студентки из пединститута ИГУ — это 4-й курс, будущие учителя русского языка и литературы, были на практике в школе и посмотрели спектакль вместе со старшеклассниками. Сразу хочется спросить:

— Ребятам было интересно?

— Да! (*общий ответ*).

— А теперь подробнее — о сценическом воплощении повести Валентина Распутина «Последний срок», актерской работе и зрительском восприятии.

Валентина Иванова, кандидат филологических наук, кандидат культурологии, член Союза писателей России.

— Я благодарна нашим гостям, актерам Театра кукол «Аистёнок» и актрисе Эмме Николаевне Алексеевой — голосу старухи Анны, за то, что они нашли время, пришли в Дом литераторов для разговора о спектакле. Хочу поздравить коллектив с получением за «Последний срок» премии Министерства культуры России «За лучшую театральную постановку по произведениям русской классики» (21.11.2023). Это высокая награда.

Но мне хотелось бы сказать несколько слов в защиту Распутина. Я буду говорить только о концепции режиссера, о прочтении им повести. И, возможно, вам не понравится то, что я скажу.

Образ старухи Анны на сцене страшен. В повести главная героиня другая. В спектакле старуха напоминает древнеегипетскую мумию и вызывает шлейф соответствующих ассоциаций — от негативных образов в русских сказках до образов в готическом романе. Такая трактовка персонажей чужда прозе Распутина.

Я понимаю логику рассуждений режиссера, который на первых же страницах повести столкнулся с портретом Анны: «Высохла и ближе к концу вся пожелтела — покойник покойником, только что дыхание не вышло», — и решил для себя, что

это и есть ключ к сценическому воплощению. Но в повести это только начальная точка образа. Вся повесть, до последней страницы, — раскрытие образа матери, образа русской женщины.

Эстетика безобразного в современной культуре породила эстетику аффекта — стремление напугать зрителя, вызвать у него чувство отвращения, иногда и брезгливости. В этом случае сверхзадача режиссера, или куратора выставки, или организатора проекта не нравственная, а коммерческая, рекламная, — через аффект, крайнюю негативную эмоцию, остаться в памяти. Эмоциональный след, в силу крайней степени, хранится долго. Человек, охваченный сильной эмоцией, чтобы снизить её действие и психический дискомфорт от неё, вынужден обратиться с обсуждением к другому человеку, в чем невольно становится носителем рекламы, живой афишей. Такой «культурный» продукт опасен, он разрушает как отдельного человека — психически, эстетически, нравственно — так и общество в целом. Кроме того, происходит привыкание к безобразному. И, чтобы привлечь к себе внимание зрителей в следующий раз, опять удивить, организаторам придется усилить безобразное, страшное. Рискованный социальный шаг.

В повести В. Распутина «Последний срок» старуха Анна другая. Её образ окружён солнечным светом, а потому светоносен. Свет солнца видит только Анна, она чувствует его тепло, ожидает его появления, переживает радость при встрече с ним. Молчаливый, мысленный диалог Анны с солнцем позволяет Распутину создать иконописный образ старой женщины. Удивительно, не употребив ни разу слово «икона», писатель даёт образ в древнерусской иконописной традиции, идущей из Византии, с её сияющими фонами икон, миниатюр, покрытых тончайшими листами золота. Золотой цвет, сияние рядом с Анной находится в конфликте с тем, как представлена старуха на сцене. Во внешнем виде куклы главенствует чёрный цвет, подчеркнутый контрастом с белой рубашкой. Чёрный цвет, к слову сказать, в прозе писателя маркирует разрушение, уничтожение. Он особенно активен в повести «Прощание с Матёрой». Но значение черного цвета едино в поэтике писателя.

Образ Анны списан Распутиным со своей бабушки, Марии Герасимовны. Это она была для него Ариной Родионовной. Всё, что получено писателем в детстве — чувство красоты русской речи, весомости слова, основы этики родной культуры, — всё от нее, от бабушки. Можно вспомнить и то, как писал Валентин Распутин о Марии Герасимовне в свои поздние годы (очерк «Откуда есть-пошли мои книги», 1997): «...у бабушки было чисто русское, ликовое лицо...». Образ старухи Анны в повести — это признание Распутина в своей любви бабушке и маме, Нине Ивановне, восхищение ими. Зрительный образ на сцене совершенно противоположен тому, что дает автор в повести.

Сущностью образа Анны у Распутина является то, что она птица. Старуха-птица как сквозной, цельный, внутренний сюжет развивается с первых страниц повести. От «крыльцев» («крыльцы у ней торчали так, что казалось, вот-вот она взмахнёт ими и полетит») в портрете Анны до «раскинув крылами лёгкие руки» и далее к вершинному образу лебедушки, родимой матушки в песне, которой учит Варвару оплакать себя мать. Старуха — лебедушка!

Диана Бронникова, ведущая актриса Иркутского театра кукол «Аистёнок», лауреат нескольких международных премий:

— Старуха Анна говорит детям: «...Я вам какой-нить знак дам, что чую вас, каку-нить птичку pošлю сказать»...

В. Иванова.

— Да, речь именно об этом. Но я хотела бы процитировать другое. Вот кульминация — полёт птицы: «От ранешних протяжных песен она будто взлетала на крылах над землёй и, не улетая, делала большие плавные круги, тревожась и втихомолку плача о себе и о всех людях, которые ещё не нашли успокоения». Здесь старуха еще и молитвенница, она молится за всех людей. Не увидеть небесную природу образа старухи Анны невозможно, это в повести на виду. Игнорировать — значит исказить распутинский образ. И только голос Эммы Николаевны летит над залом, даёт крылья Анне на сцене.

Для понимания образа главной героини важен колокольный звон. Это еще одна линия образа старухи в повести — звуковая. Звуки в тексте сплетены в симфонию. Три звуковые темы — тема земли, тема деревни и тема неба. Тема неба раскрыта как раз в колокольном звоне. Звон возникает из памяти старухи, вначале едва слышно, потом он уходит, затем вновь появляется и в кульминации звучит благовестом. Колокольный звон уводит Анну. Звон колоколов соотнесен только с образом старухи Анны. Это еще одна характеристика — музыкальная. Она дополняет небесную природу образа главной героини. Интересно, что в последние месяцы своей жизни Валентин Распутин слышал колокольный звон. Настолько полным было слияние писателя с героями, что он сам словно проживал их жизни, испытывал их состояния.

Больно смотреть на избу старухи Анны в декорациях на сцене. Облупившиеся стены, на месте отпавшей штукатурки обнажившиеся рейки стены насыпного, а значит временного, дома, общее запустение являются метафорой отжившего, умирающего, обреченного мира. В повести Распутина изба живая — она дышит, вздыхает, ночью словно разговаривает с Анной. Изба равна самой хозяйке. И взрослыми детьми дом воспринимается телом матери: «...по полу надо было ступать осторожно, чтобы не стало больно матери, а то, что они говорили ей, удерживалось в стенах, в углах — везде». В первый день приезда дети очень чутко воспринимают свой родной дом, боясь причинить боль и ему, и матери.

В доме ведет хозяйство Надя, невестка старухи, добросовестная и заботливая женщина. Она угощает, обихаживает приехавших издалека гостей. В повести важна преемственность дел, жизни в доме. Метафора запустения жилья старухи Анны надуманна, противоположна тексту. Раскаianie Михаила у кровати умирающей матери содержит в себе обратное смыслом обрыва жизни, которые транслируют декорации как метафора. Финальный эпизод в повести, признание своей вины Михаилом, несмотря на отъезд брата и сестер, передает связь поколений, надежду. Анна продолжает жить в Наде, Михаиле, Нинке. Видеть обреченность родительского дома, как и самой старухи, значит идти против распутинского текста.

Стоит задуматься и над тем, почему именно Анна, главная героиня повести, представлена режиссером в виде куклы рядом с детьми-актерами. Ведь большая планшетная кукла — марионетка. Техника ведения и само слово «марионетка» в современной культуре имеет ясное и понятное каждому значение ведомого, то есть того, кем управляют, манипулируют, кто не волен над собой и своей жизнью. Это совершенно противоположно тому, что есть в повести. Старуха Анна — создательница своего мира, мать, труженица, помощница и устроительница всего живого вокруг себя. Она — центр этой Вселенной. В концепции режиссера разрушается этот центр, а вместе с ним и ядро повести. А это жестоко по отношению к образу русской женщины, ради которого написана повесть, главная для писателя.

Русская женщина в мире Распутина — старуха Анна, Дарья, любимая им Настёна, Агафья — опора России, твердая и надежная. Такой ее представляет, изображает писатель. Этим сильны его произведения, ценимые разными поколениями читателей.

Что на это можно сказать? Можно привести слова Андрея Тарковского из последних его интервью (1984). «Представляю, что стало бы с нами, художниками, если бы мы были совершенно свободны. Это было бы похоже на то, как глубоководных рыб вдруг вытащили на поверхность». Вот этой-то глубоководности и нет в спектакле. Семейно-бытовой план, разработанный режиссером на сцене, — только внешний, поверхностный уровень в повести Валентина Распутина. И не главный.

Ситуация неограниченного эксперимента, вседозволенности, начиная с 90-х гг., предлагает театральным режиссерам легкие пути — без вдумчивого прочтения текста, без проникновения в слово автора, его поэтику. Под рукой трафаретные модные образы массовой культуры, примелькавшиеся, а потому узнаваемые зрителем. Писатель-классик с философским осмыслением мира не защищен в такой ситуации от вольных прочтений.

И следует сказать благодарное слово актерам, талантливым иркутским актерам, вернувшим в спектакль настоящего Распутина. И голосу Эммы Николаевны Алексеевой, наполненному теплом, чуткостью и любовью к своей «старуне». Звучащее слово каждый раз открывает подлинное слово писателя. А слово Валентина Распутина столь целительно и весомо, что может преодолеть любые трактовки и возвысить душу человека.

Антон Лухнёв, кандидат биологических наук, магистр филологии, актер литературно-драматической студии «Слово» при Иркутском Доме литераторов.

— Спектакль является комбинированной постановкой. Есть роли, созданные людьми, — это Варвара (Н. Уткина), Илья (Р. Зорин), Люся (Д. Бронникова), Михаил (Э. Дроздов), Надя (Н. Светлова), есть персонажи, созданные с помощью кукол, — старуха Анна (Э. Алексеева), её подруга Мирониха (Т. Гуринович), внучка Нинка (А. Скоромная).

В повести В. Распутина основное действие совмещается с рассказами, воспоминаниями действующих лиц о своей жизни. И театр, при переводе прозы на язык сцены, представил образы, запечатлённые в памяти персонажей. Так, собравшись вместе в отчем доме, впервые за долгое время, сидя за одним столом, взрослые дети старухи Анны с радостью, подсказывая друг другу, вспоминают детские годы и родные места. О них, живя по отдельности, дети успели забыть. Свой разговор они сопровождают игрой в куклы.

Затем игра в куклы охватывает все действие на сцене. И, вовлечённые в игру, мы видим старуху Анну глазами её детей — в виде куклы. Причем дети буквально оживляют мать: актеры-дети приводят её в движение. Режиссерское решение оправдывает постановку повести кукольным театром. И в этом заключается, как мне кажется, основная идея спектакля: любовь и забота детей продлевают жизнь матери. Но образ куклы выражает и физическое состояние Анны. Тяжело боля или находясь при смерти, человек действительно беспомощен, как кукла.

В спектакле применен театр теней. Когда Илья и Михаил прячутся в бане, чтобы вместе со Степаном Харчевниковым (Д. Игнатъев) выпить ящик водки, они теряют человеческий вид и становятся тенями — на задёрнутой в бане занавеске мы видим силуэты актёров.

Анна ждёт Таньчору, чтобы проститься с ней. О младшей своей дочери старуха часто вспоминала и прежде, тосковала. Видя, как переживает мать, и, желая её утешить, Михаил идёт на обман: объявляет, что он отбил телеграмму сестре о том, чтобы та не приезжала, так как матери стало лучше. Михаил проявляет сочувствие, но... Следующая сцена является кульминацией. В ответ на обвинения, что обижает мать, Михаил предлагает брату и сёстрам забрать мать к себе и толкает-накатывает на каждого из них кровать с лежащей матерью. Те отказываются и возвращают кровать обратно. Для детей мать не живой человек, а кукла.

В следующем эпизоде Анна произносит монолог, в котором размышляет о смерти, вспоминает о своих похороненных детях. Театр использовал в качестве слушателя старухи новый персонаж, кукольный, — к ней является смерть её ребёнка (А. Копылова). Так в спектакле дается представление Анны о смерти, которую она поняла и приняла как человека, потому и относилась к ней со смирением.

Писатели-«деревенщики» в своих произведениях воспевали и отпевали старую деревню, которая была хранителем традиций и самобытности народа, источником векового духовного опыта. В повести «Последний срок» старуха Анна олицетворяет эту русскую деревню. Другим символом деревни в произведении является Игренька. В голодное военное время на нем пахала девочка Люся. Обесиленный Игренька упал, но, по сюжету В. Распутина, оживлённый лаской и угорами подоспевшей Анны, поднялся и продолжил непосильный труд. В постановке И. Казакова Люся тоже вспоминает, как она боронилась. На авансцене с помощью кукол воссоздана картина детства: маленькая Люся идёт за бороной, запряжённый Игренька всхрапывает, мотает головой, падает. Но упав, конь не поднимается. И, видимо, неслучайно Игренькой управляют Варвара-Уткина, Илья-Зорин и Михаил-Дроздов. Возможно, это продолжение той самой игры, которую братья и сёстры начали, когда вспоминали детство, сидя за столом. Если в этом обозначена метафора «Игренька-деревня», то смерть коня предвещает, что и деревня, оставленная на попечение детей Анны, рано или поздно прекратит своё существование.

В пользу такого предположения свидетельствует состояние родительского дома, хозяином которого стал Михаил. В повести сказано, что в сознании старухиных ребят родная изба является продолжением матери, они «постарели до одинаково дальней, последней черты и держатся только благодаря друг другу». Театр выразил эту мысль в декорациях. Комната, где лежит Анна, выглядит очень ветхой. Очевидно, духовная глухота детей сказывается и в отношении к матери, и в отношении к родному дому.

Возможно, поэтому в фойе театра представлен коллаж, где даны чёрно-белые фотопортреты стариков и снимки ветхих деревянных изб. Проблема нерадивого отношения к старине, к памятникам деревянного зодчества волновала В. Распутина. Она является злободневной и для современного Иркутска. Многие старинные каменные и деревянные дома, которыми город прежде гордился и мог бы и дальше гордиться, находятся, как я вижу, в плачевном состоянии, горят. Например, долгие годы стоявшее закрытым здание ТЮЗа (на углу улиц Маркса и Ленина) в 2022 году сгорело. Многие годы закрыт полотном Дом Кузнеца. Руины старинного каменного здания находятся в самом центре города. Значит, можно говорить о нашем равнодушном отношении к старине. И постановка об этом говорит.

Читая в повести В. Распутина размышления главной героини о жизни и смерти, мы привыкли воспринимать Анну мудрой. Считаем её образцом нравственности, восхищаемся её духовной красотой и силой. И вдруг увидели её куклой,

ненужной вещью. «Как же так!? Да Анна святая!» — протестуют иные читатели. Непорядок!

Во-первых, театр не отказывает Анне в святости. В конце спектакля она возносится на небо. Во-вторых, воплощённая в некоторых людях святость позволяет обыкновенным людям осознать, что жизнь, которую они привыкли считать нормальной, таковой не является. И в этом заключалась, на мой взгляд, задача театра: дать нам понять, что порядок в семье нарушен.

Театр всегда говорит о нас, о нашей современной жизни. Как я понимаю, В. Распутин в повести «Последний срок» изобразил деревню 1960-х годов, её жителей, их нравы. Той деревни как социального, экономического явления больше нет. Но остался человек. И осталась проблема его одиночества, проблема разобщения близких людей. Этих людей я вижу вокруг. И постановка об этой проблеме тоже говорит.

В каждом спектакле театр воссоздаёт свою модель мира. Режиссёр показывает нам такой мир, каким, по его мнению, он должен быть, или такой, которому грозит гибель. В спектакле «Последний срок» Иркутского театра кукол представлена модель обречённого мира. Этот мир обречён потому, что дети забыли родную мать, отчий дом, свою родину.

В. Семенова.

— ...Шла на спектакль с убеждением, что, скорее всего, задержусь в театре ненадолго, и с предубеждением: старуха Анна не должна быть куклой, потому что она самая живая в повести Валентина Распутина. Это дети Анны, существуя в своём искусственном, остывающем в чувствах мире, больше похожи на неживых.

Глядя на сцену, в первые минуты отвожу глаза. Дом, где происходит действие, больше похож на сарай, готовый вот-вот рухнуть. В нём даже потолочных плах не хватает, в дыру проникают тусклые лучи света; кровать в полумраке. На кровати очертания фигуры вроде бы вдвойне мёртвой — то ли кукла, то ли человек без признаков жизни...

Но вот начинается спектакль. Внимание перемещается на детей Анны в исполнении живых актёров, и действие постепенно втягивает в себя. Я не впервые замечаю, как в наших иркутских театрах зал внимательно вслушивается в распутинское слово. И постепенно отодвигается неприглядная обстановка, с сидящей на кровати старухой в непривычном образе, — остаётся одно: звучание текста, преображающее мрак бытия. Тишина установилась быстро и была сочувствующей действию. Никто не ушёл в антракте. Осталась и я, смотреть и думать, что же происходит?

В памяти «Последний срок» нашего драмтеатра, не сходящий со сцены много лет. Но ведь и здесь — полный зал, и говорят, билеты раскупаются в первые три дня!

Одна из причин — актёры в своей игре идут точно по Распутину, не ища каких-то иных оттенков, может, даже в несколько прямолинейной народной стилистике, но очень слаженно и доходчиво. Голос Эммы Алексеевой, драматической актрисы с большим опытом, создаёт образ ослабевшей, усталой, но и мудрой старшей женщины, готовой к расставанию с этим миром. Сколько ласки в её голосе, когда она говорит с маленькой внучкой! И Нинка запомнит бабушкину любовь к ней, и сама она любит бабушку, даже если не осознаёт этого... Все акценты расставлены правильно и достигают цели.

В перерыве спрашиваю у двух зрительниц:

— Вам нравится спектакль?

Разом отвечают:

— Очень!

— А что нравится?

— Ну, как вместе играют актёры и куклы. Непривычно, интересно!

Ага, думаю, не исключена театральная мода! Пройдёт она, и этот зал, в общем-то, небольшой, может и опустеть.

Из театра вышла с ощущением, что слово Распутина победило всё: и декорации не то дома, не то сарая, и куклу с внешностью далёкой от образа положительной героини. И — с пониманием, что не могу отбросить высокую волну отзывчивости зрителей, как и своё неожиданное сочувствие к этому странному спектаклю.

Оставался вопрос к куклам. Их две, активно играющих, — Анна и её соседка, подруга Мирониха. Они — должны быть непременно такими? Особенно Анна, главная героиня? Я не призываю к глянцу. Но зачем это подчёркнутое безобразие? Что за ним кроется?..

Первая мысль: таким способом выражено расставание с прошлым, уходящим безвозвратно, с деревней, людьми, укоренёнными в сельском быте. И старухи как обветшавшие куклы, никому ненужные, даже детям, — реальность. Подобное происходит во всём мире...

Кстати, попутно хочу обратить внимание театра на творчество Андрея Денникова, режиссёра, ушедшего из жизни очень молодым, которого считают и продолжателем кукольного театра Сергея Образцова, и новатором. Мне кажется, его подход к куклам, изображающим персонажей с положительным и отрицательным зарядом, театру можно взять на заметку — например, в «Скупом рыцаре», «Мозарте и Сальери».

У меня вопрос к Эмме Николаевне. Как вы относитесь к кукле, изображающей старуху Анну?

Эмма Алексеева, актриса Иркутского драматического театра им. Н.П. Охлопкова, в спектакле озвучивает старуху Анну.

— Когда я пришла в театр кукол, мне стало, во-первых, очень интересно. Во-вторых, когда режиссер подвел меня к кукле, моей старуне, я ее не испугалась. Нет. Я только увидела на лице большой нос. Я говорю: «Боже мой, неужели у нас у всех носы большие?». Эту фразу я хорошо помню. Мне говорят: «По-разному бывает». И рядом был художник. А оказалось, что художник — художница — женщина, прекрасная женщина. Она создала эту куклу, привезла её в Иркутск. И я как-то быстро познакомилась со своей старуней. Было это несложно. Хотя для меня служба, актёрская служба в театре кукол, была незнакомой. Я ничего о ней не знала.

В спектакле я увидела очень тонкую работу. Оказывается, ремесло, которому учат в театральном училище, оно вот такое — нам, драматическим актерам, почти неизвестное. Как это все делается! И начался этот процесс. Вначале я вникла в текст, а потом стала думать, как сделать так, чтобы моя старуня стала живой. Оказалось это сложно, трудоемко, очень трудоемко. Но результат-то получился как раз положительный.

Я понимаю, вы отрицаете, что она — кукла. А я услышала много добрых отзывов. «Она так похожа на мою прабабушку, с которой я оставалась, когда была маленькой, — говорила мне одна молодая женщина. — Я её так любила. И я помню

её до сих пор. Она была вот такая же — старенькая». О ней так тепло вспоминают! Понимаете? Поэтому все молодые люди — школьники и взрослые — воспринимают ее живой.

И я тоже помню свою бабушку, помню её жилище. Я не могу назвать это тем уголком, который бы ей соответствовал.

В. Семенова.

— Это были военные, послевоенные годы.

Э. Алексеева.

— Конечно. И бабушка была в молодости красивая, а потом стала другой. И мама моя, пятнадцать лет прошло, как она умерла, она для меня тоже была красивой — в молодости. Но к концу жизни она очень изменилась. И, когда я смотрю старые фотографии, я все время думаю, как это происходит с людьми, которые покидают мир. Они теряют красоту. Нет, не то что красоту, а — привлекательность, женскую привлекательность. Это так, я думаю. Но все равно для меня моя старуна — святая. Я её люблю. И Валентин Григорьевич, наверно, свою бабушку вспоминал с таким же ореолом, с каким мы вспоминаем о своих близких. Вспоминал очень хорошо.

Я счастлива тем, что зритель принимает нас хорошо. Актеры в Омске вначале восприняли очень напряженно. А зрители! Там было всё наоборот. Они восприняли её живой. И этого неприятия, о котором говорите вы, не было.

Я про Валентина Григорьевича тоже всё время думала. Про то, какими умирают люди, прожив много лет. Валентин Григорьевич считал, что старухе Анне восемьдесят лет. В то время восемьдесят — это много! И он тоже, наверно, вспоминал бабушку именно такой. Наверно, и мы, читая повесть, ее так воспринимаем. В Рязани, например, зритель отличается от сибиряков — очень теплый, приветливый, всё вспоминает. (*Д. Бронникова распахивает руки.*) Да, вот такой. И они приняли нас просто взахлёб. Мы ни от кого не получили слов неприятия.

Хотя я помню, что Таня Сазонова¹ на премьерке сказала: «Боже мой, как можно Распутина играть в театре кукол?». Да ещё и куклу увидела. А нужно сказать, что Таня пришла на спектакль, когда были школьники. И в конце она сказала: «Я поразила. А школьники-то её приняли!». И они её приняли живой. И после спектакля Таня брала у зрителей интервью. И все говорили: «Да, это моя мама!», «Я маме позвоню!». Зрители восприняли всё то, о чем глубинно говорил в повести Валентин Григорьевич.

И ещё. У меня есть много отзывов о спектакле. Вот один. «Эмма Николаевна, сегодня были на Вашем спектакле. Просто потрясены, восхищены, растроганы. Спектакль просто на разрыв души. А Вы своим необыкновенным голосом оживили героиню, — написал незнакомый человек. — Нет слов, чтобы передать все наши эмоции. Огромное всем спасибо». И таких отзывов мы принимаем очень-очень много...

Режиссер мне с самого начала очень понравился. Я не уставала задавать ему тысячу вопросов, потому что у меня было мало времени, чтобы войти в команду. А команда уже готова. И актёры в ней такие разные, такие интересные.

И мне ещё думается, что куклы — и Анна, и Мирониха, и Нинка — обогатили повесть Валентина Григорьевича для зрительского восприятия. Зритель не толь-

¹Татьяна Михайловна Сазонова, радиоведущая ГТРК «Иркутск». Передача, о которой идет речь, вышла в цикле «Встречи без расставаний» 14 ноября 2022 г. Режим доступа: <https://vestiirk.ru/radio/radio-rossii/vstrechi-bez-rastavanii/>

ко воспринял детей старухи — таких разных, чужих друг другу, занятых своими делами, им некогда (хотя они по-своему любят мать), — но и лучше понял Анну. И для меня моя старуня показалась святой. И то, что она улетает в небеса, я понимаю. И зритель понимает, что это её душа улетела.

В. Семенова.

— Так оно и было. Я тоже не жалею, что посмотрела спектакль.

Анастасия Бреева, редактор литчасти театра кукол «Аистёнок».

— У меня вопрос к студентам. А у вас возникло чувство неприязни к кукле-старухе? Мы говорим о её внешнем виде. Старшему поколению сложно его принять. У них определенный, сложившийся образ. А вы, представители молодого поколения, как вы восприняли эту куклу? И нужен ли современному театру «вау-эффект», возможно, шокирующий зрителей?

Анастасия Шумакова, студентка 4 курса Педагогического института ИГУ, направление — русский язык и литература.

— Я скажу о своих личных впечатлениях. Мне повезло, я прожила вместе с прабабушкой какое-то время. Ей было сто лет. Я могла бы назвать ее святой. Для меня на сцене возник именно её портрет. Моя прабабушка ожила в спектакле. К сожалению, те старики, которых я видела, были именно такими — сгорбившимися, бледными, у прабабушки были длинные седые волосы и большой нос, о чем здесь говорили. Когда я пришла на спектакль, я немножко испугалась. А когда он начался, стало развиваться действие, то ощущение испуга полностью ушло.

Евгений Кириллов, актер Иркутского кукольного театра «Аистёнок», исполнитель роли Степана и кукловод в спектакле.

— Мне тоже хотелось сказать что-то от себя. Если будут вопросы, я потом на них отвечу. Я попытаюсь соотнести работу со своими ощущениями. И здесь важен такой момент. Мы говорим о театре кукол. А театр кукол — это язык образов и метафор. И по-другому быть не может. Я, наверно, сейчас выступлю как адвокат режиссера Игоря Казакова и художницы Татьяны Нерсисян.

На фестивале в Омске была очень хорошая практика: там была лаборатория молодой критики. Шесть или семь критиков, молодых девушек. Они обучаются, прошли большой путь — бывали на разных фестивалях, пробовали смотреть и разбирать спектакли. Это современная профессиональная критика. И они обратили внимание на один важный режиссёрский прием.

Мы говорили про то, когда оживает кукла. Все просто. Умиравший дом, умирающая старуха, покинутая детьми, — отсюда такой образ. Старуха уже практически умерла, была там — между небом и землей, как говорил режиссер. Но когда приезжают дети, мать оживает. Дети ее поднимают — и это взято от автора, не придумано. Так вот, критики подметили интересный момент: синтез режиссера, художника-постановщика и художника по свету. В начале спектакля мы видим маленький, тоненький луч на кровать и что-то непонятное, лежащее на кровати. И пока это что-то не поднимется, никто до конца не понимает, что это. Я впервые смотрел спектакль с шестого-седьмого ряда. Я знал, что там лежит кукла, я ее видел. Но, если бы я пришел впервые, то я бы и не понял, что это. А, не зная произведение, тем более трудно понять. И по ходу действия световой луч постепенно набирает силу. В конце спектакля луч уходит. Так обозначена связь старухи с Богом.

В. Семенова.

— Да, достаточно прямолинейная связь.

Е. Кириллов.

— Образ умирающего дома я считаю совершенно гениальным, гениально созданным образом. Как раз с помощью этой трактовки спектакль хорошо воспринимается современным зрителем, школьниками. Образ дома продуман до мелочей. И вся сценография спектакля продумана. Пространство сцены разделено на части. Вот кровать, там стена, там окно, через которое врывается ветер, пытается прийти смерть, идет снег. Потом шторочка закрывается, возникает теневой театр — действие в бане, любимом месте детей старухи. А здесь пирс, по которому старуха идет звать Таньчору. И мы понимаем, что, когда она была живее, то часто туда ходила, потому что именно с него уезжали её дети во взрослую жизнь. И дети к матери, к сожалению, не возвращались. Вот отдельный огород для неё, где раскрываются воспоминания Люси, где появляется Игренька, где появляются кресты могил. И решение режиссера и художника заключается в том, что через этот умирающий обветшавший дом, полуразрушенный мир, через фактически мертвую куклу, — старуха уже не живая, поэтому она и кукла (здесь мы с вами согласны), — дом оживает, появляется живая Анна. Режиссер так и хотел, чтобы кукла «оживала» при появлении детей.

Д. Бронникова.

— Хотел, но не смог. Времени не хватило.

Е. Кириллов.

— Да, так сложились обстоятельства. Но, на мой взгляд, решение режиссера абсолютно оправданно. У Валентина Григорьевича так и есть: старуха фактически умерла, а приезд детей её воскрешает. Поэтому-то она и является куклой.

И небольшое отступление по поводу того, почему Нинка, внучка, — маленькая кукла. Нужно это понимать так: вот старый человек, уходящий, а вот новый.

В. Семенова.

— Я восприняла это спокойно. Такое возможно. Но сказать, что восхитило, не могу. Приняла как некую данность. Вопрос обо всем этом, конечно, интересный. Но для меня нет пока ответа: мода ли это, которая пройдет, или мода, которая останется и придет к какому-то совершенству? Что же касается того, о чём вы говорите — что всё было основательно продумано и устроено, и потому зритель хорошо принимал, — тут у меня все-таки осталось иное ощущение. Подчёркиваю: именно оттого, что текст Распутина в спектакле звучит в полный голос, убедительно играют артисты, спектакль и получился. Куклы, наверно, в хорошем смысле мешают. Чему? Куклы снижают наигранность, соревнование актёров между собой. Кукла призывает актёра к подлинности. И в этом её важная роль.

Э. Алексеева.

— Хочу сказать ещё два слова. Благодаря тому, что я попала в этот спектакль, я впервые побывала на двух фестивалях — международных фестивалях театров кукол.

В. Семенова.

— И много классики там ставят?

Э. Алексеева.

— Много!

Д. Бронникова.

— Шекспира, например.

Э. Алексеева.

— Театры кукол сейчас совершенно другие, непохожие на те, которые мы

видели когда-то. Поэтому и восприятие сейчас другое — неожиданное. Неожиданное! Хотя зритель, в большинстве своем, принимает нас хорошо. Сейчас нам идут сообщения по поводу награды, которую спектакль получил. Вот, например, пишут преподаватели вузов: «За последнее время лучшего спектакля мы не помним». Представляете, какие слова говорят!

Но я возвращаюсь к фестивалям. Дело в том, что театры кукол сейчас так поднялись в своем развитии! Они стали такими интересными! Они приблизились к драматическим театрам и даже к музыкальным. Потому что актерам сейчас нужно уметь делать всё. И они делают это всё! Они умеют говорить, танцевать, двигаться и при этом работать с куклой. Всё умеют! В Рязани было тридцать восемь спектаклей. И все разные. Это настолько интересно! Так что мы ждем от нашего «Аистёнка» новых работ.

В. Семенова. Послесловие.

Утихла дискуссия, но тревожили какие-то упущенные доводы. Например, о прощании с деревенским миром. Реальность удивляет тем, что она способна меняться. Ныне жители мегаполисов устремились в посёлки, деревни, строят дома, разводят огородики... Это не совсем сельская жизнь, работают-то они в городе, но возникают общие с соседями заботы, уклад уже не городской. Так что обречённость деревни, хотя бы пригородной, ещё не факт...

Спустя день-другой дискуссия продолжилась с человеком из театральной среды. Был поставлен вопрос: не выразилась ли во внешности куклы Анны такая сторона её образа, которая говорит, что она не справилась с воспитанием детей? Ведь все уехавшие из дому, кроме загадочной Таньчоры, в сущности, утратили с матерью кровную связь.

Упрёк очень серьёзный. И не только потому, что идёт вразрез с видением Распутина своей героини как носительницы лучших черт русского женского характера. Театр пока не пошёл против автора повести, в этом смысле Эмма Алексеева озвучила куклу безупречно. Но вопрос о состоятельности матери-наставницы требовал ответа.

И тут надо получше знать деревенскую жизнь. По первому взгляду, дети в деревне растут как будто сами по себе. Достиг семи лет — учишься, учёба не задалась — иди работай, земля всему научит. Но воспитание всё-таки было, во всяком случае, во времена, о которых речь. Имело силу мнение деревни о каждом её жителе, и каждый боялся позора. Родители могли ограничиваться примером, подаваемым детям, ранним вовлечением их в домашние заботы.

Анна превозмогла многое: в годы войны сохранила детей, после, едва пришли в себя, отправила Люсю учиться в город. Но только одна, Таньчора, выросла самой душевной, самой близкой к матери. Да и судя по тому, как теплели голоса братьев и сестёр при её упоминании, присутствие Таньчоры наверняка бы обогрело и сплотило всю семью.

Обратим внимание на другое.

Вспомним чудо, очевидное для всех, когда радость Анны от встречи с детьми продляет ей жизнь — на время пока они рядом... Но затем — затем ведь оживает не только она — оживают и они, её взрослые дети! В них просыпается и являет себя их настоящая натура. Более того: для них наступил момент истины, им пришлось пережить горький урок.

И это доставляет боль. Очерстевшую Люсю во время прогулки за грибами, среди полей и перелесков настигает шквал воспоминаний. И она начинает казнить

себя: как ты могла всё забыть?! Забыть, как работала вместе со всеми на воскресниках, как поднимали на поле завалившегося от истощения Игреньку, забыть, как Михаил, тогда младший братишка Минька, спас от беглого зека, погнавшего за ней от черёмухового куста... За воспоминаниями стояла, по словам писателя, «исповедующая сила», она-то и вызвала в Люсе чувство вины за оставленные и забытые родные места. И Михаил, тоже осознав своё положение, резко отказывает Илье продолжать выпивку. Разве это не шаг к предстоящему раскаянию? И всё это сыграно в спектакле убедительно, хотя, как обычно для театра, воспоминания Люси даны в сокращении.

...Приехавшие дети торопливо собираются-бегут не только от матери, но и от этой боли и вины. Но урок, полученный у постели умирающей, не пройдёт бесследно, в это верится. Что-то уже изменилось. И потому Анна полностью себя реабилитировала как мать на излёте своего земного срока!

Что же вынесли потрясённые зрители из семейной истории, случившейся в середине ушедшего XX столетия, восприняв её, судя по реакции, как современную. Похоже, во время спектакля сложилась обстановка той самой общности, когда каждый может сказать себе примерно одно: у меня есть долг перед родителями, и я обязан помогать им; у меня есть долг перед детьми, и я обязан воспитать их так, чтобы они не стали эгоистами — в условиях намного более благоприятных, чем в повести!

Главный успех театра кукол, быть может, в том и состоит, что спектакль вызвал полное доверие к слову Валентина Распутина, испытывая это слово на крепость отрицательным, с точки зрения эстетики, внешним обликом главной героини-куклы. И зритель это испытание выдержал.

*Запись выступлений обработала
В. Иванова*



К 90-летию со дня рождения Виктора Баянова

АНДРЕЙ АНТИПИН

«Земли печальный сын...»

И фамилия у него славная, песенная. И стихи, исполненные той дивной прелестью, от которой мы давно отлучены, как от груди матери. И от этого, без телесной осязаемости всего родного и близкого, плутаем в сумраке своих неживых книжек, слепо тычемся, как щенки, всё ищем забытый запах тепла, молока, жизни. И редко, лишь по большому и счастливому случаю, находим — в поэзии былых мастеров. Ибо только в ней, как в янтарной смоле, залипают все эти священные для нас предметы и смыслы, без которых, кажется, нет нам просвета. И сами мы без этого всего, без ясного свечения высокого поэтического слова — никто и, пожалуй, ничто на земле, сердца нам студит бумажный холод страниц. И вдруг что-то такое напряжет слух — не то пасхальный трезвон, не то окрик отчей речи, и тревожно оглядишься окрест, и не то что рассудком, а, как говаривал Гоголь, — «всем, что у тебя есть», почувствуешь себя русским человеком, и невольно подашься вперёд — навстречу этому звону, этому окрику, вообще той сродности, в какой ты расслышал себя среди сотен и тысяч других голосов мира и через неё, эту сродность, может быть, впервые научился по-настоящему любить и свой род, и народ, и свою печальную Родину...

<i>Теперь не знаю — в шесть ли, в семь ли, А может быть, чуть-чуть поздней? — Я полюбил вот эту землю И всё цветущее на ней. Иные равнодушны к рощам, А мне бы снова в дебри те, Где я учился между прочим И красоте, и доброте. Я пил прохладный сок берёзы В старинных русских туесах,</i>	<i>И оттого мой чуб — белёсый И зелень лёгкая в глазах. И вот теперь, большой и рослый, Я вижу, что неотделим От этой тёплой, этой росной, От русской утренней земли, Где молодое сено косят, Где ветка каждая цветёт. Земля моя меня не бросит И никогда не подведёт.</i>
--	--

Земля — наиболее частый образ у кемеровчанина Виктора Баянова. А ещё в его пейзаже есть изба, рябина, пожни, согры, речка, речные излуки, родниковые ключи... Сторона ненаглядная, заветная! Милая навек. Нет, это не архаикой областных словарей под толщей библиотечной пыли — запахом вековой России тянет со страниц баяновских книг. Это даль между духом и телом, словом и явлением истончилась настолько, что как будто и вовсе пропала — надулась прозрачным шариком и схлопнулась, оставив нас один на один с той начальной

подлинностью вещей, от какой слово и произошло в мучительных попытках называния всего сущего по имени. Это чуткая душа поэта прошлась по земле вот уж действительно босиком, нагими ступнями ощущая каждую колкую травинку, каждый камешек, всякую полость или даже малую щербинку, и не вымычала ничего в надсадном сидении за столом, но взяла всё, чем бы ни очаровалась, по праву, каким-то естественным порядком — как с куста. Потому-то и нас, читателей, радостно пустившихся за поэтом по тёплым вмятинам от его следов, ожигает тем же всё равно что воскресшим из дней детства чувством восторга от этой нашей искренней приязни ко всему, что бы ни встретилось на пути, и что потом, много лет спустя, будет беречь нашу память как, вероятно, самые сильные и глубокие переживания сердца.

*Это было, было, было
Так давно, чуть помню сам —
В год, когда ещё рябина
Густо рдела по лесам.
В сограх, в травах, буйно росших,
Пели звонкие ключи.*

*Без помехи в белых рощах
Жировали косачи.
И у каждой у излуки
Рябь речную, как хлыстом,
От избытка жизни цуки
Били радужным хвостом.*

Впрочем, не только узорная картинка, не одно лишь свойство впечатлённой природы. Тут и музыка хороша, и слог наш, природный, не сбиваемый ничьим иным дыханием, враждебным строем чужой речи. Так трепетным словом, как пуговиной, повязывает нас поэт с тем, что до самой смерти, до креста восьмиконечного на простенькой могиле дорого и любезно нашему человеку. Оттого-то и не сыскать здесь не то что зауми, но хотя бы единой пустопорожней придумки, а всему, напротив, присущи деловитость и та внятная простота, чем славилась муза былого дня — от прекрасных песнопевцев девятнадцатого столетия до последнего истинно великого и вот уж несомненно народного русского национального поэта, достойно завершившего век двадцатый, — Александра Трифоновича Твардовского.

Вот и в стихах Виктора Баянова эта самая «святая простота», за которую и хвалили, и давали по шапке, столь же обыкновенна и ничуть не притворна, как, увы, бывает у некоторых сочинителей из простонародья. К месту и сказовость манеры, и сюжетность, и детали, что более приличны, казалось бы, для прозы, чем для поэзии. И в этом, если приглядеться да вдуматься, есть свой тайный резон: поэзия сохраняет сам дух жизни, а проза в своём любовании мелочами скрупулёзно припасает сокровенные приметы: «Я за войну привык к заплаткам. // Обнов выпрашивать не смел / И путал горькое со сладким, / Поскольку сладкого не ел». Может быть, в этой-то спайке высокого и низкого, небесного и земного, вечного — и той презренной тщеты, что образует наше жизненное устройство, мы теперь и распознаём ту Россию, которую прежде не узнали в самих себе, хотя, казалось бы, ничто нас от неё не отделяло, а вся она, как есть, была тут, с нами, по эту сторону межи. Однако понадобились годы, чтобы она сама нашла нас, столь не отзывных и чёрствых, и выговорилась перед нами ещё дышащей красотой своих давнишних книжек и наконец-то обрела в наших душах свою бессмертную обитель:

*Ну и день на простой олегчалой земле!
Так просторно кругом, осяно, рябиново.
Будто в мае, орут петухи на селе,
И на небе ни облачка нет. Ни единого.*

*Бездорожьем бредёшь наугад, на авось.
Друг за дружкой листья, как бабочки, гонятся.
То ль воркует ручей, просветлённый насквозь,
То ли в зарослях тёмных невестится горлица.
Мшеет сруб родниковый, наполненный всклень.
В нём вода — не вода, а медвяная бражица.
И от горьких осин даже слабая тень
В этот солнечный день неуместною кажется.
Хорошо, что зовут — а зовут неспроста —
Этот лес, этот дол, дальше — тихая пасека.
Хорошо, что любимые с детства места
Привечают как сына тебя, а не пасынка.
Впредь, каким бы ты холодом ни был продут
И какая бы слякоть ни пала на пажити,
Знаю я: дни остуд отойдут, пропадут,
А вот это навеки останется в памяти.*

...Я намеренно дал этой краткой заметке неточное название. Нет, «печальный сын» — это не о Викторе Баянове. Поэт он — светлый, боговдохновенный, но — вчерашний. Уже даже не отголосок, а — молчок. Не уходящая — ушедшая натура. И в этом печаль — не для него, положим, а для нас, сегодняшних. Но и радость, и подмога, и духовная пища на всякий день. И надежда: натура ушла, а стихи остались.

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Шаровая мощь Василия Шукшина

1

Шукшин народный, из мужиков — сказавший за них, мычащих, чешущих затылок с бормотанием: этого... того; Шукшин любимый народом, так точно ощущавший пульс жизни, будто сам был его кровавым сгустком.

Он и был.

Он выше, — как режиссёр, актёр, или писатель?

Кому-то хочется перечитывать, иным пересматривать.

Чаша Шукшина слишком полна.

Хитрованы мужички, всегда себе на уме; спор с огромным попом, какого и ножиком пырни, ничего не будет; гроздь гостей этого мира, ничем не примечательных, таких особенных.

Глыбой надвигается национальный разбойник Стенька — истово воюющий, неистово гуляющий, не давший радости стонами палачам под жуткой пыткой.

Любавины — кругами, линиями, зигзагами идущие через отведённый им сгусток истории (в истории же все живут, только осознают сие не многие).

Стружкой сосновой должен пахнуть язык Шукшина, а он — хрустальный, он — ручьевой, и от прозрачной, студёной, живой воды душу ломит так сладко, так хорошо...

2

Многих современных актёров следовало бы именовать не «народными», а «простонародными», как ряд писателей, некогда превозносимых — «псевдонародными»; тем не менее существует подлинная, сколько бы ныне ни подвергался осмеянию этот термин, народность — прорастающая из самых глубин, из гущи и дебри страны и витальных её возможностей, и Василий Шукшин лучшее тому доказательство.

Все ипостаси его деятельности отмечены сим высоким знаком, и каждой было бы достаточно для величия, для того, чтобы остаться в истории культуры столько, сколько она будет продолжаться; но писательская высота Шукшина — особая: она от подлинного золота речи.

Как естественно фраза любого рассказа ложится в другую! Как просто и ясно выходят из недр жизни замечательные персонажи: хитрованы и простачки, скрипящие деды, и грезящие о космосе будущего мальчишки, праздные болтуны...

И юмор Шукшина — из деревень, от жизни, простой и необходимой, с её повседневным хлебом и подвигом ращения детей... Как срезал Глеб Капустин зарвавшегося московского интеллигента! и ничего, что философию перепутал с филологией, так даже забавней...

Простота, известно, хуже чего бывает, но у Шукшина — яркая ясность: будто воздух сгущается в волшебные рассказы, открывая новые и новые ипостаси жизни народной — той, каковою была в годы, отмеренные мастеру.

И — рассказ к рассказу — будто строится терем прозы, нет! Китеж всплывает из вод нынешнего дурновкусия и глупости, связей и торгашества премиями: Китеж, сияющий красками ума, юмора, доброты — а всё это проза Шукшина предлагает в избытке.

Но не только в рассказах великолепны мускулы мастерства Василия Макаровича: и «Любавины», густо замешанная история рода, возвышаются над обилием разной мелкотравчатой и толсто-томной прозы; что за герои! какая великолепная гроздь характеров!

И Стенька бушует — оставшийся в веках, не прекратил ни бунта своего, ни разгула — проигравший победитель, пытаемый в конце так страшно, но смехом над палачами глумящийся, не дающий им насладиться стонами своими.

Василий Шукшин рядом с нами: вот они тома его, на многих полках; Василий Шукшин удивляется нам — как могли дойти до такой агрессивности, эгоизма, алчности; как могли дойти до не-чтения книг, или чтения макулатуры, как могли стать такими...

Изменитесь! Призывают тома великолепного Шукшина.

3

Емельян Любавин крепко и цепко глядит на мир, ему знакомый, изученный до прожилок.

Как вести хозяйство, как растить многих сыновей, как держать баланс между сытостью и жизнью впроголодь — коды сии ведомы Емельяну, и он рассчитывает передать их детям.

Однако, жизнь пойдёт не так, как угодно крепко посаженному в оную, пустившему в ней корни Емельяну.

Дядя и племянник Родионовы, командированные из уезда для организации в селе школы, оказываются агентами ГПУ, присланными выследить местоположение ярой, опасной, лихой банды; и события, завернувшиеся вокруг их приезда, выдёргивают, как колья из плетня, многое из привычной жизни.

...от неё вообще вскоре ничего не останется, и чья тут правда?

На чьей стороне Шукшин, мощно и размашисто длившийся повествование?

Были сложности с публикацией, многие редакционные правки, цензурные купюры — и оправданность всего этого не очевидна.

Ибо самородный, могучий писательский дар Шукшина должен был разрастаться ветвисто и роскошно; ибо фразы клались с тою плотностью, с какою строили избы.

Род приходит и род уходит, как известно из скорбной, сутулой книги Ветхого завета, но мощь живших на земле и ведших тугое хозяйство выкорчёвыванию поддавалась с трудом.

Известно, что семьи Байкаловых, Колокольниковых, Малогиных до сих пор живут в Сростках, и именно их представители становились прообразами героев романа.

...и возникает затем колокольню звучащий «Я пришёл дать вам волну», где размах повествования точно координируется размахом Руси, взбунтовавшейся против вековых устоев.

Ибо настояны оные на несправедливости, и борьба с нею будет вечной, такой же, как и сама несправедливость, констатированная во все периоды человеческой истории.

Стенька — очень шукшинский герой, им любимый, им понимаемый...

Как бы ни пытали его, проигравшего, не будет стонать, только смеяться над палачами, заплечных дел умельцами.

В Шукшине самом было что-то от Стеньки, от бунта, от удальства русского; и именно это, коренное, талантливое, могучее и придавало его книгам — в том числе двум романам — высоту и объём, силу и величие...

4

Формулу народного характера едва ли вывести, как математическую: слишком много составляющих; можно, однако, давать максимальный вариант приближения к оной — через персонажей своих...

Что и получалось у Шукшина, по страницам которого разбросано столько занятых, забавных, серьёзных, угрюмых типажей...

... вот мающийся похмельем дед, отлёживающийся со стонами на печи, отвечающий внуку на его: Вот и не пили бы! — Мал ты ещё! ДолжОн я раз в месяц отметиться...

Негатив?

Или сугубо русское отношение к яви, в том числе к алкоголю, требующемуся, как примирительное средство с оной?

Вот огромный рассуждающий поп, которого если и ножиком ткнуть, как предлагает собутыльник, то: У меня поболит и пройдёт, а тебя посадят...

Вот персонажик из рассказа «Срезал»: уверенный в своём интеллектуальном преимуществе; такой чудной, такой жалкий...

Смесь всего: страха, страсти, неистовства, мощи, разнородных творческих сил так густо выплеснута на страницах Шукшина, что, кажется, самую суть жизни познал он, вышедший из гущи её, огней и пламени, тягот и полёта, всего, всего...

Мужское-женское Жанны Райгородской

Прочла книгу Жанны Райгородской «На улице Полярной». Очень не типичное чтение, поэтому хочется высказаться.

Абсолютно антимаркетинговая литература. В том смысле, что полностью отсутствует ориентир на целевую аудиторию. Это писательство от себя, из себя, для себя и для себе подобных. Ни малейшей попытки стать универсальной, быть понятной и привлекательной, вписаться в какую-либо массовую систему ценностей. Всё абсолютно индивидуально. И если мелодия души читателя хотя бы отрывочно не совпадает с мелодией автора — понимание обречено на провал с треском. Это не мужская проза и не женская, не конъюнктурная и не либеральная, не вполне взрослая и, разумеется, не детская.

При этом, чисто технически, очень даже яркое, интеллектуальное и грамотное повествование, взрощенное на знании классической литературы, вьедливом изучении истории и специфических профессиональных тем.

Однако, такое благоприятное и сильное впечатление от прочтения одного рассказа. Второй подряд уже слегка напрягает. А третий и вовсе начинает раздражать внезапно обнаруженными изъянами: излишние детали в описании внешности, пропущенные связки сюжета, прямая речь, не адекватная ожидаемому интеллектуальному уровню персонажа, подчёркнутое внимание к национальным корням, якобы имеющее всем понятное значение. Всюду торчат уши самого автора и его слишком обширной и значительной личности, которая порой совершенно не соответствует описываемому герою или ситуации.

Лично мне характер автора по нраву. Я чувствую родство душ и внутреннее согласие с многими весьма спорными и эпатажным утверждениями. Поэтому один не очень длинный прочитанный рассказ воспринимаю почти с восторгом. А потом включается объективное суждение, плюс некоторое утомление, которое неизбежно при общении с сильными личностями, особенно если это женщина.

Если же читатель вовсе не комплектуется с таким образом мышления, как у автора (а таких большинство), то как бы ни был глубок смысл произведения, как бы ни был шикарен стиль — изначальное внутреннее отторжение не позволит его воспринять и оценить по достоинству.

Тем более, что в литературе правят бал мужчины. И для них подобные женские произведения являются сильнейшим катализатором, провоцирующим возникновение сексизма там, где не ждали. Самые лояльные и терпимые из них, прочитав рассказы Райгородской, почувствуют себя неделикатно задетыми за самые ранимые места. Либо вообще не поймут, из-за чего столько песен и плясок с бубнами на пустом месте (когда дело касается материнско-самочьих инстинктов).

Быть может, автору стоит поставить эксперимент: написать под мужским псевдонимом и от имени персонажа-мужчины, с его самцовой точки обзора. Тогда, возможно, все крутые психологические причиндалы окажутся на своём «законном» месте, и восприятие текста слегка сместится в лучшую сторону. Почему бы и нет?

Но это лишь в том случае, если Жанна хочет признания и популярности. А если её это мало колыхнет, то все советы — звук пустой.

Чтение этих рассказов задача не из простеньких. На монолог автора, на его — то ли надрывный, то ли циничный — голос надо предельно точно настроиться и не отпускать этот настрой до самого финала. Иначе всё превращается в набор отрывочных ультиматумов, безапелляционных и имеющих между собой скрытые весьма длинные логические связи, безжалостно вырезанные ещё до рождения.

Личное мнение автора настолько независимо от каких-либо возможных стереотипов, что рискует быть чуждым и абсурдным для всех сразу. Это гремучая, плотская, грубая, агрессивная, бабская правда, скорее страдающая заумью, нежели наделённая мудростью. Эта правда одинаково непереносима как мужчинами, так и женщинами, поскольку колет глаз и режет ухо своей голимой изнанкой.

Можно было бы назвать эту прозу бунтарской, феминистской, подростково-максималистской, защищающей права угнетаемых детей и поработённых бытом женщин. Однако, глубокое сочувствие и знание исключительно мужских проблем, ненависть к женскому манипуляторству и полное отсутствие идеализации детского жестокого мира не даёт такую возможность.

Жанна Райгородская беспощадна ко всем проявлениям человеческой подлости и фальши, независимо от возраста, пола, национальности и политических убеждений их обладателей. Главным героем скрыто или явно всегда является Воин, которым может стать кто угодно, и в котором также угадывается тёзка Орлеанской девственницы.

Но при этом, она с лёгкостью может если не оправдать, то пошагово растолковать все причины и истоки любого глобального или бытового злодеяния, объясняя их трудным детством или нечеловеческими испытаниями. Любой палач есть бывшая жертва, а нынешняя жертва обречена стать палачом. Такой вот бесконечный круговорот греха.

Эту прозу логично было бы назвать смелой. Но смелость — это процесс преодоления страха, которого у автора нет в наличии. В собственной вселенной нет угрозы непонимания или непринятия. Всё более чем ясно, бояться нечего, нечего преодолевать. Так что какая к чёрту смелость? Кто-то не понял? Его проблемы!

Встречаются, кстати, рассказы с вполне классической раскладкой на чёрное и белое, на плохих и хороших, и с неременной победой добра над злом. Однако звучат они несколько неправдоподобно, и сильно смахивают на рассказы для детей: и простотой стиля, и системой ценностей. Вот только темы отнюдь не детские. Чувствуется, что автор жёстко держит себя в узде и не отпускает бить наотмашь со всей дури налево-направо. А так хочется! В общем, внутренняя цензура и попытки приблизиться к востребованным канонам сильно ослабляют и обезличивают индивидуалистическую литературу. Ничего с этим не поделаешь!

И как ни странно, автор любит своих героев: через боль, иногда через презрение и отвращение. Но любит искренне, заявляя, что живое не может быть совершенным и правильным. Живое всегда в процессе борьбы с внутренним и внешним злом. В борьбе за счастье, за внимание и понимание, за взлёт духа, за каждый шаг, приближающий к Богу. Хотя о Боге вроде бы и не сказано ничего, всё вполне атеистично. Бог неведом, невидим и не ощутим, как воздух. А дышат все.

Книжная лавка

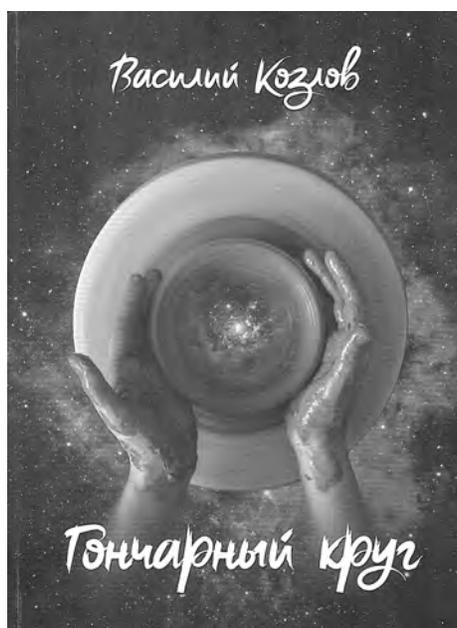


АНДРЕЙ АНТИПИН

Член Союза писателей России

«Я люблю эту зрелую позднюю горечь...»

О НОВОЙ КНИГЕ СТИХОВ ВАСИЛИЯ КОЗЛОВА
«ГОНЧАРНЫЙ КРУГ»



Быть Козловым в русской литературе нелегко, уж во всяком случае, Волковым или Зайцевым проще. Ибо Козловых среди писательской братии, здравствующих и уже почивших, «премного есть», разве что Ивановы составляют им достойную конкуренцию.

*Природные фамилии мы носим,
Родством мы ближе к лесу и воде.
У жизни вдохновения не просим —
Оно подстерегает нас везде.*

...Новую книгу иркутянина Василия Козлова, по сути — первую для меня, я ждал всю свою сознательную жизнь. Потому что на моём веку книг Василия Козлова считай что не было. Предыдущая вышла в далёком 1985 году. Рваную, в мушиных крапинках, без обложки — я надыбал её в

нашей поселковой библиотеке в переучётный день и тем самым спас от участи других ветхих изданий, которым суждено было сгореть в топке местной котельной. Помнится, в небольшом по объёму сборнике, отпечатанном на офсетной бумаге, было особенно запавшее в душу стихотворение про вишни, которые «как в детстве, невытыми ешь». И ещё — знаковое для автора, для его сверстников:

*Я в начале июля родился:
В мире добрые ливни прошли,
Вымывая зелёные гильзы
Из тяжёлой и чёрной земли.*

*Тополя серебрились у дома.
Воробьи копошились вокруг.*

*И звучал для меня незнакомо
Всем понятный за стенкою стук.*

*Там сосед к костылю приникает,
Как к прикладу, до боли в висках.
Он к такому себе привыкает
И привыкнуть не может никак...*

Да, в этих несомненно хрестоматийных стихах как будто бы слышен Роберт Рождественский: «Я родился — нескладным и длинным — / В одну из влажных ночей. / Грибные июньские ливни // Звенели, как связки ключей». Но так ведь, как эхо после взрыва, ходят-бродят в стихах поэтов послевоенного рождения голоса их старших товарищей, и что необычного в том, если наиболее зычные из этих голосов, усиленные акустическим гулом эстрады, звучат доступней и громче, а значит, привлекают больше внимания, становясь общественным явлением и диктуя поэтическую моду, на которую ревностно зорок пишущий молодежь. Притом что поколение Василия Козлова, рождённое в сороковые, по закону творческого взро-сления не столько наследовало художественные установки «шестидесятничества», сколько вступило с ними в гласный и негласный спор, и на этом споре, на лязгающей пружине его, в раздоре с прославленной четвёркой по-своему вскормило и воспитало свой собственный стиль. Увы, собственность его нередко проявлялась только что в отрицании всех других стилей при главенствующем догмате классической школы русского поэтического письма, поборниками которого предстали многие ровесники Василия Козлова, счастливо переболевшие Вознесенским и Евтушенко и впавшие в любезную им зависимость от Рубцова и Кузнецова. Зачисление по ведомству «тихой лирики» (а лучше и правильнее сказать — классической поэзии) требовало немалой решимости, а пуще того — отрешённости, поскольку не сулило материальных выгод и всесоюзного почитания, но обрекало на жертвенное служение Слову в вакуумных условиях провинциальной безвестности и житейской нищеты.

Вот и Василий Васильевич Козлов — поэт мало читанный, почти неведомый даже и для «узкого» круга ценителей российской словесности, но заметный по какому-то общему принципу узнавания всего родного и близкого.

Родился 5 июля 1947 года на станции Оловянная в Забайкалье, позже семья переехала в Усолье-Сибирское соседней Иркутской области. Учился в школе рабочей молодёжи, потом на филологическом факультете Иркутского государственного университета. Первые стихи опубликованы в 1968 году армейской газетой Казахстана, где молодой стихотворец проходил воинскую службу. Работал на заводе, на стройке, корреспондентом районной газеты «Ангарские огни», редактором литературного отдела Иркутского областного радио, наконец, сторожил на лодочной базе — занятие для сочинителя сколь неизбежное, столь и благодатное в смысле творчества и перспективы зашибить при этом хоть какую-то копейку. Автор поэтических книг «Уроки доброты» (1975), «Есть у меня на свете брат» (1979), «Стихотворения» (1985) — все три Восточно-Сибирского издательства, в ту пору вполне крепкого и процветающего. Частно и коллективно с другими авторами выступал в периодической печати — в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», в сборниках «Час России», «Молю прощения», с тем уточнением, что публикации эти носили непостоянный характер и были скорее исключением, чем твёрдой практикой поэта Василия Козлова. Долгие годы (а это ни много ни мало двадцать шесть лет, исчисляя с 1986) возглавлял журнал «Сибирь», иронизируя по поводу своей бес-сменности в таком духе, что даже в царских каторгах самые отпетые преступники отбывали меньшие сроки. В двухтысячные, уже после раскола некогда единой организации, председательствовал в иркутском отделении Союза писателей России. Одно время был директором издательства, сподвигая меценатов раскошелиться на поэтические сборники, а также на детскую, православную литературу...

Редакторство Козлова, его многолетнее послушничество в этой и других должностях, все эти вериги и хомуты, которые он на себя навешивал когда по личному, когда по общественному почину, как представлялось со стороны, способны были выжечь, испепелить талант поэта. Вычитка чужих творений, тем паче призор за публикой, из которой всяк Пушкин и Толстой, — увы, дело неблагодарное, убивающее не только нервные клетки. И всё же вот эта журнальная колготня, которой безоглядно отдался Василий Козлов в смутную историческую пору, по-своему оберегла поэта от вероятного раздвая, дав ему возможность не то чтобы отмолчаться, но нравственно сохраниться, не замарав пера виршами на потребу дня, чего, к сожалению, не избежали иные его товарищи. Новая книга стихов «Гончарный круг», не так давно увидевшая свет в Иркутске, наглядней всего свидетельствует: поэт не столько молчал все эти годы, сколько набирал в грудь воздуха, чтобы выдохнуть радостно, отдохновенно, с той долей мучительного наслаждения, что бывает после долгого застоя в голосовых связках.

Впрочем, затянувшееся едва ли не на четыре десятка лет бескнижие Василия Козлова объясняется не только и, наверное, не столько служением на публичном поприще. Достаточно ознакомиться с установками, которые поэт сам для себя определяет, чтобы понять причины столь неспешного собирания четвёртого и по многим признакам итогового сборника:

*Ни в голом расчёте, ни в трезвом уме
Поэзии вы не найдёте.
Волна умирает в жемчужной кайме,
А слово и мысль — в переплёте...*

Наблюдение само по себе примечательное, к творческим свершениям, прямо скажем, не располагающее. Нетрудно вообразить, какого рода отповеди были в ходу у издателя и редактора Козлова, и скольких авторов сей человек сделал глубоко несчастными на их тернистом пути к печатному станку. Притом что властный глаз Василия Козлова и его принципиальная взыскательность, обучающая в плане воздействия, не только изобличали серость и посредственность, но и венчали действительные таланты, ввергая местнотимых гениев то в жар, то в холод. Что говорить, если и сегодня, когда служба оставлена, присутствие в иркутской писательской среде столь разборчивого оценщика всякой бумажной продукции предполагает в пишущем немалую дерзновенность, дабы соответствовать и по-сильно держать тот художественный уровень, которого, как оброчной подати или ясака, добивался от литераторов начальник «Сибири»... И всё же каков он сам — сочинитель Василий Козлов?

Первое, на чём останавливается взгляд: Козлов по большому счёту архаичен, даже *старомоден*, если разуметь под этим не отсталость от дня нынешнего с его скоропалительным равнением на всё броское и шумное, но преданность тому, что было в чести ещё некоторое время назад и лишь ввиду изменчивости вкусов, а вовсе не по причине морального старения, стало исчезать из употребления. Он весь, говоря точнее, в традиции, а та для него, пожалуй, не столько мера и непреступный закон с точки зрения эстетики, сколько духовная твердыня, образованная единством русского понимания искусства и нашей национальной если не особенности, то необходимой самостоятельности, которой, как и Родине, присягают на верность и служат. В противном случае неминуема утрата некой чистоты намерений и самих деяний творца, иначе выражаясь — нравственное и родовое отступничество, а писание стихов теряет здоровый смысл.

Но это если рассматривать понятие архаичности и традиции в сугубо философском ключе.

А если быть более конкретным, то формально *старомодность* Козлова выдают приметы поэтической школы 1960-1970-х. Вот, например, характерные заправки:

*О, ночи в загородном доме —
Любви нещедрые дары...
Мы добирались на пароме
Через протоку Ангары.*

Или:

*Южный берег Байкала
Помнит ветреных нас:
Ты меня увлекала
На забытый баркас.*

Я намеренно стесняю область поэтического существования Василия Козлова двумя десятилетиями, хотя, безусловно, наследственность его стихов обширней и значительней, и означенным периодом в истории русской литературы второй половины двадцатого века отнюдь не ограничивается. Но именно оттуда, из дней молодости поэта, доходит до нас этот бодрящий речной ветерок былого стиля, который и делает книгу «Гончарный круг» незаурядной и, по моему мнению, тем и выделяет её в ряду стихотворных изданий современности.

Вообще, долгожданная книга Василия Козлова — только по определению новая. На деле она оставляет хорошее ощущение вчерашности написанного, а значит, неразрывности целого, сращенности с центром. Кажется, все стихи из «Гончарного круга», в том числе самые свежие, созданы давно, до или сразу после 1985 года, и лишь сейчас доверены печати. Не оттого ли взор поэта чаще всего устремлён в прошлое, как бы рассматривая то «большое», что увиделось лишь теперь, с расстояния прожитых лет? Не потому ли голос его, вновь зазвучавший, настроен преимущественно на элегический лад, вообще на договаривание всего того, что не было, может быть, в должной степени воспето за минувшие десятилетия молчания и отлучки, и с чем нынче, после возвращения, приходится прощаться?..

*Из глубины утраченного смысла
Не зачерпнуть и пригоршни добра...
А жизнь была легка, как коромысло, —
Позванивали два пустых ведра.*

*И мы ещё не знали потрясений,
Ещё, казалось, сбудутся мечты.
Душа была светла, как лист осенний,
И снегом не тянуло с высоты.*

*Нас восхищал алмазный блеск торосов,
Заката полыхающая медь.
И не было мучительных вопросов:
Достойно жить? Достойней умереть?*

Незабвенность, «драгоценность» отдельных строк, которым, «как винам, настанет свой черёд», о чём пророчествовала Цветаева, тем ощутимее в лучших стихах Василия Козлова, чем неперменной всему, к чему бы ни прикоснулось перо поэта, даётся им соответствующая выдержка. Посему следующая отличительная черта автора — его стоическое постоянство в выражении своей художественной и гражданской позиции, что редкость в нашей литературе, гораздой на переобувание и отречение от себя вчерашней. Тут и рифмы чередуются, как сотню лет назад, и оторопь не берёт от бесконечности этих «обратно-безвозвратно», «поле-воля», «звезда-никогда», «птица-стремится», потому как и угадываемость мелодии, и преднамеренность созвучий на концах строк вполне согласуются с теми координатами, в которых обретается муза Василия Козлова, и где сами они, ритмы и звуки, естественным образом и рождаются, и пригождаются вот уже не одному поколению русских поэтов. Поэтому, кстати, есть своя неукоснительная последовательность и в том, что автор, кроме приверженности к основам старой поэтической школы, соблюдает и преданность ведущим для недавнего прошлого темам. Например, соположению города и деревни, в чём рьяно преуспели многие советские стихотворцы. Да и Василий Козлов, судя по всему, не был чужд этих веяний:

*Где-то лаяли псы в отдаленье,
Петушиный прорезался крик...
Я бы жить поселился в деревне,
Если б к городу не привык.*

Правда, это противостояние, ещё вчера столь болезненное для нашего общества, не получило в творчестве поэта хоть сколько-нибудь внятного развития, поэтому останавливаться на нём нет резона. Тем более что поэзия Василия Козлова — и без того неразрывный узел давнишних русских споров, будь то спор о славянстве, к сему дню иссякший совершенно, или — спор красных с белыми («Красной кровью на белом снегу // Отпечатались наши раздоры...»), новой порослью сочинителей оцениваемый как безнадежный пережиток, пустая и, боюсь, уже не всегда понятная заваруха даже не отцов, а литературных дедов. И, конечно, чёрный смог девяностых (а это тоже наш спор, делящийся и поныне) не мог не осесть дымным пеплом в поэзии Василия Козлова:

*И вы смотрели с корабля,
Как исчезает за волнами
Святая русская земля,
Навек оставленная вами...*

К сему нелишне присовокупить пару слов о жанре посвящений — тоже, увы, почти забытом, сведённом в лучшем случае к шутивому шаржу. Он, как и сознательная бедность рифмовки, ещё дышит, ещё живёт в книге Василия Козлова полновесной жизнью, как если бы его только сейчас открыли древнеримские ораторы и едва начали оттачивать на публике. В числе посвящённых у Козлова — писатели-иркутяне Ростислав Филиппов, Борис Архипкин, Глеб Пакулов. А ещё — Геннадий Гайда, Алексей Зверев, Михаил Трофимов. Особнячком — недавно ушедший Альберт Гурулёв, старейший иркутский литератор, товарищ Валентина Распутина. Из художников — Владимир Кузьмин. Из родных — жена, сын, дочь, брат, сестра. И это не полный список, а ведь есть ещё те избранные, кто бережно скрыт в заглавных буквах имён и фамилий...

*Пока живём, стакан вина — во благо.
В благоговенье перед красотой
Да не ослабнет в нас живая тяга
К родному слову, к жизни непростой.*

*Пока живём, не подведи, сноровка,
Блестящей эпиграммой блеснуть...*

Сноровка — и пить, и блистать эпиграммами — до поры не подводит, жаль, жизнь неумолима и текуча, не всякий раз «стакан вина — во благо». Однажды пробивает час, овладевает ощущение, что с сего дня она, жизнь, развивается не столько циклически, подобно гончарному кругу, сколько — конически, сужаясь к тупику, к финишу, к нулю, а уж там ведут отсчёт минусовые величины, все эти скорбные для твоих близких меты твоего отсутствия на земле, и уж тогда пьют по иному поводу. Вот и у Козлова всё движется к этой последней точке: «Вода уходит из колодца, / И люди вслед за ней уйдут. / И только память остаётся // Вершить свой молчаливый суд...» Круг смыкается, и среди адресатов его посвящений больше мёртвых, чем живых:

*Нет с нами давно Ростислава, Бориса и Глеба...
Когда-то и нам распахнётся любимое небо.*

Это — «Застольное». Давно ли русские поэты вот так, не боясь пафоса, в искреннем порыве писали застольные стихи? Уже и не вспомнить. Всё, как ржа — железо, разъела у нас ирония, сгубил сарказм. Мы об этом старинном и некогда благородном искусстве знаем теперь разве что по матерной безвкусице Губермана, Гандельсмана и прочих мелких пакостников...

Ничего этого нет у Василия Козлова. Он серьёзен и сдержан, и его улыбка — с печатью печали. «Я люблю эту зрелую позднюю горечь...» — признаётся, как будто надкусывая кислую осеннюю ягоду, поэт. Он, думается, вполне мог бы разделить (распить) и другую горечь — смертную печаль Юрия Кузнецова, когда-то выдохнувшего страшные слова: «Ничто твоё уже не повторится». Если бы, конечно, Василий Козлов не обладал таким качеством, как человечность. А уж та, в свою очередь, как бы облачает любое поэтическое дарование незримым куполом, не давая распалиться неким отвлечённым, исключительно ввысь устремлённым огнём, а напротив, сообщает ту теплоту и земную предметность, без коих русская поэзия немислима.

*Сияет вечная надежда,
Горчит сердечная печаль.
А жизнь, как старая одежда:
Поизносил, а бросить жаль.*

Чёткость и ясность формы, верность классической выправке стиха, когда любой наворот и даже маломальское ухищрение в виде ломания строки или усечения рифмы заведомо отвергаются как признаки неряшества и литературного дебилизма, закономерно формируют поэтический словарь Козлова. В сущности, об этом и не нужно было бы заводить речь, если бы хороший художественный язык не сделался в литературе явлением почти музейным, оставляющим впечатление экспоната.

Что же отличает словарь Василия Козлова?

Да всё та же непреклонная традиционность, не желающая облачаться ни в какие тоги. Потому словарь поэта подчёркнуто строг, как если бы на дворе у нас всё ещё правил девятнадцатый век, и в то же время он прост, вечен, а следовательно, всегда пригоден в работу. Алексей Решетов определил его, словарь, четырьмя пунктами: Земля и Небо, Жизнь и Смерть. Поэт Василий Козлов сполна обходит тем же, лишь на первый взгляд небогатым, лексиконом, и посмотрите, стих его нисколько не теряет в полноте от этой кажущейся куцести неизбывных для нашего сердца слов и смыслов:

*Ничего мне от жизни не надо,
Ничего, кроме жизни самой:
Кроме вечного с небом разлада,
Кроме вечного славда с землёй...*

А ещё в словаре Козлова есть Бездна. Это у него, вполне вероятно, не от Пушкина, а сразу от Державина, с братским оглядом на поколенчески близкого Юрия Кузнецова, у которого этих дышащих и отверзающихся пучин — ногу некуда поставить...

*Плыть и плыть над ликующей бездной.
Звёзды плачут, мигая во мгле.
Неужели была бесполезной
Жизнь моя на цветущей земле?*

А ещё — Поэзия. К ней мы перестали обращаться по имени, решив, скорее всего, что она у нас в приживалках, и во всём нам по гроб жизни обязана, а стало быть, нечего с ней церемониться, достаточно держать в чёрном теле. Это ведь только Николай Рубцов одёргивал нас с мальчишеской настойчивостью и прямо-той: «И не она от нас зависит, / А мы зависим от неё...», а мы-то сами никакой зависимости своей, кажется, не замечаем, а вот поэзию норовим затянуть к себе в кабалу и пользоваться по своему хотению. И тем более удивительно, какую разящую нетипичность для нашего времени и, можно сказать, прекрасную единственность в отношении к поэтической стезе находим мы в книге Василия Козлова:

*Я бы мог в этой жизни прожить без тебя
И надёжней, и проще.
Так легки и прозрачны в конце октября
Облетевшие рощи.*

*Уходя от тебя, я всё шёл за тобой
По лесам и болотам.
Ты как свет возникала за каждой сосной,
За любым поворотом...*

Без преувеличения, Василий Козлов сохраняет последние образцы храмовой поэзии, священного почитания своего писательского ремесла и Слова как такового. Именно Слова, с большой буквы. О нём — наравне с Небом и Землёй, Жизнью и Смертью, Бездной и ещё несколькими сокровенными понятиями — автор размышляет чаще всего. Но, как у любого настоящего служителя муз, Слово у Василия Козлова глубже всего раскрывается и познаётся не в пытливых попытках

обретения его посредством карандаша и бумаги, а будучи молвленными устами любимой женщины. И в этом тоже высокая предначертанность судьбы поэта, его семейное наследие, которое он не разбазарил надоедлыми перепевами классиков, а наоборот, в этой приязни к устоям отеческой литературы по-своему преумножил и узаконил уже в наши дни.

*У Слова не только основа —
Душа молчаливая есть.
И, кроме огня звукового,
Тончайших оттенков не счесть.*

*Всходи надо мною и властвуй!
Я радостным ухом ловлю
И это рассветное:
— Здравствуй!
И это ночное:
— Люблю!*

«Радостная земля», «любимое небо», «радостная весть»... Радости, сострадательной и печальной любви сразу и к небу, и к земле, и ко всему тому земному, с чем в свой срок придётся расстаться, — вот ещё чего с избытком в стихах Василия Козлова, вот ещё чем полнится его словарь. Но радость поэта по известным причинам драматична, ибо уже прошла сита тоски и кручины и возвратилась к нам с памятью о том, что живёшь на зыбком порубежье света и мглы, земли и вечного неба, и нипочём не угадать, в какую сторону в следующий миг качнётся твой маятник.

<i>Когда душа оставит тело, А тело выстынет в земле, Жизнь без начала и предела Пойдёт по новой колее.</i>	<i>Для новой жизни жизнь очнётся, И не поймёшь, была ли мгла Меж той, которая начнётся, И той, которая была.</i>
--	--

Говоря о поэзии Василия Козлова, о её словаре и способах внутреннего устройства, нельзя не отметить высоту иного рода, свойственную стихам из книги «Гончарный круг». Я имею в виду гражданский стиль звучания целого ряда произведений поэта. Он, этот стиль, тоже по-своему достоин охранной грамоты, признаки его вымирания настолько очевидны в текущей словесности, что вряд ли кто станет это отрицать. Появление книги Василия Козлова воспринимается как нельзя кстати, словно бы она, книга, самим фактом своего присутствия, каждой страницей своей твердит нам в назидание: писать так не только можно, но и должно, и что, вообще, как уверял классик, «дело прочно, когда под ним струится кровь».

<i>Великий и сильный народ, Над миром паривший, как птица, Уже никуда не идёт, Уже никуда не стремится...</i>	<i>Народ мой, восстань и умри! А лучше умри без восстанья. Не будет ни новой земли, Ни нового ясного неба, Пока только хлеба и хлеба На паперти просишь в пыли...</i>
---	--

Гражданственность Василия Козлова (не столько, может быть, некрасовская, сколько куняевская) изрядно сдобрена нормальным историческим пессимизмом. Тут-то бы и раззудеться плечу, размахнуться перу и со всем на то основанием плеснуть чёрной краски в стих, тем более что российская повседневность во все века беспечно-уязвима для наших дротиков и ядовитых стрел, и почище самой изошрённой фантазии даёт повод для всяческого осмеяния и порицания. Но не тем окормляется сочинитель Василий Козлов. Суровый суд поэта не только не даёт выхода авторской беспристрастности, а по сути — немилосердию и безучастности в изображении действительности, но в редкостный миг наиболее яркого и сильного вдохновения возносит его голос к подлинно горным вершинам. И уж оттуда возглашаются совсем другие глаголы, и для России, и для её народа спасительные, духоподъёмные:

*Ещё рождает боль и крик
 Растерзанное тело.
 Ещё не омертвел язык
 И ткань не отвердела.*

*Сшивает нить, сживляет нить,
 И смерти тень исчезла...*

*Россию поздно хоронить,
 Она уже воскресла.*

*Она в пределах тех высот,
 Откуда вечность грядет,
 Куда и взгляд ваш не дойдёт,
 И голос не достанет.*

Однако не только открытая гражданственность — поэзии Василия Козлова присуща и та решительная если не назидательность, то просвещённость, которой тоже почти не сыскать в современном искусстве. Все этого как будто чужаются. Козлов — нет. Его патетика, пафос любви к Родине, о которой «думай чаще», вполне уместны и обыкновенны. А ведь в своё время над этим призывом поэта издевался его ровесник и коллега по цеху. Сейчас, спустя годы, когда Россия в очередной раз переживает мрачные времена (в совокупности своей, может быть, более разрушительные и подрывные для нашей государственности, чем чумной морок 1990-х), этот завет Василия Козлова (а это — завет) особенно слышим, даже больше, чем ранее. Вечность, память, злободневность посыла уже произвели «свой молчаливый суд» и отделили зёрна от плевел. Хочется верить, настанет свой черёд, и уже не разрозненные одиночки таких, как Василий Козлов, стоятелей за русское дело, но вся Россия, вся, вообще, русская поэзия обратятся к своему прямому назначению. И оно, конечно, не в услужении дурным наклонностям времени, не в праздном бряцании «меди звенящей и кимвала звучащего», но в том воспитательном усердии, которое с начальных пор промыслительно оказывала на общество родная словесность...

Конечно, громкость, «державность» стиля Василия Козлова не лишены издержек. «Твёрдый опыт рук», о котором пишет автор, нередко властвует над стихом, лишая его необходимой лёгкости и непосредственности, некой первоначальности дыхания. Помянутый Решетов говорил, ссылаясь на слова Кафки: «Не дай мне Бог набить руку!» «Твёрдость опыта» Василия Козлова часто оставляет ощущение излишне натренированной руки. По-видимому, это неизбежно для условных «государственников» с их всегдашним радением не столько об удобочитаемости написанного, сколько о вещественном содержании произведения. Вспомним Некрасова, который, собственно, о том и горевал в знаменитых строчках: «Нет в тебе поэзии свободной, / Мой суровый, неуклюжий стих!»

В этой связи вот что ещё хочется сказать о книге «Гончарный круг» и тем завершить разговор о ней.

Мне кажутся совсем неудачными, обделёнными и поэзией, и сколько-нибудь свежей мыслью стихи обо всех этих графоманах и серых приживалах из числа писательского начальства, которых автор берётся развенчивать с чрезмерной, по-моему, старательностью и подозрительной заикленностью на теме, как бы отмщая кому-то свои личные обиды. В такие минуты вкус отказывает поэту и перо его нет-нет, да выдаст что-нибудь вроде «Твои стихи, как “Кока-кола”...», а то пошлюю рифму «строчки-брусочки», либо иную очевидную несуразность, после которой остаётся лишь поморщиться и скорее перелистнуть страницу. И тут твёрдая поступь и сопутствующая ей основательность стиля Василия Козлова оказывают ему медвежью услугу, обнаруживая досадную несопоставимость материала и способа его подачи. Таких примеров немного, но они, к сожалению, есть. Притом что задают тон совсем другие стихи, которые, однажды прочитав, уже не забываешь. Нет, отдельные строчки, конечно, стираются из памяти, дробятся на хаотичные созвучия. Но образ их, тот лучистый отпечаток, что зовётся поэзией, остаётся с тобой навсегда, и в один прекрасный день, когда того истребует душа или обстоятельства внешнего мира, снова пробивается на свет во всей своей немеркнувшей красе и тихой славе. И снова, как в первый раз, восхитишься благолепной созвонностью строк, чистотой всех этих земных камешков и небесных зёрнышек, набранных с той мерой прилежания и со всей чуткостью отбора, что доступно лишь поэтам и птицам:

<i>Я вырвался из круга</i>	<i>Весёлого морозца</i>
<i>Забот пустых, как дым,</i>	<i>Почувствовать ожог.</i>
<i>Как из объятий друга,</i>	<i>Поймать снежок летящий,</i>
<i>Который стал чужим.</i>	<i>Как радостную весть.</i>
<i>А было так непросто</i>	<i>Походкою скользящей</i>
<i>Шагнуть через порог,</i>	<i>Куда незнамо бресть.</i>

* * *

...В свои дни рождения Василий Козлов обыкновенно не отвечает на телефонные звонки. Люди, хорошо знающие об этом правиле поэта, обыкновенно не звонят ему в этот день. Я тоже обыкновенно не звоню, не столько из чувства солидарности с другими незвонящими, сколько оберегая поэта, боясь потревожить его целебное молчание, это кроткое, как сочленение слов для будущей молитвы, набирание воздуха в грудь, после чего непременно должен последовать выдох. И уж тогда, по слову самого автора, «постигая быстротечность, / Подступит к горлу жажда жить, / Такая жгучая, что вечность // Её не в силах утолить».

Что к этому добавить? Да, пожалуй, нечего. Разве что пожелать никогда не терять этой жажды.

ВАЛЕРИЙ ДМИТРИЕВСКИЙ

Поэт, член Союза писателей России

«Мои рифмованные дни»

О книге М. Ножниной
«МЕЛОДИЯ, ПРИДУМАННАЯ МНОЙ...»



Так называется один из разделов поэтического сборника ангарчанки Марины Ножниной «Мелодия, придуманная мной...», но эти слова вполне могли бы стать и названием всей книги, потому что при чтении чувствуется, что она, как сказал кто-то из великих, не может не писать, и каждый её день, видимо, не обходится без стихотворных строчек. Книга издана в 2023 г. при финансовой поддержке Министерства культуры Иркутской области — редкий случай для первой книги поэта. Впрочем, это объяснимо, ведь публиковаться М. Ножнина начала почти 15 лет назад, её стихи появлялись в журналах «Москва», «Сибирь» и других российских изданиях, за это время она стала дипломантом ряда литературных конкурсов. Очень солидный получился томик, на 170 с лишним

страниц формата А5, в твёрдой обложке, в нём больше сотни произведений. Уже это обстоятельство чрезвычайно привлекает внимание к книге, потому что невольно вспоминаются первые издания в 1960-х годах стихов наших знаменитых земляков — Ростислава Филиппова, Анатолия Кобенкова, Петра Реутского, Веры Захаровой, Валерия Алексеева и других: тоненькие книжечки вдвое меньшего, карманного формата, объёмом 40-50 страниц, вместившие от силы три-четыре десятка стихотворений. Не слишком доверяли издательства молодым талантам, не давали развернуться. Хорошо, что сейчас времена другие, и поэт может показать читателям результаты своего творчества сразу во всей полноте.

Главные темы в творчестве Марины Ножниной — живописание природы и лирические раздумья — о жизни и смерти, любви и нелюбви, художественном и поэтическом творчестве. Есть несколько стихотворений о войне, о России, а также небольшой раздел детских стихов. Заметно оживляют книгу иллюстрации, выполненные самим автором.

В первом же стихотворении, которым начинается книга, завораживает восторг лирической героини от встречи с апрелем, который «бился проснувшейся мухой в окно». Свежий, рельефный образ. И разговор с апрелем продолжается в той же радостной тональности. Правда, немного разочаровывает вот такое признание:

*Знаешь, за что я тебя полюбила? —
За долгожданную встречу с судьбой!*

Выходит, не весна с теплом и капелью — причина восторга, а «встреча с судьбой». Но вообще-то судьба — это то, что всегда с тобой с самого рождения, это твоя участь, твоя доля, — а значит, такое словосочетание в этом контексте лишено смысла. Вероятно, лирическая героиня имела в виду встречу с любимым человеком, но тогда надо было выразить это яснее. (Замечу, что в другом стихотворении про судьбу написано как раз точно: «...и с Россией, со своей судьбой...».) Непонятно также, что стоит за словами «вспомним с тобою весеннюю лесь». Но в целом это стихотворение настраивает на то, что следующие страницы будут полны таких же ярких образов.

И действительно, дальше в этом разделе идут в основном стихи пейзажные, живописные, и сразу вспоминается, что автор имеет специальность «Изобразительное искусство» и работает преподавателем в детской художественной школе. И мы отчётливо видим, как «...серые ветра / листвы осенней золото разносят», как «...суета снегопадная / загребла все мечты в подол», как «метался воздух горько-пьяный / под неба голубой косынкой»...

*Холодные звёзды зажглись над домами,
В бездонную реку сошли,
И видно, как в небо, вдали за холмами,
Исходит дыханье земли.*

Явственно чувствуется вечерняя прохлада у реки, от которой зябнут плечи, а река действительно кажется бездонной, отражая бесконечно высокое звёздное небо.

Но, к сожалению, и здесь нередко встречаются досадные небрежности в словах. Например, лик осени растаял в пустой дали, «взметнув синицей в зарослях густых». Почему бы не написать просто — «взлетев»? Взметнуть можно что-то или кого-то, но не чем-то, как в этой строке. Или вот: «мы услышим *преддверия лета*». Как можно услышать преддверия? А в одном из стихотворений сама весна говорит о себе, что она — «весеннего солнца сестра». Как говорится, масло масляное. Эти и другие небрежности несколько снижают впечатление от созерцания талантливо нарисованных словами картин природы.

Особняком стоит здесь стихотворение «Заклинание» — совершенно очаровательное колдовское действо:

*Встречные-поперечные,
Упыри зелёные со шкурами овечьими,
Со слезами солёными, —
Соберитесь в овраге чёрном,
Усните во веке вечном...
<...>
Как за Лысую гору
Луна опускается,
Пусть так за пеньки-косогоры
Все твари болотные убираются...*

Если бы исключить частое повторение «встречные-поперечные» (четыре раза на одной странице!) и кое-что оформить более внятно (а то получается, что эти

«твари болотные» должны убраться не только «от всех страданий человеческих, / от слёз горьких и солёных», но и почему-то «от вампиров и упырей, / от змей и ящериц»), то вышла бы пленяющая своей жаркой искренностью мольба былинной девушки, страстно желающей блага всем людям.

Следующий цикл посвящён воспоминаниям о детстве и имеет очень точное название: «А в детстве потолки выше...». И стихотворение, начинающееся этой строкой, довольно ёмко описывает восприятие автором своего детского возраста:

<i>И мама старая —</i>	<i>Гномы да эльфы,</i>
<i>Ей тридцать четыре!!!</i>	<i>И верю в чудо.</i>
<i>А я ж такой никогда не буду.</i>	<i>И никогда замуж не выйду,</i>
<i>Живу в своём</i>	<i>Актрисой стану</i>
<i>Придуманном мире:</i>	<i>Или певицей...</i>

Стихи этого цикла полны светлых воспоминаний, несбыточных желаний вернуться в те годы, в те места, где «...рябина у окошка / и сирени синева, / деревянная дорожка, / облетевшая листва...». В такие минуты автор чувствует: «...это я потерялась во времени / и осталась зависшей в пространстве». И мы вместе с ней грустим:

*И утонет вечер за полями,
Провожая солнечную тень,
Только я останусь за домами
Из бетонных, серых, тусклых стен.*

Жаль, что эта светлая грусть натывается на очередную небрежность. Да, настроение передано верно, но ведь дома состоят не только «из стен», в них есть и крыши, и окна, и двери. Здесь чувствуется необходимость перестроить строфу, поменять слова местами, и тогда героиня осталась бы *за стенами бетонных серых, тусклых домов*, что было бы точнее.

Или вот такие строки:

*Я, как лимон, вся выжата насквозь
От этих нудных бесконечных будней.*

Если «выжата насквозь» ещё можно принять, то «выжата от будней» — совершенно неуклюжая словесная конструкция.

Но совсем обескураживает то, что «...детство там тихонько мается, лежит, / беспокойно вертится, укрывая спинку». «Там» — это где бы вы думали? На кладбище! Да ещё вертится! Очевидный абсурд, вызывающий в душе только изумлённый протест: разве так можно о детстве?

Два следующих раздела, практически половина книги — это чистая лирика, обращённая героиней главным образом на себя, посвящённая своим переживаниям. И здесь весьма впечатляет её обнажённая искренность:

*Затесался мне в душу — не выбросить!
Не могу ни забыть, ни уйти.
Ни оставить тебя мне, ни высквозить,
Ни следы за тобой замести.*

Любовь — не только счастье, но и страдание:

*Ты думаешь, мне трудно без тебя?
Ни капельки не трудно, мне паршиво,
Мне тяжело, уродливо и лживо
Твердить, что всё прекрасно без тебя.*

Но собственная гордость для героини — превыше всего:

*Кто без меня ты? —
Дерево в пустыне,
Песчинка на солёном побережье.
Кто без тебя я? —
Так же, как и прежде, —
Свободная и гордая... отныне.*

И тут же вновь читатель находит повод для разочарования. При неудавшемся свидании нежная любовь героини оборачивается другой стороной:

*Стою как мёртвая,
Брови собрав в пучок единый, —
Большая крылообразная чайка.
«Где же ты есть, скотина?» —
В голове мелькнуло случайно.*

Рушится всё сопереживание, вся наша вера в её способность к возвышенному чувству, тем более что она «...плечи выпрямила, к чёрту тебя отправила, / села в автобус / и уехала». Это проявление не гордости, но вздорности характера. А если это сознательный эпатаж, то он совершенно не к месту, поскольку резко диссонирует с остальными стихами о любви.

Вообще в книге много неровностей. Читатель словно идёт среди болотистых кочек и не знает, что его поджидает при следующем шаге: твёрдый грунт или тряси́на. Вот стихотворение совершенно ни о чём:

*Чайная тишина
На стол с потолка рухнула.
Молча сидели на кухне
Ты и я...*

Так и хочется сказать строками из этого же стихотворения: «Что там? Пойди, разберись». И тут же на соседней странице — серьёзные философские размышления:

*Люди не умирают.
Они улетают домой,
Они уезжают на быстрой пустой колеснице.
<...>
...и кажется, что остаются лишь тело да кости.
Всё это — одежда, которую временно носите,
А всё остальное — вечная ваша душа,
А всё остальное — вечная ваша душа.*

Перевернув страницу, снова остаёшься в недоумении: зачем это написано и почему заканчивается никак не мотивированной скабрёзной грубостью:

*Кот всё понимает,
Всё понимает, что я хочу от него,
Он ведь друг, но слова для него — только звук.
Только звук. Он неглуп.
У кота только лапы и нету рук,
Чтобы выключить на плите этот грёбанный суп.*

А через несколько страниц очаровываешься прекрасным «Вечерним этюдом»:

*Раздужмянился яркий кипрей, доставая до плеч,
Наклоняясь ко мне, обнимает, цепляет за косы,
Словно хочет в объятьях от ночи меня уберечь,
Закрывает дорогу к душистым широким прокосам.*

И снова спотыкаешься о пустоту:

<i>Я вышел в девять с половиной, Держа в руке пустой стакан. Висела ночь, как гильотина, Туман стоял, как истукан.</i>	<i>А за углом метались осы, Стремясь ужалить чью-то тень. Спокойно шёл я вдоль погоста, Вдали встречая новый день.</i>
--	--

Это не отрывок, а полностью законченное стихотворение. О чём это? Зачем речь от имени мужчины, зачем пустой стакан, и почему осы ночью (!) метались, а не спали, как им положено, да ещё за углом (за каким?). Ну и гильотина не висит сама по себе — висит её лезвие.

А вот страницы о собственном художественном творчестве — хороши. В одном из стихотворений выражено кредо художницы:

*Нет прекрасней на земле искусства,
Чем искусство делать красоту...*

И эта потребность, это желание не отпускает героиню даже ночью:

*Я тело брошу в мятую постель,
Карандаши оставив у мольберта.
Не спит мой сон, и снежную кудель
Ночь сыплет из воздушного конверта.*

*И только томно бдят мои глаза,
То сон, то явь вновь призрачно тасую,
И воскресает утра полоса,
А я — рисую.*

Вдохновение переходит и на стихи, придавая им стремительную лёгкость:

*Пожелтели цветы,
Облетели листья.
Нарисую тебя
Бархатною кистью.
<...>
Лучик солнца возьму
Для твоих волос я —
Шёлком кисти скользну
В жёлтые колосья...*

Пора делать выводы. Автор, несомненно, обладает поэтическим талантом, подкупает своей искренностью, свежестью взгляда, ей хочется о многом сказать, и многое у неё получилось. Но в те минуты, когда, по её же словам, «...нет темы для стихосложения, / языкоплётства и рифмострадания...», может быть, и не стоит братья за перо?

И хотелось бы, чтобы не встречалось в стихах беспомощных школярских псевдорифмовок: «произнеся — на меня», «начну — свечу», «земли — я и ты», «никогда — сна» и т. д. Кроме того, всегда обидно замечать в хорошо изданной книге элементарные грамматические ошибки. Просто режут глаз такие строки:

*В окнах коситЬся рама,
ПроситЬся муха во двор.*

.....
*Моё неснятое пальто
ложитЬся на диван...*

.....
...ночь ложитЬся на дно глубоко...

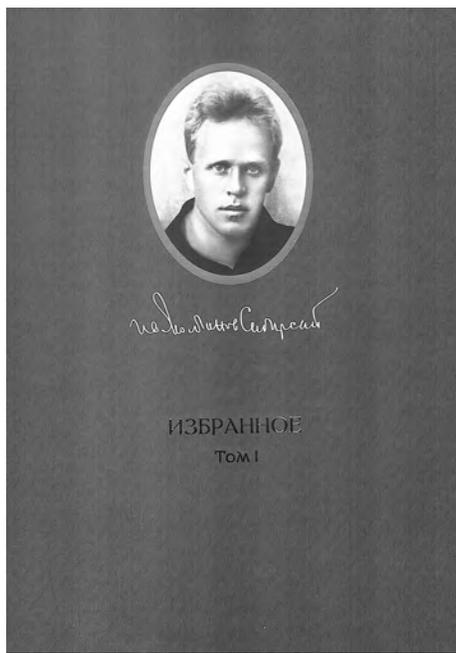
.....
...туман клубитЬся над рекою...

Ну ведь так просто запомнить — на вопрос: «Что делаТЬ?» — надо ложитЬся, а если спросят: «Что делаеТ?» — значит, ложитЬся. Мягкий знак в вопросе сам подсказывает, как правильно. Но почему-то эта ошибка — одна из самых частых у нынешней молодёжи.

Что касается ошибок в расстановке ударений и знаков препинания, их не так много, но корректура всё же должна быть более тщательной (не «жалюзИ», а «жалюзИ», не «черпАТЬ», а «чЕрпать», и т. п.). Конечно, русский язык — один из сложнейших в мире, но мы, разговаривающие на нём и читающие написанное на нём с раннего детства, к тому же избравшие родом своей деятельности литературу, должны быть практически безупречно грамотными. Тем более что в наши дни всегда есть возможность быстро проверить правописание в Интернете.

Подведу итог. Мне кажется, что Марине Ножниной не стоило торопиться издавать свою первую книгу в таком роскошном и объёмном виде, зато с обилием слабых строк, неточностей, грамматических и стилистических ошибок, недоработанную и недоредактированную. Ведь ей было из чего выбрать! Есть очень хорошие стихи, но жаль, что они иногда теряются среди небрежно написанных, недодуманных, бесцветных. Не хотелось бы выглядеть этаким брюзгой, но, может быть, не напрасно полвека назад поэтов впервые публиковали, как упомянуто в начале статьи, именно в тоненьких книжечках, которые были настоящими пробами пера, где каждая строка была выверена строгими редакторами, учившими начинающих авторов работать со словом. (Не случайно первая книга нашего замечательного поэта Инн. Новокрещённых так и называлась — «Пробный камень».) А, при всём моём уважении к хорошему прозаику Юрию Харлашкину, редактирование и корректура книги стихотворений Марины Ножниной у него не получились. Остаётся надеяться, что все, причастные к изданию сборника, и в первую очередь автор, воспримут всё сказанное здесь без обиды и расценят как искреннее желание помочь одарённому поэту.

Книжная полка



Молчанов-Сибирский, И.И.

Избранные произведения : в 3 т. Т. 1. : стихи, воспоминания, статьи, автографы / И.И. Молчанов-Сибирский. — Иркутск : Сибирская книга (ИП Лаптев А.К.), 2023. — 408 с.

Замечательный сибирский поэт и прозаик Иван Иванович Молчанов-Сибирский оставил после себя большое литературное наследие и очень добрую память. Недаром в Иркутске его именем названа крупнейшая областная библиотека. Скромность и отзывчивость Ивана Ивановича позволяли многим поэтам и писателям обращаться к нему за помощью и советом, за поддержкой, о чём свидетельствуют их многочисленные письма. Иван Иванович Молчанов-Сибирский в первую очередь —

писатель детский, и любовь к детям не иссякала в нём никогда.

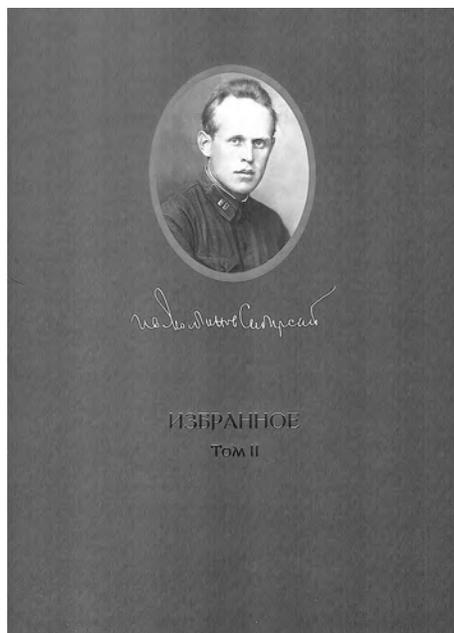
Колоссальная, если вдуматься, по замыслу и исполнению идея детской книги, написанной детьми, — знаменитая в своё время «База курносых» — воплотилась в жизнь благодаря Ивану Ивановичу. В 1-й том вошли стихи, воспоминания, автографы.

Молчанов-Сибирский, И.И.

Избранные произведения : в 3 т. Т. 2. : письма, воспоминания / И.И. Молчанов-Сибирский. — Иркутск : Сибирская книга (ИП Лаптев А.К.). 2023. — 376 с.

Во второй том вошли письма друзей Ивана Ивановича, однополчан и сослуживцев, поэтов и писателей, авторов знаменитой «Базы курносых», а также его письма к жене — Виктории Станиславовне, и её письма.

Вошли и воспоминания младшей дочери поэта Евгении — «Передавая сердца трепет».





Комлев, И.

Оранжевый медведь : рассказы / И. Комлев. — Иркутск : Аспринт, 2024. — 32 с.

Иван Комлев (Иванов Виктор Павлович) родился в 1940 году в Омске. Окончил Омский сельхозинститут по специальности инженерная геодезия. Служил в Советской Армии. Работал в экспедициях на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере, в Сибири. Был шахматным тренером, ведущим инженером института Солнечно-земной физики СО АН СССР, заместителем начальника инспекции Государственного геодезического надзора.

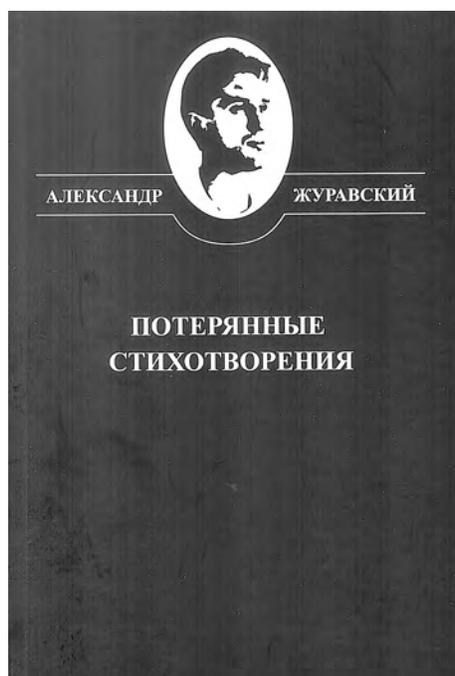
Повести и рассказы Ивана Комлева выходили в Москве, Омске, Иркутске и других городах.

Рассказы «Лепешка» и «Листья» на Всероссийском конкурсе «Русский лад» в 2020 году были отмечены второй премией.

Журавский, А.В.

Потерянные стихотворения / А.В. Журавский. — Иркутск : [б.и.], 2023. — 176 с. : ил.

В новой книге известного поэта, переводчика, полиглота Александра Журавского собраны избранные стихи последнего времени, а также написанные в недалеком прошлом. Вторая часть книги — переводы с более чем двадцати языков. Поэзия Журавского отображает лучшие поэтические традиции народов мира, она образна, многопланова и философична.





Безридная, Т.Н.

Состоянье Рождество : [стихи] / Т.Н. Безридная. — Иркутск : Оттиск, 2023. — 92 с.

Татьяна Безридная — автор пяти книг стихов. В своей шестой книге поэт предлагает читателю лирику ощущений, поэзию, в которой превалирует очень личный, исповедальный тон, изложенный тонким, образным, метафоричным языком, очень разнообразным по ритмике.

Николаев, М.В.

Чёрное и белое : сборник стихотворений / М.В. Николаев. — Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2023. — 221 с.

Основная тема предлагаемого сборника стихов М.В. Николаева «Чёрное и белое» — это попытка лирического героя найти и осмыслить своё место в сегодняшнем быстро меняющемся мире. Почему «Чёрное и белое»? Потому «что и сама наша жизнь, и всё, что её наполняет, работает по принципу маятника и состоит из дополняющих друг друга противоположностей — день и ночь, рождение и смерть, бес и ангел, добро и зло, любовь и ненависть...» По словам автора, «все эти противоположности есть стороны одной медали, которые благодаря своей видимой несовместимости, тем не менее, составляют нечто целое».





Добровольский Михаил. Отец



Добровольский Егор. Сын.



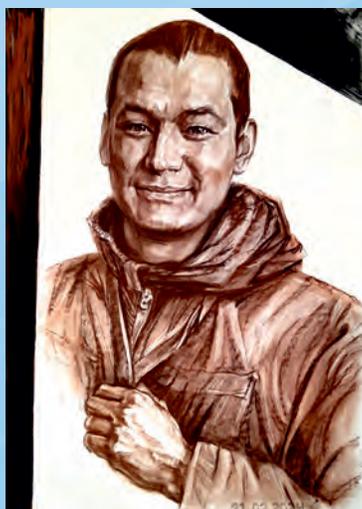
Гавриловский Андрей



Богданов Сергей



Гордеев Иван



Андрей Олейник, погиб



Кубай Валерий



Кубай Григорий



«БАЙКАЛ» Пастухов Ю.Н. 2024, бумага, сангина, уголь. 61x86



Кубай Илья, 2024, бумага, сангина, уголь. 61x86